

Лев Николаевич

Толстой

Севастопольские рассказы

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – 1935

Электронное издание осуществлено

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы:

Государственный музей Л.Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АBBYU

Подготовлено на основе электронных копии 4-го тома

Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предоставленных

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 4-му тому

Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

info@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYУ FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

март 1856 г. Размер подлинника

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ

(1855–1856)

РЕДАКТОРЫ

В. И. СРЕЗНЕВСКИЙ

М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

**** СЕВАСТОПОЛЬ В ДЕКАБРЕ МЕСЯЦЕ.

Утренняя заря только что начинает окрашивать небосклон над Сапун-горою; темно-синяя поверхность моря уже сбросила с себя сумрак ночи и ждет первого луча, чтобы заиграть веселым блеском; с бухты несет холодом и туманом; снега нет – всё черно, но утренний резкий мороз хватает за лицо и трещит под ногами, и далекий неумолкаемый гул моря, изредка прерываемый раскатистыми выстрелами в Севастополе, один нарушает тишину утра. На кораблях глухо бьет 8-я стклянка.

На Северной дневная деятельность понемногу начинает заменять спокойствие ночи: где прошла смена часовых, побрякивая ружьями; где доктор уже спешит к госпиталю; где солдатик вылез из землянки, моет оледенелой водой загорелое лицо, и, оборотясь на зардевшийся восток,

быстро крестясь, молится Богу; где высокая тяжелая маджара на верблюдах со скрипом протащила на кладбище хоронить окровавленных покойников, которыми она чуть не доверху наложена... Вы подходите к пристани – особенный запах каменного угля, навоза, сырости и говядины поражает вас; тысячи разнородных предметов – дрова, мясо, туры, мука, железо и т. п. – кучей лежат около пристани; солдаты разных полков, с мешками и ружьями, без мешков и без ружей, толпятся тут, курят, бранятся, перетаскивают тяжести на пароход, который, дымясь, стоит около помоста; вольные ялики, наполненные всякого рода народом – солдатами, моряками, купцами, женщинами – причаливают и отчаливают от пристани.

– На Графскую, ваше благородие? Пожалуйте, – предлагают вам свои услуги два или три отставных матроса, вставая из яликов.

Вы выбираете тот, который к вам поближе, шагаете через полусгнивший труп какой-то гнедой лошади, которая тут в грязи лежит около лодки, и проходите к рулю. Вы отчалили от берега. Кругом вас блестящее уже на утреннем солнце море, впереди – старый матрос в верблюьем пальто и молодой белоголовый мальчик, которые молча усердно работают веслами. Вы смотрите и на полосатые громады кораблей, близко и далеко рассыпанных по бухте, и на черные небольшие точки шлюпок, движущихся по блестящей лазури, и на красивые светлые строения города, окрашенные розовыми лучами утреннего солнца, виднеющиеся на той стороне, и на пенящуюся белую линию бона и затопленных кораблей, от которых кой-где грустно торчат черные концы мачт, и на далекий неприятельский флот, маячащий на хрустальном горизонте моря, и на пенящиеся струи, в которых прыгают соляные пузырьки, поднимаемые веслами; вы слушаете равномерные звуки ударов вёсел, звуки голосов, по воде долетающих до вас, и величественные звуки стрельбы, которая, как вам кажется, усиливается в Севастополе.

Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости, и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...

– Ваше благородие! прямо под Кистентина[1] держите, – скажет вам старик матрос, оборотившись назад, чтобы поверить направление, которое вы даете лодке, – вправо руля.

– А на нем пушки-то еще все, – заметит беловолосый парень, проходя мимо корабля и разглядывая его.

– А то как же: он новый, на нем Корнилов жил, – заметит старик, тоже взглядывая на корабль.

– Вишь ты, где разорвало! – скажет мальчик, после долгого молчания взглядывая на белое облачко расходящегося дыма, вдруг появившегося высоко-высоко над Южной бухтой и сопровождаемого резким звуком разрыва бомбы.

– Это он с новой батареи нынче палит, – прибавит старик, равнодушно поплеывая на руку. – Ну, навались, Мишка, баркас перегоним. – И ваш ялик быстрее подвигается вперед по широкой зыби бухты, действительно

перегоняет тяжелый баркас, на котором навалены какие-то кули, и неровно гребут неловкие солдаты, и пристает между множеством причаленных всякого рода лодок к Графской пристани.

На набережной шумно шевелятся толпы серых солдат, черных матросов и пестрых женщин. Бабы продают булки, русские мужики с самоварами кричат сбить горячий, и тут же на первых ступенях валяются заржавевшие ядра, бомбы, картечи и чугунные пушки разных калибров. Немного далее большая площадь, на которой валяются какие-то огромные брусья, пушечные станки, спящие солдаты; стоят лошади, повозки, зеленые орудия и ящики, пехотные козлы; двигаются солдаты, матросы, офицеры, женщины, дети, купцы; ездят телеги с сеном, с кулями и с бочками; кой-где проедет казак и офицер верхом, генерал на дрожках. Направо улица загорожена баррикадой, на которой в амбразурах стоят какие-то маленькие пушки, и около них сидит матрос, покуривая трубочку. Налево красивый дом с римскими цифрами на фронте, под которым стоят солдаты и окровавленные носилки, – везде вы видите неприятные следы военного лагеря. Первое впечатление ваше непременно самое неприятное: странное смешение лагерной и городской жизни, красивого города и грязного бивуака не только не красиво, но кажется отвратительным беспорядком; вам даже покажется, что все перепуганы, суетятся, не знают, что делать. Но взгляните ближе в лица этих людей, движущихся вокруг вас, и вы поймете совсем другое. Посмотрите хоть на этого фурштатского солдатика, который ведет поить какую-то гнедую тройку и так спокойно мурлыкает себе что-то под нос, что, очевидно, он не заблудится в этой разнородной толпе, которой для него и не существует, но что он исполняет свое дело, какое бы оно ни было – поить лошадей или таскать орудия – так же спокойно и самоуверенно, и равнодушно, как бы всё это происходило где-нибудь в Туле или в Саранске. То же выражение читаете вы и на лице этого офицера, который в безукоризненно белых перчатках проходит мимо, и в лице матроса, который курит, сидя на баррикаде, и в лице рабочих солдат, с носилками дожидаящихся на крыльце бывшего Собрании, и в лице этой девицы, которая, боясь замочить свое розовое платье, по камешкам перепрыгивает через улицу.

Да! вам непременно предстоит разочарование, ежели вы в первый раз въезжаете в Севастополь. Напрасно вы будете искать хоть на одном лице следов суетливости, растерянности или даже энтузиазма, готовности к смерти, решимости; – ничего этого нет: вы видите будничных людей, спокойно занятых будничным делом, так что, может быть, вы упрекнете себя в излишней восторженности, усомнитесь немного в справедливости понятия о геройстве защитников Севастополя, которое составилось в вас по рассказам, описаниям и вида, и звуков с Северной стороны. Но прежде, чем сомневаться, сходите на бастионы, посмотрите защитников Севастополя на самом месте защиты или, лучше, зайдите прямо напротив в этот дом, бывший прежде Севастопольским Собранием и у крыльца которого стоят солдаты с носилками, – вы увидите там защитников Севастополя, увидите там ужасные и грустные, великие и забавные, но изумительные, возвышающие душу зрелища.

Вы входите в большую залу Собрания. Только что вы отворили дверь, вид и запах 40 или 50 ампутационных и самых тяжело-раненых больных, одних на койках, большей частью на полу, вдруг поражает вас. Не

верьте чувству, которое удерживает вас на пороге залы, – это дурное чувство, – идите вперед, не стыдитесь того, что вы как будто пришли смотреть на страдальцев, не стыдитесь подойти и поговорить с ними: несчастные любят видеть человеческое сочувствующее лицо, любят рассказать про свои страдания и услышать слова любви и участия. Вы проходите по середине постелей и ищете лицо менее строгое и страдающее, к которому вы решитесь подойти, чтобы побеседовать.

– Ты куда ранен? – спрашиваете вы нерешительно и робко у одного старого, исхудалого солдата, который, сидя на койке, следит за вами добродушным взглядом и как будто приглашает подойти к себе. Я говорю: «робко спрашиваете», потому что страдания, кроме глубокого сочувствия, внушают почему-то страх оскорбить и высокое уважение к тому, кто перенес их.

– В ногу, – отвечает солдат; – но в это самое время вы сами замечаете по складкам одеяла, что у него ноги нет выше колена. – Слава Богу теперь, – прибавляет он: – на выписку хочу.

– А давно ты уже ранен?

– Да вот шестая неделя пошла, ваше благородие!

– Что же, болит у тебя теперь?

– Нет, теперь не болит, ничего; только как будто в икре ноет, когда погода, а то ничего.

– Как же ты это был ранен?

– На 5-м баксионе, ваше благородие, как первая бандировка была: навел пушку, стал отходить, таким манером, к другой амбразуре, как он ударит меня по ноге, ровно как в яму оступился. Глядь, а ноги нет.

– Неужели больно не было в эту первую минуту?

– Ничего; только как горячим чем меня пхнули в ногу.

– Ну, а потом?

– И потом ничего; только как кожу натягивать стали, так саднило как будто. Оно первое дело, ваше благородие, не думать много: как не думаешь, оно тебе и ничего. Всё больше оттого, что думает человек.

В это время к вам подходит женщина в сереньком полосатом платье, повязанная черным платком; она вмешивается в ваш разговор с матросом и начинает рассказывать про него, про его страдания, про отчаянное положение, в котором он был четыре недели, про то, как, бывши ранен, остановил носилки, с тем чтобы посмотреть на залп нашей батареи, как великие князья говорили с ним и пожаловали ему 25 рублей, и как он сказал им, что он опять хочет на бастион, с тем, чтобы учить молодых, ежели уже сам работать не может. Говоря всё это одним духом, женщина эта смотрит то на вас, то на матроса, который,

отвернувшись и как будто не слушая ее, щиплет у себя на подушке корпию, и глаза ее блестят каким-то особенным восторгом.

– Это хозяйка моя, ваше благородие! – замечает вам матрос с таким выражением, как будто извиняется за нее перед вами, как будто говорит: «уж вы ее извините. Известно, бабье дело – глупые слова говорит».

Вы начинаете понимать защитников Севастополя; вам становится почему-то совестно за самого себя перед этим человеком. Вам хотелось бы сказать ему слишком много, чтобы выразить ему свое сочувствие и удивление; но вы не находите слов или недовольны теми, которые приходят вам в голову, – и вы молча склоняетесь перед этим молчаливым, бессознательным величием и твердостью духа, этой стыдливостью перед собственным достоинством.

– Ну, дай Бог тебе поскорее поправиться, – говорите вы ему и останавливаетесь перед другим больным, который лежит на полу и, как кажется, в нестерпимых страданиях ожидает смерти.

Это белокурый, с пухлым и бледным лицом человек. Он лежит навзничь, закинув назад левую руку, в положении, выражающем жестокое страдание. Сухой открытый рот с трудом выпускает хрипящее дыхание; голубые оловянные глаза закачены кверху, и из-под сбившегося одеяла высунут остаток правой руки, обернутый бинтами. Тяжелый запах мертвого тела сильнее поражает вас, и пожирающий внутренний жар, проникающий все члены страдальца, проникает как будто и вас.

– Чтò, он без памяти? – спрашиваете вы у женщины, которая идет за вами и ласково, как на родного, смотрит на вас.

– Нет, еще слышит, да уж очень плох, – прибавляет она шопотом. – Я его нынче чаем поила – что ж, хоть и чужой, всё надо жалость иметь – так уж не пил почти.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваете вы его.

Раненый поворачивает зрачки на ваш голос, но не видит и не понимает вас.

– У сердце гхорить.

Немного далее вы видите старого солдата, который переменяет белье. Лицо и тело его какого-то коричневого цвета и худы, как скелет. Руки у него совсем нет: она вылущена в плече. Он сидит бодро, он поправился; но по мертвому, тусклому взгляду, по ужасной худобе и морщинам лица вы видите, что это существо, уже выстрадавшее лучшую часть своей жизни.

С другой стороны вы увидите на койке страдальческое, бледное-бледное и нежное лицо женщины, на котором играет во всю щеку горячечный румянец.

– Это нашу матроску 5-го числа в ногу задело бомбой, – скажет вам

ваша путеводительница: – она мужу на бастион обедать носила.

– Что ж, отрезали?

– Выше колена отрезали.

Теперь, ежели нервы ваши крепки, пройдите в дверь налево: в той комнате делают перевязки и операции. Вы увидите там докторов с окровавленными по локти руками и бледными, угрюмыми физиономиями, занятых около койки, на которой, с открытыми глазами и говоря, как в бреду, бессмысленные, иногда простые и трогательные слова, лежит раненый, под влиянием хлороформа. Доктора заняты отвратительным, но благодетельным делом ампутаций. Вы увидите, как острый кривой нож входит в белое здоровое тело; увидите, как с ужасным, раздирающим криком и проклятиями раненый вдруг приходит в чувство; увидите, как фельдшер бросит в угол отрезанную руку; увидите, как на носилках лежит, в той же комнате, другой раненый и, глядя на операцию товарища, корчится и стонет не столько от физической боли, сколько от моральных страданий ожидания, – увидите ужасные, потрясающие душу зрелища; увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти...

Выходя из этого дома страданий, вы непременно испытаете отрадное чувство, полнее вдохнете в себя свежий воздух, почувствуете удовольствие в сознании своего здоровья, но, вместе с тем, в созерцании этих страданий почерпнете сознание своего ничтожества и спокойно, без нерешимости пойдете на бастионы...

«Что значат смерть и страдание такого ничтожного червяка, как я, в сравнении с столькими смертями и столькими страданиями?» Но вид чистого неба, блестящего солнца, красивого города, отворенной церкви и движущегося по разным направлениям военного люда скоро приведет ваш дух в нормальное состояние легкомыслия, маленьких забот и увлечения одним настоящим.

Навстречу попадутся вам, может быть, из церкви похороны какого-нибудь офицера, с розовым гробом и музыкой и развевающимися хоругвями; до слуха вашего долетят, может быть, звуки стрельбы с бастионов, но это не наведет вас на прежние мысли; похороны покажутся вам весьма красивым воинственным зрелищем, звуки – весьма красивыми воинственными звуками, и вы не соедините ни с этим зрелищем, ни с этими звуками мысли ясной, перенесенной на себя, о страданиях и смерти, как вы это сделали на перевязочном пункте.

Пройдя церковь и баррикаду, вы войдете в самую оживленную внутреннюю жизнь часть города. С обеих сторон вывески лавок, трактиров; купцы, женщины в шляпках и платочках, щеголеватые офицеры, – всё говорит вам о твердости духа, самоуверенности, безопасности жителей.

Зайдите в трактир направо, ежели вы хотите послушать толки моряков и офицеров: там уж верно идут рассказы про нынешнюю ночь, про Феньку, про дело 24-го, про то, как дорого и нехорошо подают котлетки, и про

то, как убит тот-то и тот-то товарищ.

– Чорт возьми, как нынче у нас плохо! – говорит басом белобрысенький, безусый морской офицерик в зеленом вязаном шарфе.

– Где у нас? – спрашивает его другой.

– На 4-м бастионе, – отвечает молоденький офицер, и вы непременно с бóльшим вниманием и даже некоторым уважением посмотрите на белобрысенького офицера при словах: «на 4-м бастионе». Его слишком большая развязность, размахивание руками, громкий смех и голос, казавшиеся вам нахальством, покажутся вам тем особенным бретерским настроением духа, которое приобретают иные очень молодые люди после опасности; но всё-таки вы подумаете, что он станет вам рассказывать, как плохо на 4-м бастионе от бомб и пуль: ничуть не бывало! плохо оттого, что грязно. «Пройти на батарею нельзя», скажет он, показывая на сапоги, выше икор покрытые грязью. «А у меня нынче лучшего комендора убили, прямо в лоб вlepило», скажет другой. «Кого это? Митюхина?» – «Нет... Да что, дадут ли мне телятины? Вот каналы! – прибавит он к трактирному слуге. – Не Митюхина, а Абросимова. Молодец такой – в шести вылазках был».

На другом углу стола, за тарелками котлет с горошком и бутылкой кислого крымского вина, называемого «бордо», сидят два пехотных офицера: один молодой, с красным воротником и с двумя звездочками на шинели, рассказывает другому, старому, с черным воротником и без звездочек, про альминское дело. Первый уже немного выпил, и по остановкам, которые бывают в его рассказе, по нерешительному взгляду, выражающему сомнение в том, что ему верят, и главное, что слишком велика роль, которую он играл во всем этом, и слишком всё страшно, заметно, что он сильно отклоняется от строгого повествования истины. Но вам не до этих рассказов, которые вы долго еще будете слушать во всех углах России: вы хотите скорее идти на бастионы, именно на 4-й, про который вам так много и так различно рассказывали. Когда кто-нибудь говорит, что он был на 4-м бастионе, он говорит это с особенным удовольствием и гордостью; когда кто говорит: «я иду на 4-й бастион», непременно заметно в нем маленькое волнение или слишком большое равнодушие; когда хотят подшутить над кем-нибудь, говорят: «тебя бы поставить на 4-й бастион»; когда встречают носилки и спрашивают: «откуда?» большей частью отвечают: «с 4-го бастиона». Вообще же существуют два совершенно различные мнения про этот страшный бастион: тех, которые никогда на нем не были, и которые убеждены, что 4-й бастион есть верная могила для каждого, кто пойдет на него, и тех, которые живут на нем, как белобрысенький мичман, и которые, говоря про 4-й бастион, скажут вам, сухо или грязно там, тепло или холодно в землянке и т.д.

В полчаса, которые вы провели в трактире, погода успела перемениться: туман, расстилавшийся по морю, собрался в серые, скучные, сырые тучи и закрыл солнце; какая-то печальная изморозь сыплется сверху и мочит крыши, тротуары и солдатские шинели...

Пройдя еще одну баррикаду, вы выходите из дверей направо и поднимаетесь вверх по большой улице. За этой баррикадой дома по

обеим сторонам улицы необитаемы, вывесок нет, двери закрыты досками, окна выбиты, где отбит угол стены, где пробита крыша. Строения кажутся старыми, испытанными всякое горе и нужду ветеранами, и как будто гордо и несколько презрительно смотрят на вас. По дороге спотыкаетесь вы на валяющиеся ядра и в ямы с водой, вырытые в каменном грунте бомбами. По улице встречаете вы и обгоняете команды солдат, пластунов, офицеров; изредка встречается женщина или ребенок, но женщина уже не в шляпке, а матроска в старой шубейке и в солдатских сапогах. Проходя дальше по улице и спустившись под маленький изволок, вы замечаете вокруг себя уже не дома, а какие-то странные груды развалин-камней, досок, глины, бревен; впереди себя на крутой горе видите какое-то черное, грязное пространство, изрытое канавами, и это-то впереди и есть 4-й бастион... Здесь народу встречается еще меньше, женщин совсем не видно, солдаты идут скоро, по дороге попадают капли крови и непременно встретите тут четырех солдат с носилками и на носилках бледно-желтоватое лицо и окровавленную шинель. Ежели вы спросите: «куда ранен?» носильщики сердито, не поворачиваясь к вам, скажут: в ногу или в руку, ежели он ранен легко; или сурово промолчат, ежели из-за носилок не видно головы, и он уже умер или тяжело ранен.

Недалекий свист ядра или бомбы, в то самое время, как вы станете подниматься на гору, неприятно поразит вас. Вы вдруг поймете и совсем иначе, чем понимали прежде, значение тех звуков выстрелов, которые вы слушали в городе. Какое-нибудь тихо-отрадное воспоминание вдруг блеснет в вашем воображении; собственная ваша личность начнет занимать вас больше, чем наблюдения; у вас станет меньше внимания ко всему окружающему, и какое-то неприятное чувство нерешимости вдруг овладеет вами. Несмотря на этот подленький голос при виде опасности, вдруг заговоривший внутри вас, вы, особенно взглянув на солдата, который, размахивая руками и осклизаясь под гору, по жидкой грязи, рысью, со смехом бежит мимо вас, – вы заставляете молчать этот голос, невольно выпрямляете грудь, поднимаете выше голову и карабкаетесь вверх на скользкую глинистую гору. Только что вы немного взобрались на гору, справа и слева начинают жужжать штуцерные пули, и вы, может быть, призадумаетесь, не итти ли вам по траншее, которая ведет параллельно с дорогой; но траншея эта наполнена такой жидкой, желтой, вонючей грязью выше колена, что вы непременно выберете дорогу по горе, тем более, что вы видите, все идут по дороге. Пройдя шагов двести, вы входите в изрытое, грязное пространство, окруженное со всех сторон турами, насыпями, погребями, платформами, землянками, на которых стоят большие чугунные орудия и правильными кучами лежат ядра. Всё это кажется вам нагроможденным без всякой цели, связи и порядка. Где на батарее сидит кучка матросов, где по середине площадки, до половины потонув в грязи, лежит разбитая пушка, где пехотный солдатик, с ружьем переходящий через батарею и с трудом вытаскивающий ноги из липкой грязи; везде, со всех сторон и во всех местах, видите черепки, неразорванные бомбы, ядра, следы лагеря, и всё это затопленное в жидкой, вязкой грязи. Как вам кажется, недалеко от себя слышите вы удар ядра, со всех сторон, кажется, слышите различные звуки пуль, – жужжащие, как пчела, свистящие, быстрые или визжащие, как струна, – слышите ужасный гул выстрела, потрясающий всех вас, и который вам кажется чем-то ужасно страшным.

«Так вот он, 4-й бастион, вот оно, это страшное, действительно ужасное место!» думаете вы себе, испытывая маленькое чувство гордости и большое чувство подавленного страха. Но разочаруйтесь: это еще не 4-й бастион. Это Язоновский редут – место, сравнительно, очень безопасное и вовсе не страшное. Чтобы идти на 4-й бастион, возьмите направо, по этой узкой траншее, по которой, нагнувшись, побрел пехотный солдатик. По траншее этой встретите вы, может быть, опять носилки, матроса, солдат с лопатами, увидите проводники мин, землянки в грязи, в которые, согнувшись, могут влезать только два человека, и там увидите пластунов черноморских батальонов, которые там переобуваются, едят, курят трубки, живут, и увидите опять везде ту же вонючую грязь, следы лагеря и брошенный чугун во всевозможных видах. Пройдя еще шагов триста, вы снова выходите на батарею – на площадку, изрытую ямами и обставленную турами, насыпанными землей, орудиями на платформах и земляными валами. Здесь увидите вы, может быть, человек пять матросов, играющих в карты под бруствером, и морского офицера, который, заметив в вас нового человека, любопытного, с удовольствием покажет вам свое хозяйство и всё, что для вас может быть интересного. Офицер этот так спокойно свертывает папироску из желтой бумаги, сидя на орудии, так спокойно прохаживается от одной амбразуры к другой, так спокойно, без малейшей аффектации говорит с вами, что, несмотря на пули, которые чаще, чем прежде, жужжат над вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно спрашиваете и слушаете рассказы офицера. Офицер этот расскажет вам, – но только, ежели вы его спросите, – про бомбардирование 5-го числа, расскажет, как на его батарее только одно орудие могло действовать, и из всей прислуги осталось 8 человек, и как всё-таки на другое утро 6-го он палил [2] из всех орудий; расскажет вам, как 5-го попала бомба в матросскую землянку и положила одиннадцать человек; покажет вам из амбразур батареи и траншеи неприятельские, которые не дальше здесь, как в 30–40 саженях. Одного я боюсь, что под влиянием жужжания пуль, высовываясь из амбразур, чтобы посмотреть неприятеля, вы ничего не увидите, а ежели увидите, то очень удивитесь, что этот белый каменный вал, который так близко от вас и на котором вспыхивают белые дымки, это – то белый вал и есть неприятель – он, как говорят солдаты и матросы.

Даже очень может быть, что морской офицер, из тщеславия или просто так, чтобы доставить себе удовольствие, захочет при вас пострелять немного. «Послать комендора и прислугу к пушке», и человек четырнадцать матросов живо, весело, кто засовывая в карман трубку, кто дожевывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформе, подойдут к пушке и зарядят ее. Вглядитесь в лица, в осанки и в движения этих людей: в каждой морщине этого загорелого, скуластого лица, в каждой мышце, в ширине этих плеч, в толщине этих ног, обутых в громадные сапоги, в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны эти главные черты, составляющие силу русского, – простоты и упрямства.

Вдруг ужаснейший, потрясающий не одни ушные органы, но всё существо ваше, гул поражает вас так, что вы вздрагиваете всем телом. Вслед затем вы слышите удаляющийся свист снаряда, и густой пороховой дым застилает вас, платформу и черные фигуры движущихся по ней матросов.

По случаю этого нашего выстрела вы услышите различные толки матросов и увидите их одушевление и проявление чувства, которого вы не ожидали видеть, может быть, – это чувство злобы, мщения врагу, которое таится в душе каждого. «В самую абрауру попала; кажись, убило двух... вон понесли», услышите вы радостные восклицания. «А вот он рассерчает: сейчас пустит сюда», скажет кто-нибудь; и действительно, скоро вслед за этим вы увидите впереди себя молнию, дым; часовой, стоящий на бруствере, крикнет: «пу-у-шка!» И вслед за этим мимо вас взвизгнет ядро, шлепнется в землю и воронкой взбросит вокруг себя брызги грязи и камни. Батарейный командир рассердится за это ядро, прикажет зарядить другое и третье орудия, неприятель тоже станет отвечать нам, и вы испытаете интересные чувства, услышите и увидите интересные вещи. Часовой опять закричит: «пушка» – и вы услышите тот же звук и удар, те же брызги, или закричит: «маркела!», [3] и вы услышите равномерное, довольно приятное и такое, с которым с трудом соединяется мысль об ужасном, посвистывание бомбы, услышите приближающееся к вам и ускоряющееся это посвистывание, потом увидите черный шар, удар о землю, ощутительный, звенящий разрыв бомбы. Со свистом и визгом разлетятся потом осколки, зашуршат в воздухе камни, и забрызгает вас грязью. При этих звуках вы испытаете странное чувство наслаждения и вместе страха. В ту минуту, как снаряд, вы знаете, летит на вас, вам непременно придет в голову, что снаряд этот убьет вас; но чувство самолюбия поддерживает вас, и никто не замечает ножа, который режет вам сердце. Но зато, когда снаряд пролетел, не задев вас, вы оживаете, и какое-то отрадное, невыразимо приятное чувство, но только на мгновение, овладевает вами, так что вы находите какую-то особенную прелесть в опасности, в этой игре жизнью и смертью; вам хочется, чтобы еще и еще и поближе упало около вас ядро или бомба. Но вот еще часовой прокричал своим громким, густым голосом: «маркела», еще посвистывание, удар и разрыв бомбы; но вместе с этим звуком вас поражает стон человека. Вы подходите к раненому, который, в крови и грязи, имеет какой-то странный нечеловеческий вид, в одно время с носилками. У матроса вырвана часть груди. В первые минуты на забрызганном грязью лице его виден один испуг и какое-то притворное преждевременное выражение страдания, свойственное человеку в таком положении; но в то время, как ему приносят носилки, и он сам на здоровый бок ложится на них, вы замечаете, что выражение это сменяется выражением какой-то восторженности и высокой, невысказанной мысли: глаза горят, зубы сжимаются, голова с усилием поднимается выше, и в то время, как его поднимают, он останавливает носилки и с трудом, дрожащим голосом говорит товарищам: «простите, братцы!», еще хочет сказать что-то, и видно, что хочет сказать что-то трогательное, но повторяет только еще раз: «простите, братцы!» В это время товарищ-матрос подходит к нему, надевает фуражку на голову, которую подставляет ему раненый, и спокойно, равнодушно, размахивая руками, возвращается к своему орудью. «Это вот каждый день этак человек семь или восемь», говорит вам морской офицер, отвечая на выражение ужаса, выражающегося на вашем лице, зевая и свертывая папиросу из желтой бумаги...

.....
.....
..

Итак, вы видели защитников Севастополя на самом месте защиты и идете назад, почему-то не обращая никакого внимания на ядра и пули, продолжающие свистать по всей дороге до разрушенного театра, – идете с спокойным, возвысившимся духом. Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, это – убеждение в невозможности взять Севастополь и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа, – и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитро сплетенных траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли, но видели ее в глазах, речах, приемах, в том, что называется духом защитников Севастополя. То, что они делают, делают они так просто, так мало-напряженно и усиленно, что, вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они всё могут сделать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть то чувство мелочности, тщеславия, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, более властное, которое сделало из них людей, так же спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти вместо одной, которой подвержены все люди, и живущих в этих условиях среди непрерывного труда, бдения и грязи. Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. Только теперь рассказы о первых временах осады Севастополя, когда в нем не было укреплений, не было войск, не было физической возможности удержать его, и всё-таки не было ни малейшего сомнения, что он не отдастся неприятелю, – о временах, когда этот герой, достойный древней Греции, – Корнилов, объезжая войска, говорил: «умрем, ребята, а не отдадим Севастополя», и наши русские, неспособные к фразерству, отвечали: «умрем! ура!» – только теперь рассказы про эти времена перестали быть для вас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом. Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжелые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину. Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский.....

Уже вечереет. Солнце перед самым закатом вышло из-за серых туч, покрывающих небо, и вдруг багряным светом осветило лиловые тучи, зеленоватое море, покрытое кораблями и лодками, колыхаемое ровной широкой зыбью, и белые строения города, и народ, движущийся по улицам. По воде разносятся звуки какого-то старинного вальса, который играет полковая музыка на бульваре, и звуки выстрелов с бастионов, которые странно вторят им.

Севастополь.

1855 года, 25 апреля.

**** СЕВАСТОПОЛЬ В МАЕ.

1.

Уже шесть месяцев прошло с тех пор, как просвистало первое ядро с бастионов Севастополя и взрыло землю на работах неприятеля, и с тех пор тысячи бомб, ядер и пуль не переставали летать с бастионов в траншеи и с траншей на бастионы, и ангел смерти не переставал парить над ними. –

Тысячи людских самолюбий успели оскорбиться, тысячи успели удовлетвориться, надуться, тысячи – успокоиться в объятиях смерти. Сколько звездочек надето, сколько снято, сколько Анн, Владимиров, сколько розовых гробов и полотняных покровов! А всё те же звуки раздаются с бастионов, всё так же – с невольным трепетом и суеверным страхом, – смотрят в ясный вечер французы из своего лагеря на черную изрытую землю бастионов Севастополя, на черные движущиеся по ним фигуры наших матросов и считают амбразуры, из которых сердито торчат чугунные пушки; всё так же в трубу рассматривает, с вышки телеграфа, штурманский унтер-офицер пестрые фигуры французов, их батареи, палатки, колонны, движущиеся по Зеленой горе, и дымки, вспыхивающие в траншеях, и всё с тем же жаром стремятся с различных сторон света разнородные толпы людей, с еще более разнородными желаниями, к этому роковому месту.

А вопрос, нерешенный дипломатами, еще меньше решается порохом и кровью.

Мне часто приходила странная мысль: что ежели бы одна воюющая сторона предложила другой – выслать из каждой армии по одному солдату? Желание могло бы показаться странным, но отчего не исполнить его? Потом выслать другого, с каждой стороны, потом 3-го, 4-го и т. д. до тех пор, пока осталось бы по одному солдату в каждой армии (предполагая, что армии равносильны, и что количество было бы заменяемо качеством). И тогда, ежели уже действительно сложные политические вопросы, между разумными представителями разумных созданий, должны решаться дракой, пускай бы подрались эти два солдата – один бы осаждал город, другой бы защищал его.

Это рассуждение кажется только парадоксом, но оно верно. – Действительно, какая бы была разница между одним русским, воюющим против одного представителя союзников, и между 80 тысячами воюющих против 80 тысяч? Отчего не 135 тысяч против 135 тысяч? Отчего не 20 тысяч против 20 тысяч? Отчего не 20 против 20-ти? Отчего не один против одного? Никак одно не логичнее другого. Последнее, напротив, гораздо логичнее, потому что человечнее. Одно из двух: или война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания, как у нас почему-то принято думать. –

2.

В осажденном городе Севастополе, на бульваре, около павильона играла полковая музыка, и толпы военного народа и женщин празднично двигались по дорожкам. Светлое весеннее солнце взошло с утра над английскими работами, перешло на бастионы, потом на город, – на Николаевскую казарму и, одинаково радостно светя для всех, теперь спускалось к далекому синему морю, которое, мерно колыхаясь, светилось серебряным блеском.

Высокий, немного сутуловатый пехотный офицер, натягивая на руку не совсем белую, но опрятную перчатку, вышел из калитки одного из маленьких матросских домиков, нагроможденных на левой стороне Морской улицы, и, задумчиво глядя себе под ноги, направился в гору к бульвару. Выражение некрасивого с низким лбом лица этого офицера изобличало тупость умственных способностей, но притом рассудительность, честность и склонность к порядочности. Он был дурно сложен – длинноног, неловок и как будто стыдлив в движениях. На нем была незатасканная фуражка, тонкая, немного странного лилового цвета шинель, из-под борта которой виднелась золотая цепочка часов; панталоны со штрипками и чистые, блестящие, хотя и с немного стоптанными в разные стороны каблуками, опойковые сапоги, но не столько по этим вещам, которые не встречаются обыкновенно у пехотного офицера, сколько по общему выражению его персоны, опытный военный глаз сразу отличал в нем не совсем обыкновенного пехотного офицера, а немного повыше. Он должен был быть или немец, ежели бы не изобличали черты лица его чисто русское происхождение, или адъютант, или квартирмейстер полковой (но тогда бы у него были шпоры), или офицер на время кампании перешедший из кавалерии, а может и из гвардии. Он действительно был перешедший из кавалерии, и в настоящую минуту, поднимаясь к бульвару, думал о письме, которое сейчас получил от бывшего товарища, теперь отставного, помещика Т. губернии, и жены его, бледной голубоглазой Наташи, своей большой приятельницы. Он вспоминал одно место письма, в котором товарищ пишет:

«Когда приносят нам «Инвалид», то Пупка (так отставной улан называл жену свою) бросается опрометью в переднюю, хватает газеты и бежит с ними на эс в беседку, в гостиную (в которой, помнишь, как славно мы проводили с тобой зимние вечера, когда полк стоял у нас в городе), и с таким жаром читает ваши геройские подвиги, что ты себе представить не можешь. Она часто про тебя говорит: Вот Михайлов! говорит она, так это душка человек – я готова расцеловать его, когда увижу – он сражается на бастионах и непременно получит Георгиевский крест, и про него в газетах напишут и т. д. и т. д., так что я решительно начинаю ревновать к тебе». – В другом месте он пишет: «До нас газеты доходят ужасно поздно, а хотя изустных новостей и много, не всем можно верить. Например, знакомые тебе барышни с музыкой рассказывали вчера, что уж будто Наполеон пойман нашими казаками и отослан в Петербург, но ты понимаешь, как много я этому верю. Рассказывал же нам один приезжий из Петербурга (он у министра по особым порученьям,

премилый человек, и теперь, как в городе никого нет, такая для нас рисурс, что ты себе представить не можешь) – так он говорит наверно, что наши заняли Евпаторию, так что французам нет уж сообщения с Балаклавой, и что у нас при этом убито 200 человек, а у французов до 15 тыс. Жена была в таком восторге по этому случаю, что кутила целую ночь и говорит, что ты наверное, по ее предчувствию, был в этом деле и отличился»...

Несмотря на те слова и выражения, которые я нарочно отметил курсивом, и на весь тон письма, по которым высокомерный читатель верно составил себе истинное и невыгодное понятие, в отношении порядочности, о самом штабс-капитане Михайлове, на стоптанных сапогах, о товарище его, который пишет рисурс и имеет такие странные понятия о географии, о бледном друге на эсе (может быть, даже и не без основания вообразив себе эту Наташу с грязными ногтями), и вообще о всем этом праздном грязеньком провинциальном презренном для него круге, штабс-капитан Михайлов с невыразимо грустным наслаждением вспомнил о своем губернском бледном друге и как он сживал, бывало, с ним по вечерам в беседке и говорил о чувстве, вспомнил о добром товарище-улане, как он сердился и ремизился, когда они, бывало, в кабинете составляли пульку по копейке, как жена смеялась над ним, – вспомнил о дружбе к себе этих людей (может быть, ему казалось, что было что-то больше со стороны бледного друга): все эти лица с своей обстановкой мелькнули в его воображении в удивительно-сладком, отрадно-розовом цвете, и он, улыбаясь своим воспоминаниям, дотронулся рукою до кармана, в котором лежало это милое для него письмо. – Эти воспоминания имели тем большую прелесть для штабс-капитана Михайлова, что тот круг, в котором ему теперь привелось жить в пехотном полку, был гораздо ниже того, в котором он вращался прежде, как кавалерист и дамский кавалер, везде хорошо принятый в городе Т.

Его прежний круг был до такой степени выше теперешнего, что когда, в минуты откровенности, ему случалось рассказывать пехотным товарищам, как у него были свои дрожки, как он танцевал на балах у губернатора и играл в карты с штатским генералом, его слушали равнодушно-недоверчиво, как будто не желая только противоречить и доказывать противное – «пускай говорит», мол, и что ежели он не выказывал явного презрения к кутежу товарищей – водкой, к игре на 5-ти рублевый банк, и вообще к грубости их отношений, то это надо отнести к особенной кротости, уживчивости и рассудительности его характера.

От воспоминаний штабс-капитан Михайлов невольно перешел к мечтам и надеждам. «Каково будет удивление и радость Наташи, думал он, шагая на своих стоптанных сапогах по узенькому переулку, когда она вдруг прочтет в «Инвалиде» описание, как я первый влез на пушку и получил Георгия. Капитана же я должен получить по старому представлению. Потом очень легко я в этом же году могу получить майора по линии, потому что много перебито, да и еще, верно, много перебьют нашего брата в эту кампанию. А потом опять будет дело, и, мне, как известному человеку, поручат полк... подполковник... Анну на шею... полковник...» и он был уже генералом, удостоивающим посещения Наташу, вдову товарища, который по его мечтам, умрет к этому времени, когда звуки бульварной музыки яснее долетели до его слуха,

толпы народа кинулись ему в глаза, и он очутился на бульваре прежним пехотным штабс-капитаном, ничего незначущим, неловким и робким.

3.

Он подошел сначала к павильону, подле которого стояли музыканты, которым вместо пюпитров другие солдаты того же полка раскрывши держали ноты, и около которых, больше смотря, чем слушая, составили кружок писаря, юнкера, няньки с детьми и офицеры в старых шинелях. Кругом павильона стояли, сидели и ходили большею частью моряки, адъютанты и офицеры в белых перчатках и новых шинелях. По большой аллее бульвара ходили всяких сортов офицеры и всяких сортов женщины, изредка в шляпках, большей частью в платочках (были и без платочков и без шляпок), но ни одной не было старой, а все молодые. Внизу по тенистым, пахучим аллеям белых акаций ходили и сидели уединенные группы.

Никто особенно рад не был, встретив на бульваре штабс-капитана Михайлова, исключая, может быть, его полка капитана Обжогова и прапорщика Сусликова, которые с горячностью пожали ему руку, но первый был в верблюжьих штанах, без перчаток, в обтрепанной шинели и с таким красным вспотевшим лицом, а второй кричал так громко и развязно, что совестно было ходить с ними, особенно перед офицерами в белых перчатках, из которых с одним – с адъютантом – штабс-капитан Михайлов кланялся, а с другим – штаб-офицером – мог бы кланяться, потому что два раза встречал его у общего знакомого.

Притом же, что веселого ему было гулять с этими г-ами Обжоговым и Сусликовым, когда он и без того по 6-ти раз на день встречал их и пожимал им руки. Не для этого же он пришел на музыку.

Ему бы хотелось подойти к адъютанту, с которым он кланялся, и поговорить с этими г-ми совсем не для того, чтобы капитан Обжогов и прапорщик Сусликов и поручик Пиштецкий и др. видели, что он говорит с ними, но просто для того, что они приятные люди, притом знают все новости – порассказали бы... Но отчего же штабс-капитан Михайлов боится и не решается подойти к ним? «Что ежели они вдруг мне не поклонятся? думает он, или поклонятся и будут продолжать говорить между собою, как будто меня нет, или вовсе уйдут от меня, и я там останусь один между аристократами». Слово аристократы (в смысле высшего отборного круга, в каком бы то ни было сословии) получило у нас в России (где бы кажется, не должно бы было быть его) с некоторого времени большую популярность и проникло во все края и во все слои общества, куда проникло только тщеславие (а в какие условия времени и обстоятельств не проникает эта гнусная страстишка?) – между купцами, между чиновниками, писарями, офицерами, в Саратов, в Мамадыши, в Винницы, везде, где есть люди. – А так как в осажденном городе Севастополе людей много, следовательно и тщеславия много, то есть и аристократы, несмотря на то, что ежеминутно висит смерть над

головой каждого аристократа и не-аристократа. Для капитана Обжогова штабс-капитан Михайлов аристократ, потому что у него чистая шинель и перчатки, и он его за это терпеть не может, хотя уважает немного, для штабс-капитана Михайлова адъютант Калугин аристократ, потому что он адъютант и на «ты» с другим адъютантом; и за это он не совсем хорошо расположен к нему, хотя и боится его. Для адъютанта Калугина граф Нордов аристократ, и он его всегда ругает и презирает в душе за то, что он флигель-адъютант. Ужасное слово аристократ. Зачем подпоручик Зобов так принужденно смеется, проходя мимо своего товарища, который сидит с штаб-офицером? Чтобы доказать этим, что, хотя он и не аристократ, но всё-таки ничуть не хуже их. Зачем штаб-офицер говорит таким слабым лениво-грустным голосом? Чтоб доказать своему собеседнику, что он аристократ и очень милостив, разговаривая с подпоручиком. Зачем юнкер так размахивает руками и подмигивает, идя за барыней, которую он в первый раз видит и к которой он ни за что не решится подойти? Чтоб показать всем офицерам, что несмотря на то, что он им шапку снимает, он всё-таки аристократ, и ему очень весело. Зачем артиллерийский капитан так грубо обошелся с добродушным ординарцем? Чтобы доказать всем, что он никогда не заискивает и в аристократах не нуждается и т. д. и т. д. и т. д.

Тщеславие, тщеславие и тщеславие везде – даже на краю гроба и между людьми, готовыми к смерти из-за высокого убеждения. Тщеславие! Должно быть, оно есть характеристическая черта и особенная болезнь нашего века. Отчего между прежними людьми не слышно было этой страсти, как об оспе или холере? Отчего в наш век есть только три рода людей: одних – принимающих начало тщеславия, как факт необходимо существующий, поэтому справедливый, и свободно подчиняющихся ему; других – принимающих его, как несчастное, но непреодолимое условие, и третьих – бессознательно, рабски действующих под его влиянием? Отчего Гомеры и Шекспиры говорили про любовь, про славу и про страдания, а литература нашего века есть только бесконечная повесть «Снобсов» и «Тщеславия»?

Штабс-капитан Михайлов два раза в нерешительности прошел мимо кружка своих аристократов, в третий раз сделал усилие над собой и подошел к ним. Кружок этот составляли четыре офицера: адъютант Калугин, знакомый Михайлова, адъютант князь Гальцин, бывший даже немножко аристократом для самого Калугина, подполковник Нефердов, один из так называемых 122-х светских людей, поступивших на службу из отставки под влиянием отчасти патриотизма, отчасти честолюбия и, главное, того, что все это делали; старый клубный московский холостяк, здесь присоединившийся к партии недовольных, ничего не делающих, ничего не понимающих и осуждающих все распоряжения начальства, и ротмистр Праскухин, тоже один из 122-х героев. – К счастью Михайлова, Калугин был в прекрасном расположении духа (генерал только-что поговорил с ним весьма доверенно, и князь Гальцин, приехав из Петербурга, остановился у него) – он счел не унизительным подать руку штабс-капитану Михайлову, чего не решился однако сделать Праскухин, весьма часто встречавшийся на бастионе с Михайловым, неоднократно пивший его вино и водку и даже должный ему по преферансу 12 руб. с полтиной. Не зная еще хорошенько князя Гальцина, ему не хотелось изобличить перед ним свое знакомство с простым пехотным штабс-капитаном; он слегка поклонился ему.

– Что, капитан, – сказал Калугин, – когда опять на баксиончик? Помните, как мы с вами встретились на Шварцовском редуте – жарко было? а?

– Да, жарко, – сказал Михайлов, с прискорбием вспоминая о том, какая у него была печальная фигура, когда он в ту ночь, согнувшись пробираясь по траншее на бастион, встретил Калугина, который шел таким молодцом, бодро побрякивая саблей.

– Мне, по настоящему, приходится завтра итти, но у нас болен, – продолжал Михайлов, – один офицер, так... – Он хотел рассказать, что черед был не его, но так как командир 8-й роты был нездоров, а в роте оставался прапорщик только, то он счел своей обязанностью предложить себя на место поручика Непшитшетского и потому шел нынче на бастион. Калугин не дослушал его.

– А я чувствую, что на-днях что-нибудь будет, – сказал он кн. Гальцину.

– А что, не будет ли нынче чего-нибудь? – робко спросил Михайлов, поглядывая то на Калугина, то на Гальцина. Никто не отвечал ему. Гальцин только сморщился как-то, пустил глаза мимо его фуражки и, помолчав немного, сказал:

– Славная девочка эта в красном платочке. Вы ее не знаете, капитан?

– Это около моей квартиры дочь одного матроса, – отвечал штабс-капитан.

– Пойдемте, посмотрим ее хорошенько.

И кн. Гальцин взял под руку с одной стороны Калугина, с другой штабс-капитана, вперед уверенный, что это не может не доставить последнему большого удовольствия, что действительно было справедливо.

Штабс-капитан был суеверен и считал большим грехом перед делом заниматься женщинами, но в этом случае он притворился большим развратником, чему видимо не верили кн. Гальцин и Калугин, и что чрезвычайно удивляло девицу в красном платочке, которая не раз замечала, как штабс-капитан краснел, проходя мимо ее окошка. Праскухин шел сзади и всё толкал за руку кн. Гальцина, делая разные замечания на французском языке; но, так как вчетвером нельзя было итти по дорожке, он принужден был итти один и только на втором круге взял под руку подошедшего и заговорившего о нем известно храброго морского офицера Сервягина, желавшего тоже присоединиться к кружку аристократов. И известный храбрец с радостью просунул свою мускулистую руку, не раз коловшую французов, за локоть всем и самому Сервягину хорошо известному за неслишком хорошего человека, Праскухину. Но когда Праскухин, объясняя князю Гальцину свое знакомство с этим моряком, шепнул ему, что это был известный храбрец, кн. Гальцин, бывший вчера на 4-м бастионе и видевший от себя в 20-ти шагах лопнувшую бомбу, считая себя не меньшим

храбрецом, чем этот г-н, и предполагая, что весьма много репутаций приобретается задаром, не обратил на Сервягина никакого внимания.

Штабс-капитану Михайлову так приятно было гулять в этом обществе, что он забыл про милое письмо из Т., про мрачные мысли, осаждавшие его при предстоящем отправлении на бастион и, главное, про то, что в 7 часов ему надо было быть дома. Он пробыл с ними до тех пор, пока они не заговорили исключительно между собой, избегая его взглядов, давая тем знать, что он может итти, и наконец совсем ушли от него. Но штабс-капитан всё-таки был доволен проходя мимо юнкера барона Песта, который был особенно горд и самонадеян со вчерашней ночи, которую он в первый раз провел в блиндаже 5-го бастиона, и считал себя, вследствие этого, героем, он несколько не огорчился подозрительно-высокомерным выражением, с которым юнкер вытянулся и снял перед ним фуражку.

4.

Но едва штабс-капитан перешагнул порог своей квартиры, как совсем другие мысли пошли ему в голову. Он увидел свою маленькую комнатку с земляным неровным полом и кривыми окнами, залепленными бумагой, свою старую кровать с прибитым над ней ковром, на котором изображена была амазонка, и висели два тульские пистолета, грязную, с ситцевым одеялом постель юнкера, который жил с ним; увидел своего Никиту, который с взбудораженными, сальными волосами, почесываясь, встал с полу; увидел свою старую шинель, личные сапоги и узелок, из которого торчали конец мыльного сыра и горлышко портерной бутылки с водкой, приготовленные для него на бастьон, и с чувством, похожим на ужас, он вдруг вспомнил, что ему нынче на целую ночь итти с ротой в ложементы.

«Наверное, мне быть убитым нынче – думал штабс-капитан – я чувствую. И главное, что не мне надо было итти, а я сам вызвался. И уж это всегда убьют того, кто напрашивается. И чем болен этот проклятый Непшитшетский? Очень может быть, что и вовсе не болен, а тут из-за него убьют человека, а непременно убьют. Впрочем, ежели не убьют, то верно, представят. Я видел, как полковому командиру понравилось, когда я сказал, что позвольте мне итти, ежели поручик Непшитшетский болен. Ежели не выйдет майора, то уж Владимира наверно. Ведь я уж 13-й раз иду на бастион. Ох, 13! скверное число. Непременно убьют, чувствую, что убьют; но надо же было кому-нибудь итти, нельзя с прапорщиком роте итти, а что-нибудь бы случилось, ведь это честь полка, честь армии от этого зависит. Мой долг был итти... да, долг. А есть предчувствие». Штабс-капитан забывал, что это предчувствие, в более или менее сильной степени, приходило ему каждый раз, как нужно было итти на бастион, и не знал, что то же, в более или менее сильной степени, предчувствие испытывает всякий, кто идет в дело. Немного успокоив себя этим понятием долга, которое у штабс-капитана, как и вообще у всех людей недалеких, было особенно развито и сильно,

он сел к столу и стал писать прощальное письмо отцу, с которым последнее время был не совсем в хороших отношениях по денежным делам. Через 10 минут, написав письмо, он встал от стола с мокрыми от слез глазами и, мысленно читая все молитвы, которые знал (потому что ему совестно было перед своим человеком громко молиться Богу), стал одеваться. Еще очень хотелось ему поцеловать образок Митрофания, благословение покойницы матушки, и в который он имел особенную веру, но так как он стыдился сделать это при Никите, то выпустил образа из сюртука так, чтобы мог их достать, не расстегиваясь, на улице. Пьяный и грубый слуга лениво подал ему новый сюртук (старый, который обыкновенно надевал штабс-капитан, идя на бастион, не был починен).

– Отчего не починен сюртук? тебе только бы всё спать, этакой! – сердито сказал Михайлов.

– Чего спать? – проворчал Никита: – день деньской бегаешь как собака: умаешься небось, – а тут не засни еще.

– Ты опять пьян, я вижу.

– Не на ваши деньги напился, что попрекаете.

– Молчи, скотина! – крикнул штабс-капитан, готовый ударить человека, еще прежде расстроенный, а теперь окончательно выведенный из терпения и огорченный грубостью Никиты, которого он любил, баловал даже, и с которым жил уже 12 лет.

– Скотина? скотина? – повторял слуга: – и что ругаетесь скотиной, сударь? ведь теперь время какое? нехорошо ругать.

Михайлов вспомнил, куда он идет, и ему стыдно стало.

– Ведь ты хоть кого выведешь из терпенья, Никита, – сказал он кротким голосом. – Письмо это к батюшке на столе, оставь так и не трогай, – прибавил он, краснея.

– Слушаюсь, – сказал Никита, расчувствовавшийся под влиянием вина, которое он выпил «на свои деньги», и с видимым желанием заплакать, хлопая глазами.

Когда же на крыльце штабс-капитан сказал: «прощай, Никита!» то Никита вдруг разразился принужденными рыданиями и бросился целовать руки своего барина. «Прощайте, барин!» всхлипывая, говорил он.

Старуха матроска, стоявшая на крыльце, как женщина, не могла не присоединиться тоже к этой чувствительной сцене, начала утирать глаза грязным рукавом и приговаривать что-то о том, что уж на что господа, и те какие муки принимают, а что она, бедный человек, вдовой осталась, и рассказала в сотый раз пьяному Никите о своем горе: как ее мужа убили еще в первую бандировку и как ее домишко на слободке весь разбили (тот, в котором она жила, принадлежал не ей) и т. д. и т. д. – По уходе барина, Никита закурил трубку, попросил хозяйскую девочку сходить за водкой и весьма скоро перестал плакать,

а, напротив, побранился с старухой за какую-то ведерку, которую она ему будто бы раздавила.

«А может быть, только ранят, рассуждал сам с собою штабс-капитан, уже сумерками подходя с ротой к бастиону. Но куда? как? сюда или сюда? – думал он, мысленно указывая на живот и на грудь. – Вот ежели бы сюда – он думал о верхней части ноги – да кругом бы обошла – всё-таки должно быть больно. Ну, а как сюда да осколком – кончено!»

Штабс-капитан, однако, сгибаясь, по траншеям благополучно дошел до ложементов, расставил с саперным офицером, уже в совершенной темноте, людей на работы и сел в ямочку под бруствером. Стрельба была малая; только изредка вспыхивали то у нас, то у него молнии, и светящаяся трубка бомбы прокладывала огненную дугу на темном звездном небе. Но все бомбы ложились далеко сзади и справа ложемента, в котором в ямочке сидел штабс-капитан, так что он успокоился отчасти, выпил водки, закусил мыльным сыром, закурил папиросу и, помолвившись Богу, хотел заснуть немного.

5.

Князь Гальцин, подполковник Нефердов, юнкер барон Пест, который встретил их на бульваре, и Праскухин, которого никто не звал, с которым никто не говорил, но который не отставал от них, все с бульвара пошли пить чай к Калугину.

– Ну так ты мне не досказал про Ваську Менделя, – говорил Калугин, сняв шинель, сидя около окна, на мягком покойном кресле, и расстегивая воротник чистой крахмаленной голландской рубашки, – как же он женился?

– Умора, братец! Je vous dis, il y avait un temps où on ne parlait que de ça à P[étersbour]g, [4] – сказал смеясь Гальцин, вскакивая от фортепьян, у которых он сидел, и садясь на окно подле Калугина: – просто умора. Уж я всё это знаю подробно. И он весело, умно и бойко стал рассказывать какую-то любовную историю, которую мы пропустим потому, что она для нас неинтересна.

Но замечательно то, что не только князь Гальцин, но и все эти господа, расположившись здесь кто на окне, кто задравши ноги, кто за фортепьянами, казались совсем другими людьми, чем на бульваре: не было этой смешной надутости, высокомерности, которые они выказывали пехотным офицерам; здесь они были между своими в натуре, особенно Калугин и Гальцин, очень милыми, простодушными, веселыми и добрыми ребятами. Разговор шел о петербургских сослуживцах и знакомых.

– Что Маслоцкой?

– Который? лейб-улан или конно-гвардеец?

– Я их обоих знаю. Конно-гвардеец при мне мальчишка был, только что из школы вышел. Что старший – ротмистр?

– О! уж давно.

– Что, всё возится с своей цыганкой?

– Нет, бросил, – и т. д. в этом роде.

Потом Гальцин сел к фортепьянам и славно спел цыганскую песенку. Праскухин, хотя никто не просил его, стал вторить и так хорошо, что его уж просили вторить, чему он был очень доволен.

Человек вошел с чаем со сливками и крендельками на серебряном подносе.

– Подай князю, – сказал Калугин.

– А ведь странно подумать, – сказал Гальцин, взяв стакан и отходя к окну, – что мы здесь в осажденном городе: фортапьясы, чай со сливками, квартира такая, что я, право, желал бы такую иметь в Петербурге.

– Да уж ежели бы еще этого не было, – сказал всем недовольный, старый подполковник, – просто было бы невыносимо это постоянное ожидание чего-то... видеть, как каждый день бьют, бьют – и всё нет конца, ежели при этом бы жить в грязи и не было удобств.

– А как же наши пехотные офицеры, – сказал Калугин, – которые живут на бастионах с солдатами, в блиндаже и едят солдатской борщ, – как им-то?

– Вот этого я не понимаю и признаюсь не могу верить, – сказал Гальцин, – чтобы люди в грязном белье, во в[шах] и с неумытыми руками могли бы быть храбры. Этак, знаешь, – *cette belle bravoure de gentilhomme*[5] – не может быть.

– Да они и не понимают этой храбрости, – сказал Праскухин.

– Ну что ты говоришь пустяки, – сердито перебил Калугин, – уж я видел их здесь больше тебя и всегда, и везде скажу, что наши пехотные офицеры, хоть правда во в[шах] и по 10 дней белья не переменяют, а это герои, удивительные люди.

В это время в комнату вошел пехотный офицер.

– Я... мне приказано... я могу ли явиться к ген.... к его превосходительству от генерала NN? – спросил он, робея и кланяясь.

Калугин встал, но не отвечая на поклон офицера, с оскорбительной учтивостью и натянутой официальной улыбкой, спросил офицера, не угодно ли им подождать и, не попросив его сесть и не обращая на него больше внимания, повернулся к Гальцину и заговорил по-французски,

так что бедный офицер, оставшись посередине комнаты, решительно не знал, что делать с своей персоной и руками без перчаток, которые висели перед ним.

– По крайне нужному делу–с, – сказал офицер, после минутного молчания.

– А! так пожалуйста, – сказал Калугин с той же оскорбительной улыбкой, надевая шинель и провожая его к двери.

– Eh bien, messieurs, je crois que cela chauffera cette nuit, [6] – сказал Калугин, выходя от генерала.

– А? что? что? вылазка? – стали спрашивать все.

– Уж не знаю – сами увидите, – отвечал Калугин с таинственной улыбкой.

– Да ты мне скажи, – сказал барон Пест, – ведь ежели есть что-нибудь, так я должен итти с Т. полком на первую вылазку.

– Ну, так и иди с Богом.

– И мой принципал на бастионе, стало-быть и мне надо итти, – сказал Праскухин, надевая саблю, но никто не отвечал ему – он сам должен был знать, итти ли ему или нет.

– Ничего не будет, уж я чувствую, – сказал барон Пест, с замиранием сердца думая о предстоящем деле, но лихо на бок надевая фуражку и громкими твердыми шагами выходя из комнаты, вместе с Праскухиным и Нефердовым, которые тоже с тяжелым чувством страха торопились к своим местам. «Прощайте, господа», – «До свиданья, господа! еще нынче ночью увидимся», – прокричал Калугин из окошка, когда Праскухин и Пест, нагнувшись на луки казачьих седел, должно быть, воображая себя казаками, прорысили по дороге.

– Да, немножко, – прокричал юнкер, который не разобрал, что ему говорили, и топот казачьих лошадок скоро стих в темной улице.

– Non, dites moi, est-ce qu'il y aura véritablement quelque chose cette nuit? [7] – сказал Гальцин, лежа с Калугиным на окошке и глядя на бомбы, которые поднимались над бастионами.

– Тебе я могу рассказать – видишь ли – ведь ты был на бастионах? (Гальцин сделал знак согласия, хотя он был только раз на одном 4-м бастионе). Так против нашего люнета была траншея, – и Калугин, как человек неспециальный, хотя и считавший свои военные суждения весьма верными, начал, немного запутанно и перевирая фортификационные выражения, рассказывать положение наших и неприятельских работ и план предполагавшегося дела.

– Однако, начинают попукивать около ложементов. Ого! Это наша или его? вон лопнула, – говорили они, лежа на окне, глядя на огненные линии бомб, скрещивающиеся в воздухе, на молнии выстрелов, на

мгновение освещавшие темно-синее небо, и белый дым пороха, и прислушиваясь к звукам всё усиливающейся и усиливающейся стрельбы.

– *Que! charmant coup d'œil!*[8] а? – сказал Калугин, обращая внимание своего гостя на это действительно красивое зрелище. – Знаешь, звезды не различишь от бомбы иногда.

– Да, я сейчас думал, что это звезда, а она опустилась, вот лопнула, а эта большая звезда – как ее зовут? – точно как бомба.

– Знаешь, я до того привык к этим бомбам, что, я уверен, в России в звездную, ночь мне будет казаться, что это всё бомбы: так привыкнешь.

– Однако не пойти ли мне на эту вылазку? – сказал князь Гальцин, после минутного молчания, содрогаясь при одной мысли быть там во время такой страшной канонады и с наслаждением думая о том, что его ни в каком случае не могут послать туда ночью.

– Полно, братец! и не думай, да и я тебя не пушу, – отвечал Калугин, очень хорошо зная однако, что Гальцин ни за что не пойдет туда. – Еще успеешь, братец!

– Серьезно? Так думаешь, что не надо ходить? А? –

В это время в том направлении, по которому смотрели эти господа, за артиллерийским гулом послышалась ужасная трескотня ружей, и тысячи маленьких огней, беспрестанно вспыхивая, заблестели по всей линии.

– Вот оно когда пошло настоящее! – сказал Калугин. – Этого звука ружейного я слышать не могу хладнокровно, как-то знаешь, за душу берет. Вон и «ура», – прибавил он, прислушиваясь к дальнему протяжному гулу сотен голосов: «а-а-а-а-а-а-а!» – доносившихся до него с бастиона.

– Чье это «ура»? их или наше?

– Не знаю, но это уж рукопашная пошла, потому что стрельба затихла.

В это время под окном, к крыльцу, подскакал ординарец офицер с казаком и слез с лошади.

– Откуда?

– С бастиона. Генерала нужно.

– Пойдемте. Ну что?

– Атаковали ложементы, – заняли – французы подвели огромные резервы – атаковали наших – было только два батальона, – говорил, запыхавшись, тот же самый офицер, который приходил вечером, с трудом переводя дух, но совершенно развязно направляясь к двери.

– Что ж, отступили? – спросил Гальцин.

– Нет, – сердито отвечал офицер: – подоспел батальон, отбили, но полковой командир убит, офицеров много, приказано просить подкрепления...

И с этими словами он прошел к генералу, куда уже мы не последуем за ним.

Через 5 минут Калугин уже сидел верхом на казачьей лошадке (и опять той особенной quasi-казацкой посадкой, в которой, я замечал, все адъютанты видят почему-то что-то особенно приятное) и рысцой ехал на бастион, с тем чтобы по приказанию генерала передать туда некоторые приказания и дожидаться известий об окончательном результате дела; а князь Гальцин, под влиянием того тяжелого волнения, которое производят обыкновенно близкие признаки дела на зрителя, не принимающего в нем участия, вышел на улицу и без всякой цели стал взад и вперед ходить по ней.

6.

Толпы солдат несли на носилках и вели под руки раненых. На улице было совершенно темно; только редко, редко где светились окна в госпитале или у засидевшихся офицеров. С бастионов доносился тот же грохот орудий и ружейной перепалки, и те же огни вспыхивали на черном небе. Изредка слышался топот лошади проскакавшего ординарца, стон раненого, шаги и говор носильщиков или женский говор испуганных жителей, вышедших на крылечко посмотреть на канонаду.

В числе последних был и знакомый нам Никита, старая матроска, с которой он помирился уже, и 10-ти летняя дочь ее.

– Господи, Мати Пресвятая Богородицы! – говорила в себя и вздыхая старуха, глядя на бомбы, которые, как огненные мячики, беспрестанно перелетали с одной стороны на другую: – страсти-то, страсти какие! И-и-хи-хи. Такого и в первую бандировку не было. Вишь, где лопнула проклятая – прямо над нашим домом в слободке.

– Нет, это дальше, к тетиньке Аринке в сад всё попадают, – сказала девочка.

– И где-то, где-то барин мой таперича? – сказал Никита нараспев и еще пьяный немного. – Уж как я люблю евтого барина своего, так сам не знаю. Он меня бьет, а всё-таки я его ужасно как люблю. Так люблю, что если, избави Бог, да убьют его грешным делом, так, верите ли тетинька, я после евтого сам не знаю, что могу над собой произвести. Ей Богу! Уж такой барин, что одно слово! Разве с евtimi сменить, что тут в карты играют – это что – тьфу! одно слово! – заключил Никита, указывая на светящееся окно комнаты барина, в которой, во время отсутствия штабс-капитана, юнкер Жвадческий позвал

к себе на кутеж, по случаю получения креста, гостей: подпоручика Угровича и поручика Непшитшетского, того самого, которому надо было идти на бастион и который был нездоров флюсом.

– Звездочки–то, звездочки так и катятся! – глядя на небо, прервала девочка молчание, следовавшее за словами Никиты, – вон, вон еще скатилась! к чему это так? а маынька?

– Совсем разобьют домишко наш, – сказала старуха вздыхая и не отвечая на вопрос девочки.

– А как мы нонче с дяинькой ходили туда, маынька, – продолжала певучим голосом разговарившая девочка, – так большущая такая ядро в самой комнатке подля шкапа лежит: она сенцы видно пробила да в горницу и влетела. Такая большущая, что не поднимешь.

– У кого были мужья, да деньги, так повыехали, – говорила старуха, – а тут – ох горе–то, горе, последний домишко и тот разбили. Вишь как, вишь как палит злодей! Господи, Господи!

– А как нам только выходить, как одна бомба приле–т–и–и–ит, как лопни–и–ит, как засыпи–и–ит землю, так даже чуть–чуть нас с дядинькой одним оскретком не задело.

– Крест ей за это надо, – сказал юнкер, который вместе с офицерами вышел в это время на крыльцо посмотреть на перепалку.

– Ты сходи до генерала, старуха, – сказал поручик Непшитшетский, трепля ее по плечу, – право!

– Pójdę na ulicę zobaczyć, co tam nowego, [9] – прибавил он, спускаясь с лестницы.

– A my tym czasem napijmy siz wódki, bo coś dusza w pigty ucieka, [10] – сказал смеясь веселый юнкер Жвадческий.

7.

Всё больше и больше раненых на носилках и пешком, поддерживаемых одних другими и громко разговаривающих между собой, встречалось князю Гальцину.

– Как они подскочили, братцы мои, – говорил басом один высокий солдат, несший два ружья за плечами, – как подскочили, как крикнут: Алла, Алла! [11] так так друг на друга и лезут. Одних бьешь, а другие лезут – ничего не сделаешь. Видимо невидимо... – Но в этом месте рассказа Гальцин остановил его.

– Ты с бастьона?

– Так точно, ваше благородие.

– Ну, что там было? Расскажи.

– Да что было? Подступила их, ваше благородие, сила, лезут на вал, да и шабаш. Одолели совсем, ваше благородие!

– Как одолели? да ведь вы отбили же?

– Где тут отбить, когда его вся сила подошла: перебил всех наших, а сикурсу не подадут. – (Солдат ошибался, потому что траншея была за нами, но это – странность, которую всякий может заметить: – солдат, раненый в деле, всегда считает его проигранным и ужасно кровопролитным.)

– Как же мне говорили, что отбили, – с досадой сказал Гальцин.

В это время поручик Непшитшетский, в темноте, по белой фуражке, узнав князя Гальцина и желая воспользоваться случаем, чтобы поговорить с таким важным человеком, подошел к нему.

– Не изволите ли знать, что это такое было? – спросил он учтиво, дотрогиваясь рукою до козырька.

– Я сам расспрашиваю, – сказал князь Гальцин и снова обратился к солдату с 2-мя ружьями: – может быть, после тебя отбили? Ты давно оттуда?

– Сейчас, ваше благородие! – отвечал солдат: – вряд ли, должно за ним траншея осталась, – совсем одолел.

– Ну, как вам не стыдно – отдали траншею. Это ужасно! – сказал Гальцин, огорченный этим равнодушием, – как вам не стыдно! – повторил он, отворачиваясь от солдата.

– О! это ужасный народ! вы их не изволите знать, – подхватил поручик Непшитшетский, – я вам скажу, от этих людей ни гордости, ни патриотизма, ни чувства лучше не спрашивайте. Вы вот посмотрите, эти толпы идут, ведь тут десятой доли нет раненых, а то всё ассистенты, только бы уйти с дела. Подлый народ! – Срам так поступать, ребята, срам! Отдать нашу траншею! – добавил он, обращаясь к солдатам.

– Что ж, когда сила! – проворчал солдат.

– И! ваши благородия! – заговорил в это время солдат с носилок, поровнявшийся с ними, – как же не отдать, когда перебил всех почитай? Кабы наша сила была, ни в жисть бы не отдали. А то что сделаешь? Я одного заколол, а тут меня как ударит..... О-ох, легче, братцы, ровнее, братцы, ровней иди... о-о-о! – застонал раненый.

– А в самом деле, кажется, много лишнего народа идет, – сказал Гальцин, останавливая опять того же высокого солдата с двумя ружьями. – Ты зачем идешь? Эй, ты, остановись!

Солдат остановился и левой рукой снял шапку.

– Куда ты идешь и зачем? – закричал он на него строго. – Него... – но в это время, совсем вплоть подойдя к солдату, он заметил, что правая рука его была за обшлагом и в крови выше локтя.

– Ранен, ваше благородие!

– Чем ранен?

– Сюда-то, должно, пулей, – сказал солдат, указывая на руку, – а уж здесь не могу знать, чем голову-то прошибло, – и он, нагнув ее, показал окровавленные и слипшиеся волосы на затылке.

– А ружье другое чье?

– Стуцер французской, ваше благородие, отнял; да я бы не пошел, кабы не евтого солдатика проводить, а то упадет неравно, прибавил он, указывая на солдата, который шел немного впереди, опираясь на ружье и с трудом таща и передвигая левую ногу.

– А ты где идешь, мерзавец! – крикнул поручик Непшитшетский на другого солдата, который попался ему навстречу, – желая своим рвением прислужиться важному князю. Солдат тоже был ранен.

Князю Гальцину вдруг ужасно стыдно стало за поручика Непшитшетского и еще больше за себя. Он почувствовал, что краснеет – что редко с ним случалось – отвернулся от поручика и, уже больше не расспрашивая раненых и не наблюдая за ними, пошел на перевязочный пункт.

С трудом пробившись на крыльце между пешком шедшими ранеными и носильщиками, входившими с ранеными и выходившими с мертвыми, Гальцин вошел в первую комнату, взглянул и тотчас же невольно повернулся назад и выбежал на улицу. Это было слишком ужасно!

8.

Большая, высокая темная зала – освещенная только 4 или 5-ю свечами, с которыми доктора подходили осматривать раненых, – была буквально полна. Носильщики беспрестанно вносили раненых, складывали их один подле другого на пол, на котором уже было так тесно, что несчастные толкались и мокли в крови друг друга, и шли за новыми. Лужи крови, видные на местах не занятых, горячее дыхание нескольких сотен человек и испарение рабочих с носилками производили какой-то особенный тяжелый, густой, вонючий смрад, в котором пасмурно горели 4 свечи на различных концах залы. Говор разнообразных стонов, вздохов, хрипений, прерываемый иногда пронзительным криком, носился по всей комнате. Сестры, с спокойными лицами и с выражением не того

пустого женского болезненно-слезного сострадания, а деятельного практического участия, то там, то сям, шагая через раненых, с лекарством, с водой, бинтами, корпией, мелькали между окровавленными шинелями и рубахами. Доктора, с мрачными лицами и засученными рукавами, стоя на коленях перед ранеными, около которых фелдшера держали свечи, всовывали пальцы в пульные раны, ощупывая их, и переворачивали отбитые висевшие члены, несмотря на ужасные стоны и мольбы страдальцев. Один из докторов сидел около двери за столиком и в ту минуту, как в комнату вошел Гальцин, записывал уже 532-го.

– Иван Богаев, рядовой 3-й роты С. полка, *fractura femoris complicata*, [12] – кричал другой из конца зала, ощупывая разбитую ногу. – Переверни-ка его.

– О-ой, отцы мои, вы наши отцы! – кричал солдат, умоляя, чтоб его не трогали.

– *Perforatio capitis*. [13]

– Семен Нефердов, подполковник Н. пехотного полка. Вы немножко потерпите, полковник, а то этак нельзя, я брошу, – говорил третий, ковыряя каким-то крючком в голове несчастного подполковника.

– Ай, не надо! Ой, ради Бога, скорей, скорей, ради... а-а-а-а!

– *Perforatio pectoris*... [14] Севастьян Середа, рядовой... какого полка?..... впрочем, не пишите: *moritur*. [15] Несите его, – сказал доктор, отходя от солдата, который, закатив глаза, хрипел уже.....

Человек 40 солдат-носильщиков, дожидаясь ноши перевязанных в госпиталь и мертвых в часовню, стояли у дверей и, молча, изредка тяжело вздыхая, смотрели на эту картину.....

.....
.....
.....

9.

По дороге к бастиону Калугин встретил много раненых; но, по опыту зная, как в деле дурно действует на дух человека это зрелище, он не только не останавливался спрашивать их, но напротив старался не обращать на них никакого внимания. Под горой ему попался ординарец, который марш-марш скакал с бастиона.

– Зобкин! Зобкин! постойте на минутку.

– Ну, что?

- Вы откуда?
- Из ложементов.
- Ну как там? жарко?
- Ад! ужасно!

И ординарец поскакал дальше. Действительно, хотя ружейной стрельбы было мало, канонада завязалась с новым жаром и ожесточением.

«Ах, скверно!» подумал Калугин, испытывая какое-то неприятное чувство, и ему тоже пришло предчувствие, т. е. мысль очень обыкновенная – мысль о смерти. Но Калугин был не штабс-капитан Михайлов, он был самолюбив и одарен деревянными нервами, то, что называют, храбр, одним словом. – Он не поддался первому чувству и стал ободрять себя. Вспомнил про одного адъютанта, кажется, Наполеона, который, передав приказание, марш-марш, с окровавленной головой подскакал к Наполеону.

- Vous êtes blessé?[16] – сказал ему Наполеон.
- Je vous demande pardon, sire, je suis tué,[17] – и адъютант упал с лошади и умер на месте.

Ему показалось это прекрасным, и он вообразил себя даже немножко этим адъютантом, потом ударил лошадь плетью, принял еще более лихую казацкую посадку, оглянулся на казака, который, стоя на стременах, рысил за ним, и совершенным молодцом приехал к тому месту, где надо было слезать с лошади. Здесь он нашел 4-х солдат, которые, усевшись на камушки, курили трубки.

- Что вы здесь делаете? – крикнул он на них.
- Раненого отводили, ваше благородие, да отдохнуть присели, – отвечал один из них, пряча за спину трубку и снимая шапку.
- То-то отдохнуть! марш к своим местам, вот я полковому командиру скажу.

И он вместе с ними пошел по траншее в гору, на каждом шагу встречая раненых. Поднявшись в гору, он повернул в траншею налево и, пройдя по ней несколько шагов, очутился совершенно один. Близехонько от него прожужжал осколок и ударился в траншею. – Другая бомба поднялась перед ним и, казалось, летела прямо на него. Ему вдруг сделалось страшно: он рысью пробежал шагов пять и упал на землю. Когда же бомба лопнула и далеко от него, ему стало ужасно досадно на себя, и он встал, оглядываясь, не видал ли кто-нибудь его падения, но никого не было.

Уже раз проникнув в душу, страх нескоро уступает место другому чувству: он, который всегда хвастался, что никогда не погибает, ускоренными шагами и чуть-чуть не ползком пошел по траншее. «Ах,

нехорошо!» подумал он, спотыкнувшись, «непременно убьют», и, чувствуя, как трудно дышалось ему, и как пот выступал по всему телу, он удивлялся самому себе, но уже не покушался преодолеть своего чувства.

Вдруг чьи-то шаги послышались впереди его. Он быстро разогнулся, поднял голову и, бодро побрякивая саблей, пошел уже не такими скорыми шагами, как прежде. Он не узнавал себя. Когда он сошелся с встретившимся ему саперным офицером и матросом, и первый крикнул ему: «ложитесь!» указывая на светлую точку бомбы, которая, светлее и светлее, быстрее и быстрее приближаясь, шлепнулась около траншеи, он только немного и невольно, под влиянием испуганного крика, нагнул голову и пошел дальше.

– Вишь, какой бравый! – сказал матрос, который преспокойно смотрел на падавшую бомбу и опытным глазом сразу расчел, что осколки ее не могут задеть в траншее: – и ложиться не хочет.

Уже несколько шагов только оставалось Калугину перейти через площадку до блиндажа командира бастиона, как опять на него нашло затмение и этот глупый страх; сердце забилось сильнее, кровь хлынула к голове, и ему нужно было усилие над собою, чтобы пробежать до блиндажа.

– Что вы так запыхались? – сказал генерал, когда он ему передал приказания.

– Шел скоро очень, ваше превосходительство!

– Не хотите ли вина стакан?

Калугин выпил стакан вина и закурил папиросу. Дело уже прекратилось, только сильная канонада продолжалась с обеих сторон. В блиндаже сидел генерал NN, командир бастиона и еще человек 6 офицеров, в числе которых был и Праскухин, и говорили про разные подробности дела. Сидя в этой уютной комнатке, обитой голубыми обоями, с диваном, кроватью, столом, на котором лежат бумаги, стенными часами и образом, перед которым горит лампадка, глядя на эти признаки жилья и на толстые аршинные балки, составлявшие потолок, и слушая выстрелы, казавшиеся слабыми в блиндаже, Калугин решительно понять не мог, как он два раза позволил себя одолеть такой непростительной слабости; он сердился на себя, и ему хотелось опасности, чтобы снова испытать себя.

– А вот я рад, что и вы здесь, капитан, – сказал он морскому офицеру, в штаб-офицерской шинели, с большими усами и Георгием, который вошел в это время в блиндаж и просил генерала дать ему рабочих, чтобы исправить на его батарее две амбразуры, которые были засыпаны. – Мне генерал приказал узнать, – продолжал Калугин, когда командир батареи перестал говорить с генералом, – могут ли ваши орудия стрелять по траншее картечью?

– Одно только орудие может, – угрюмо отвечал капитан.

– Всё–таки пойдёмте, посмотрим.

Капитан нахмурился и сердито крякнул.

– Уж я всю ночь там простоял, пришел хоть отдохнуть немного, – сказал он: – нельзя ли вам одним сходить? там мой помощник, лейтенант Карц, вам всё покажет.

Капитан уже 6 месяцев командовал этой одной из самых опасных батарей, – и даже, когда не было блиндажей, – не выходя, с начала осады жил на бастионе и между моряками имел репутацию храбрости. Поэтому–то отказ его особенно поразил и удивил Калугина.

«Вот репутации!» подумал он.

– Ну, так я пойду один, если вы позволите, – сказал он несколько насмешливым тоном капитану, который, однако, не обратил на его слова никакого внимания.

Но Калугин не сообразил того, что он в разные времена всего–на–всего провел часов 50 на бастионах, тогда как капитан жил там 6 месяцев. Калугина еще возбуждали тщеславие – желание блеснуть, надежда на награды, на репутацию и прелесть риска; капитан же уж прошел через всё это – сначала тщеславился, храбрился, рисковал, надеялся на награды и репутацию и даже приобрел их, но теперь уже все эти побудительные средства потеряли для него силу, и он смотрел на дело иначе: исполнял в точности свою обязанность, но, хорошо понимая, как мало ему оставалось случайностей жизни, после 6–ти месячного пребывания на бастионе, уже не рисковал этими случайностями без строгой необходимости, так что молодой лейтенант, с неделю тому назад поступивший на батарею и показывавший теперь ее Калугину, с которым они бесполезно друг перед другом высовывались в амбразуры и вылезали на банкеты, казался в десять раз храбрее капитана.

Осмотрев батарею и направляясь назад к блиндажу, Калугин наткнулся в темноте на генерала, который с своими ординарцами шел на вышку.

– Ротмистр Праскухин! – сказал генерал: – сходите пожалуйста в правый ложемент и скажите 2–му батальону М. полка, который там на работе, чтоб он оставил работу, не шумя вышел оттуда и присоединился бы к своему полку, который стоит под горой в резерве. Понимаете? Сами отведите к полку.

– Слушаю–с.

И Праскухин рысью побежал к ложементу. Стрельба становилась реже.

– Это 2-й батальон М. полка? – спросил Праскухин, прибежав к месту и наткнувшись на солдата, который в мешке на спине нес землю.

– Так точно-с.

– Где командир?

Михайлов, полагая, что спрашивают ротного командира, вылез из своей ямочки и, принимая Праскухина за начальника руку к козырьку, подошел к нему.

– Генерал приказал.... вам.. извольте итти..... поскорей.. и главное потише... назад, не назад, а к резерву, – говорил Праскухин, искоса поглядывая по направлению огней неприятеля.

Узнав Праскухина, опустив руку и разобрав в чем дело, Михайлов передал приказанье, и батальон весело зашевелился, забрал ружья, надел шинели и двинулся.

Кто не испытал, тот не может вообразить себе того наслаждения, которое ощущает человек, уходя, после 3-х часов бомбардирования, из такого опасного места, как ложементы. Михайлов, в эти три часа уже несколько раз считавший свой конец неизбежным и несколько раз успевший перецеловать все образа, которые были на нем, под конец успокоился немного, под влиянием того убеждения, что ежели так много бомб и ядер пролетело, не задев его, отчего же теперь заденет? Несмотря ни на что однако, ему большого труда стоило удержать свои ноги, чтобы они не бежали, когда он перед ротой, рядом с Праскухиным, вышел из ложментов.

– До свидания, – сказал ему майор, командир другого батальона, который оставался в ложементах, и с которым они вместе закусывали мыльным сыром, сидя в ямочке около бруствера: – счастливого пути.

– И вам желаю счастливо отстоять; теперь, кажется, затихло.

Но только что он успел сказать это, как неприятель, должно быть заметив движение в ложементах, стал палить чаще и чаще. Наши стали отвечать ему, и опять поднялась сильная канонада. Звезды высоко, но не ярко блестели на небе; ночь была темна, – хоть глаз выколи, – только огни выстрелов и разрыва бомб мгновенно освещали предметы. Солдаты шли скоро и молча и невольно перегоняя друг друга; только слышны были за беспрестанными раскатами выстрелов мерный звук их шагов по сухой дороге, звук столкнувшихся штыков или вздох и молитва какого-нибудь робкого солдатика: – «Господи, Господи! что это такое!» Иногда поражал стон раненого и крик: «носилки!» (В роте, которой командовал Михайлов, от одного артиллерийского огня вышло в ночь 26 человек.) Вспыхивала молния на мрачном далеком горизонте, часовой с бастиона кричал: «пу-ушка!» и ядро, жужжа над ротой, взрывало землю и взбрасывало камни.

«Чорт возьми! как они тихо идут – думал Праскухин, беспрестанно оглядываясь назад, шагая подле Михайлова, – право, лучше побегу вперед, ведь я передал приказанье... Впрочем нет, ведь эта скотина

может рассказывать потом, что я трус, почти так же, как я вчера про него рассказывал. Что будет, то будет – пойду рядом».

«И зачем он идет со мной, – думал с своей стороны Михайлов, – сколько я ни замечал, он всегда приносит несчастье; вот она еще летит прямо сюда, кажется».

Пройдя несколько сот шагов, они столкнулись с Калугиным, который, бодро, побрякивая саблей, шел к ложментам с тем, чтобы, по приказанию генерала, узнать, как подвинулись там работы. Но, встретив Михайлова, он подумал, что, чем ему самому под этим страшным огнем идти туда, чего и не было ему приказано, он может расспросить всё подробно у офицера, который был там. И действительно Михайлов подробно рассказал про работы, хотя во время рассказа и не мало позабавил Калугина, который, казалось, никакого внимания не обращал на выстрелы, – тем, что при каждом снаряде, иногда падавшем и весьма далеко, присядал, нагибал голову и всё уверял, что «это прямо сюда».

– Смотрите, капитан, это прямо сюда, – сказал, подшучивая, Калугин и толкая Праскухину. Пройдя еще немного с ними, он повернул в траншею, ведущую к блиндажу. – «Нельзя сказать, чтобы он был очень храбр, – этот капитан», – подумал он, входя в двери блиндажа.

– Ну, что новенького? – спросил офицер, который, ужиная, один сидел в комнате.

– Да ничего, кажется, что уж больше не будет.

– Как не будет? напротив, генерал сейчас опять пошел на вышку. Еще полк пришел. Да вот она, слышите? опять пошла ружейная. Вы не ходите. Зачем вам? – прибавил офицер, заметив движение, которое сделал Калугин.

«А мне, по настоящему, непременно надо там быть, – подумал Калугин, – но уж я и так нынче много подвергал себя. Надеюсь, что я нужен не для одной *chair à canon*». [18]

– И в самом деле я их лучше тут подожду, – сказал он.

Действительно минут через 5 генерал вернулся вместе с офицерами, которые были при нем; в числе их был и юнкер барон Пест, но Праскухина не было.

Ложементы были отбиты и заняты нами.

Получив подробные сведения о деле, Калугин вместе с Пестом, вышел из блиндажа.

– У тебя шинель в крови: неужели ты дрался в рукопашном? – спросил его Калугин.

– Ах, братец, ужасно! можешь себе представить... И Пест стал рассказывать, как он вел всю роту, как ротный командир [был] убит, как он заколол француза и что, ежели бы не он, то ничего бы не было и т. д.

Основания этого рассказа, что ротный командир был убит, и что Пест убил француза, были справедливы; но, передавая подробности, юнкер выдумывал и хвастал.

Хвастал невольно, потому что во время всего дела находясь в каком-то тумане и забытый до такой степени, что всё, что случилось, казалось ему случившимся где-то, когда-то и с кем-то, очень естественно, он старался воспроизвести эти подробности с выгодной для себя стороны. Но вот как это было действительно.

Батальон, к которому прикомандирован был юнкер для вылазки, часа два под огнем стоял около какой-то стенки, потом батальонный командир впереди сказал что-то, ротные командиры зашевелились, батальон тронулся, вышел из-за бруствера и, пройдя шагов 100, остановился, построившись в ротные колонны. Песту сказали, чтобы он стал на правом фланге 2-й роты.

Решительно не отдавая себе отчета, где и зачем он был, юнкер стал на место и с невольно сдержанным дыханием и холодной дрожью, пробегавшей по спине, бессознательно смотрел вперед в темную даль, ожидая чего-то страшного. Ему впрочем не столько страшно было, потому что стрельбы не было, сколько дико, странно [было] подумать, что он находился вне крепости, в поле. Опять батальонный командир впереди сказал что-то. Опять шопотом заговорили офицеры, передавая приказания, и черная стена первой роты вдруг опустилась. Приказано было лечь. Вторая рота легла также, и Пест, ложась, наколол руку на какую-то колючку. Не лег только один командир 2-й роты, его невысокая фигура, с вынутой шпагой, которой он размахивал, не переставая говорить, двигалась перед ротой.

– Ребята! смотри, молодцами у меня! С ружей не палить, а штыками е..... их м... Когда я крикну «ура!» за мной и не отставать е..... вашу м..... Дружней, главное дело... покажем себя, не ударим лицом в грязь, а, ребята? За царя, за батюшку! – говорил он, пересыпая свои слова ругательствами и ужасно размахивая руками.

– Как фамилия нашего ротного командира? – спросил Пест у юнкера, который лежал рядом с ним, – какой он храбрый!

– Да, как в дело, всегда – мертвецки, – отвечал юнкер, – Лисинковский его фамилия.

В это время перед самой ротой мгновенно вспыхнуло пламя, раздался ужаснейший треск, оглушил всю роту, и высоко в воздухе зашуршели

камни и осколки (по крайней мере секунд через 50 один камень упал сверху и отбил ногу солдату). Это была бомба с элевационного станка, и то, что она попала в роту, доказывало, что французы заметили колонну.

– Бомбами пускать! сук[ин] сын е..... твою м... Дай только добраться, тогда попробуешь штыка трехгранного русского, проклятый! – заговорил ротный командир так громко, что батальонный командир должен был приказать ему молчать и не шуметь так много.

Вслед за этим первая рота встала, за ней вторая – приказано было взять ружья на перевес, и батальон пошел вперед. Пест был в таком страхе, что он решительно не помнил, долго ли? куда? и кто, на что? Он шел, как пьяный. Но вдруг со всех сторон заблестело миллион огней, засвистело, затрещало что-то; он закричал и побежал куда-то, потому что все бежали и все кричали. Потом он спотыкнулся и упал на что-то – это был ротный командир (который был ранен впереди роты и, принимая юнкера за француза, схватил его за ногу). Потом, когда он вырвал ногу и приподнялся, на него в темноте спиной наскочил какой-то человек и чуть опять не сбил с ног, другой человек кричал: «коли его! что смотришь?» Кто-то взял ружье и воткнул штык во что-то мягкое. «A moi, camarades! Ah, sacré b..... Ah! Dieu!»[19] – закричал кто-то страшным пронзительным голосом, и тут только Пест понял, что он заколол француза. Холодный пот выступил у него по всему телу, он затрясся, как в лихорадке, и бросил ружье. Но это продолжалось только одно мгновение; ему тотчас же пришло в голову, что он герой. Он схватил ружье и, вместе с толпой, крича «ура», побежал прочь от убитого француза, с которого тут же солдат стал снимать сапоги. Пробежав шагов 20, он прибежал в траншею. Там были наши и батальонный командир.

– А я заколол одного! – сказал он батальонному командиру.

– Молодцом,
барон
.....
.....
.....

12.

– А, знаешь, Праскухин убит, – сказал Пест, провожая Калугина, который шел к дому.

– Не может быть!

– Как же, я сам его видел.

– Прощай, однако, мне надо скорее.

«Я очень доволен, – думал Калугин, возвращаясь к дому, – в первый раз на мое дежурство счастье. Отличное дело, я – жив и цел, – представления будут отличные, и уж непременно золотая сабля. Да, впрочем, я и стою ее».

Доложив генералу всё, что нужно было, он пришел в свою комнату, в которой, уже давно вернувшись и дожидаясь его, сидел князь Гальцин, читая «Splendeur et misères des courtisanes», [20] которую нашел на столе Калугина.

С удивительным наслаждением Калугин почувствовал себя дома, вне опасности, и, надев ночную рубашку, лежа в постели уж рассказал Гальцину подробности дела, передавая их весьма естественно, – с той точки зрения, с которой подробности эти доказывали, что он, Калугин, весьма дельный и храбрый офицер, на что, мне кажется, излишне бы было намекать, потому что это все знали и не имели никакого права и повода сомневаться, исключая, может быть, покойника ротмистра Праскухина, который, несмотря на то, что, бывало, считал за счастье ходить под руку с Калугиным, вчера только по секрету рассказывал одному приятелю, что Калугин очень хороший человек, но, между нами будь сказано, ужасно не любит ходить на бастионы.

Только что Праскухин, идя рядом с Михайловым, разошелся с Калугиным и, подходя к менее опасному месту, начинал уже оживать немного, как он увидел молнию, ярко блеснувшую сзади себя, услышал крик часового: «маркела!» и слова одного из солдат, шедших сзади: «как раз на батальон прилетит!» Михайлов оглянулся. Светлая точка бомбы, казалось, остановилась на своем зените – в том положении, когда решительно нельзя определить ее направления. Но это продолжалось только мгновение: бомба быстрее и быстрее, ближе и ближе, так что уже видны были искры трубки, и слышно роковое посвистывание, опускалась прямо в середину батальона.

– Ложись! – крикнул чей-то испуганный голос.

Михайлов упал на живот. Праскухин невольно согнулся до самой земли и зажмурился; он слышал только, как бомба где-то очень близко шлепнулась на твердую землю. Прошла секунда, показавшаяся часом – бомбу не рвало. Праскухин испугался, не напрасно ли он струсил, – может быть, бомба упала далеко, и ему только казалось, что трубка шипит тут же. Он открыл глаза и с самолюбивым удовольствием увидел, что Михайлов, которому он должен 12 р. с полтиной, гораздо ниже и около самых ног его, недвижимо, прижавшись к нему, лежал на брюхе. Но тут же глаза его на мгновение встретились с светящейся трубкой, в аршине от него, крутившейся бомбы.

Ужас – холодный, исключаящий все другие мысли и чувства ужас – объял всё существо его; он закрыл лицо руками и упал на колена.

Прошла еще секунда, – секунда, в которую целый мир чувств, мыслей, надежд, воспоминаний промелькнул в его воображении.

«Кого убьет – меня или Михайлова? Или обоих вместе? А коли меня, то куда? в голову, так всё кончено; а ежели в ногу, то отрежут, и я попрошу, чтобы непременно с хлороформом, – и я могу еще жив остаться. А может быть одного Михайлова убьет, тогда я буду рассказывать, как мы рядом шли, его убило и меня кровью забрызгало. Нет, ко мне ближе – меня. Тут он вспомнил про 12 р., которые был должен Михайлову, вспомнил еще про один долг в Петербурге, который давно надо было заплатить; цыганский мотив, который он пел вечером, пришел ему в голову; женщина, которую он любил, явилась ему в воображении, в чепце с лиловыми лентами; человек, которым он был оскорблен 5 лет тому назад, и которому не отплатил за оскорбление, вспомнился ему, хотя вместе, нераздельно с этими и тысячами других воспоминаний, чувство настоящего – ожидания смерти и ужаса – ни на мгновение не покидало его. «Впрочем, может быть, не лопнет» – подумал он и с отчаянной решимостью хотел открыть глаза. Но в это мгновение, еще сквозь закрытые веки, его глаза поразил красный огонь, и с страшным треском что-то толкнуло его в середину груди; он побежал куда-то, спотыкнулся на подвернувшуюся под ноги саблю и упал на бок.

«Слава Богу! я только контужен» – было его первую мыслью, и он хотел руками дотронуться до груди – но руки его казались привязанными, и какие-то тиски сдавливали голову. В глазах его мелькали солдаты – и он бессознательно считал их: «один, два, три солдата, а вот в подвернутой шинели офицер», думал он; потом молния блеснула в его глазах, и он думал, из чего это выстрелили: из мортиры или из пушки? Должно быть из пушки, а вот еще выстрелили, а вот еще солдаты – пять, шесть, семь солдат, идут всё мимо. Ему вдруг стало страшно, что они раздавят его; он хотел крикнуть, что он контужен, но рот был так сух, что язык прилип к небу, и ужасная жажда мучала его. Он чувствовал, как мокро было у него около груди – это ощущение мокроты напоминало о воде, и ему хотелось бы даже выпить то, чем это было мокро. «Верно, я в кровь разбился, как упал», – подумал он и, всё более и более начиная поддаваться страху, что солдаты, которые продолжали мелькать мимо, раздавят его, он собрал все силы и хотел закричать: «возьмите меня», но вместо этого застонал так ужасно, что ему страшно стало, слушая себя. Потом какие-то красные огни запрыгали у него в глазах, – и ему показалось, что солдаты кладут на него камни; огни всё прыгали реже и реже, камни, которые на него накладывали, давили его больше и больше. Он сделал усилие, чтобы раздвинуть камни, вытянулся и уже больше ничего не видел, не слышал, не думал и не чувствовал. Он был убит на месте осколком в середину груди.

13.

Михайлов, увидав бомбу, упал на землю и так же зажмурился, так же два раза открывал и закрывал глаза и так же, как и Праскухин, необъятно много передумал и перечувствовал в эти две секунды, во

время которых бомба лежала неразорванной. Он мысленно молился Богу и всё твердил: «Да будет воля Твоя! И зачем я пошел в военную службу, – вместе с тем думал он – и еще перешел в пехоту, чтобы участвовать в кампании; не лучше ли было мне оставаться в уланском полку в городе Т., проводить время с моим другом Наташей..... а теперь вот что!» И он начал считать: раз, два, три, четыре, загадывая, что ежели разорвет в чет, то он будет жив, – в нечет, то будет убит. «Всё кончено! – убит!» – подумал он, когда бомбу разорвало (он не помнил, в чет или нечет), и он почувствовал удар и жестокую боль в голове. «Господи, прости мои согрешения!», проговорил он, всплеснув руками, приподнялся и без чувств упал навзничь.

Первое ощущение, когда он очнулся, была кровь, которая текла по носу, и боль в голове, становившаяся гораздо слабее. «Это душа отходит, – подумал он, – что будет там? Господи! прими дух мой с миром. Только одно странно, – рассуждал он, – что, умирая, я так ясно слышу шаги солдат и звуки выстрелов».

– Давай носилки – эй! ротного убило! – крикнул над его головой голос, который он невольно узнал за голос барабанщика Игнатьева.

Кто-то взял его за плечи. Он попробовал открыть глаза и увидел над головой темно-синее небо, группы звезд и две бомбы, которые летели над ним, догоняя одна другую, увидел Игнатьева, солдат с носилками и ружьями, вал траншеи и вдруг поверил, что он еще не на том свете.

Он был камнем легко ранен в голову. Самое первое впечатление его было как будто сожаление: он так было хорошо и спокойно приготовился к переходу туда, что на него неприятно подействовало возвращение к действительности, с бомбами, траншеями, солдатами и кровью; второе впечатление его была бессознательная радость, что он жив, и третье – страх и желание уйти поскорее с бастиона. Барабанщик платком завязал голову своему командиру и, взяв его под руку, повел к перевязочному пункту.

«Куда и зачем я иду, однако?» – подумал штабс-капитан, когда он опомнился немного. – «Мой долг оставаться с ротой, а не уходить вперед, тем более, что и рота скоро выйдет из-под огня, – шепнул ему какой-то голос, – а с раной остаться в деле – непременно награда».

– Не нужно, братец, – сказал он, вырывая руку от услужливого барабанщика, которому главное самому хотелось поскорее выбраться отсюда, – я не пойду на перевязочный пункт, а останусь с ротой.

И он повернул назад.

– Вам бы лучше перевязаться, ваше благородие, как следует, – сказал робкий Игнатьев: – ведь это сгоряча она только оказывает, что ничего, а то хуже бы не сделать, ведь тут вон какая жарня идет... право, ваше благородие.

Михайлов остановился на минуту в нерешительности и, кажется, последовал бы совету Игнатьева, ежели бы не вспомнилась ему сцена, которую он на-днях видел на перевязочном пункте: офицер с маленькой

царапиной на руке пришел перевязываться, и доктора улыбались, глядя на него и даже один – с бакенбардами – сказал ему, что он никак не умрет от этой раны, и что вилкой можно больней уколоться.

– Может быть, так же недоверчиво улыбнутся и моей ране, да еще скажут что-нибудь, – подумал штабс-капитан и решительно, несмотря на доводы барабанщика, пошел назад к роте.

– А где ординарец Праскухин, который шел со мной? – спросил он прапорщика, который вел роту, когда они встретились.

– Не знаю, убит, кажется, – неохотно отвечал прапорщик, который, между прочим, был очень недоволен, что штабс-капитан вернулся и тем лишил его удовольствия сказать, что он один офицер остался в роте.

– Убит или ранен? как же вы не знаете, ведь он с нами шел. И отчего вы его не взяли?

– Где тут было брать, когда жарня этакая!

– Ах, как же вы это, Михал Иванович, – сказал Михайлов сердито: – как же бросить, ежели он жив; да и убит, так всё-таки тело надо было взять, – как хотите, ведь он ординарец генерала и еще жив, может.

– Где жив, когда я вам говорю, я сам подходил и видел, – сказал прапорщик. – Помилуйте! только бы своих уносить. Вон стерва! ядрами теперь стал пускать, – прибавил он, присядая. Михайлов тоже присел и схватился за голову, которая от движенья ужасно заболела у него.

– Нет, непременно надо сходить взять: может быть, он еще жив, – сказал Михайлов. – Это наш долг, Михайло Иваныч!

Михайло Иваныч не отвечал.

«Вот ежели бы он был хороший офицер, он бы взял тогда, а теперь надо солдат посылать одних; а и посылать как? под этим страшным огнем могут убить задаром», – думал Михайлов.

– Ребята! надо сходить назад – взять офицера, что ранен там в канаве, – сказал он не слишком громко и повелительно, чувствуя, как неприятно будет солдатам исполнять это приказанье, – и действительно, так как он ни к кому именно не обращался, никто не вышел, чтобы исполнить его.

– Унтер-офицер! поди сюда.

Унтер-офицер, как будто не слыша, продолжал идти на своем месте.

«И точно, может, он уже умер и не стоит подвергать людей напрасно, а виноват один я, что не позаботился. Схожу сам, узнаю, жив ли он. Это мой долг», – сказал сам себе Михайлов.

– Михал Иваныч! ведите роту, а я вас догоню, – сказал он и, одной рукой подобрав шинель, другой рукой дотрагиваясь беспрестанно до

образка Митрофания угодника, в которого он имел особенную веру, почти ползком и дрожа от страха, рысью побежал по траншее.

Убедившись в том, что товарищ его был убит, Михайлов так же пыхтя, присядая и придерживая рукой сбившуюся повязку и голову, которая сильно начинала болеть у него, потащился назад. Батальон уже был под горой на месте и почти вне выстрелов, когда Михайлов догнал его. – Я говорю: почти вне выстрелов, потому что изредка залетали и сюда шальные бомбы (осколком одной в эту ночь убит один капитан, который сидел во время дела в матросской землянке).

«Однако, надо будет завтра сходить на перевязочный пункт записаться», – подумал штабс-капитан, в то время как пришедший фельдшер перевязывал его, – «это поможет к представленью».

14.

Сотни свежих окровавленных тел людей, за 2 часа тому назад полных разнообразных, высоких и мелких надежд и желаний, с окоченелыми членами, лежали на росистой цветущей долине, отделяющей бастион от траншеи, и на ровном полу часовни Мертвых в Севастополе; сотни людей с проклятиями и молитвами на пересохших устах – ползали, ворочались и стонали, – одни между трупами на цветущей долине, другие на носилках, на койках и на окровавленном полу перевязочного пункта; а всё так же, как и в прежние дни, загорелась зарница над Сапун-горой, побледнели мерцающие звезды, потянул белый туман с шумящего темного моря, зажглась алая заря на востоке, разбежались багровые длинные тучки по светло-лазурному горизонту, и всё так же, как и в прежние дни, обещая радость, любовь и счастье всему ожившему миру, выплыло могучее, прекрасное светило.

15.

На другой день вечером опять егерская музыка играла на бульваре, и опять офицеры, юнкера, солдаты и молодые женщины празднично гуляли около павильона и по нижним дорожкам из цветущих душистых белых акаций.

Калугин, князь Гальцин и какой-то полковник ходили под руки около павильона и говорили о вчерашнем деле. – Главную путеводительную нитью разговора, как это всегда бывает в подобных случаях, было не самое дело, а то участие, которое принимал, и храбрость, которую выказал рассказывающий в деле. Лица и звук голосов их имели серьезное, почти печальное выражение, как будто потери вчерашнего

дела сильно трогали и огорчали каждого, но, сказать по правде, так как никто из них не потерял очень близкого человека (да и бывают ли в военном быту очень близкие люди?), это выражение печали было выражение официальное, которое они только считали обязанностью высказывать. Напротив, Калугин и полковник были бы готовы каждый день видеть такое дело, с тем, чтобы только каждый раз получать золотую саблю и генерал-майора, несмотря на то, что они были прекрасные люди. Я люблю, когда называют извергом какого-нибудь завоевателя, для своего честолюбия губящего миллионы. Да спросите по совести прапорщика Петрушова и поручика Антонова и т. д., всякий из них маленький Наполеон, маленький изверг и сейчас готов затеять сражение, убить человек сотню для того только, чтоб получить лишнюю звездочку или треть жалованья.

– Нет, извините, – говорил полковник, – прежде началось на левом фланге. Ведь я был там.

– А, может быть, – отвечал Калугин, – я больше был на правом; я два раза туда ходил: один раз отыскивал генерала, а другой раз так, посмотреть ложементы пошел. Вот где жарко было.

– Да уж верно Калугин знает, – сказал полковнику кн. Гальцин, – ты знаешь, мне нынче В... про тебя говорил, что ты молодец.

– Потери только, потери ужасные, – сказал полковник тоном официальной печали: – У меня в полку 400 человек вышло. – Удивительно, как я жив вышел оттуда.

В это время навстречу этим господам, на другом конце бульвара, показалась лиловатая фигура Михайлова на стоптанных сапогах и с повязанной головой. Он очень сконфузился, увидав их: ему вспомнилось, как он вчера присядал перед Калугиным, и пришло в голову, как бы они не подумали, что он притворяется раненым. Так что ежели бы эти господа не смотрели на него, то он бы сбежал вниз и ушел бы домой с тем, чтобы не выходить до тех пор, пока можно будет снять повязку.

– Il fallait voir dans quel état je l'ai rencontré hier sous le feu, [21] улыбнувшись сказал Калугин в то время, как они сходились.

– Что, вы ранены, капитан? – сказал Калугин с улыбкой, которая значила: – «что вы видели меня вчера? каков я?»

– Да, немножко, камнем, – отвечал Михайлов, краснея и с выражением на лице, которое говорило: «видел и признаюсь, что вы молодец, а я очень, очень плох».

– Est-ce que le pavillon est baissé déjà? [22] – спросил кн. Гальцин опять с своим высокомерным выражением, глядя на фуражку штабс-капитана и не обращаясь ни к кому в особенности.

– Non pas encore, [23] – отвечал Михайлов, которому хотелось показать, что он знает и поговорить по-французски.

– Неужели продолжается еще перемирие? – сказал Гальцин, учтиво обращаясь к нему по-русски и тем говоря – как это показалось штабс-капитану – что вам, должно быть, тяжело будет говорить по-французски, так не лучше ли уж просто?.. И с этим адъютанты отошли от него.

Штабс-капитан так же, как и вчера, почувствовал себя чрезвычайно одиноким и, поклонившись с разными господами – с одними не желая сходитья, а к другим не решаясь подойти – сел около памятника Казарского и закурил папиросу.

Барон Пест тоже пришел на бульвар. Он рассказывал, что был на перемирии и говорил с французскими офицерами, как-будто бы один французский офицер сказал ему: «S'il n'avait pas fait clair encore pendant une demi heure, les embuscades auraient été reprises», [24] и как он отвечал ему: «Monsieur! Je ne dit pas non, pour ne pas vous donner un dementi», [25] и как это хорошо он сказал и т. д.

В сущности же, хотя и был на перемирии, он не успел сказать там ничего очень умного, хотя ему и ужасно хотелось поговорить с французами (ведь это ужасно весело говорить с французами). Юнкер барон Пест долго ходил по линии и всё спрашивал французов, которые были близко к нему: «de quel régiment êtes-vous?» [26] Ему отвечали и больше ничего. Когда же он зашел слишком далеко за линию, то французской часовой, не подозревая, что этот солдат знает по-французски, в третьем лице выругал его. «Il vient regarder nos travaux se sacré c.....» [27] сказал он. Вследствие чего, не находя больше интереса на перемирии, юнкер барон Пест поехал домой и уже дорогой придумал те французские фразы, которые теперь рассказывал. На бульваре были и поручик Зобов, который громко разговаривал, и капитан Обжогов в растерзанном виде, и артиллерийский капитан, который ни в ком не заискивает, и счастливый в любви юнкер, и все те же вчерашние лица и всё с теми же вечными побуждениями лжи, тщеславия и легкомыслия. Недоставало только Праскухина, Нефердова и еще кой-кого, о которых здесь едва ли помнил и думал кто-нибудь теперь, когда тела их еще не успели быть обмыты, убраны и зарыты в землю, и о которых через месяц точно так же забудут отцы, матери, жены, дети, ежели они были, или не забыли про них прежде.

– А я его не узнал было, старика-то, – говорит солдат на уборке тел, за плечи поднимая перебитый в груди труп с огромной раздувшейся головой, почернелым глянцеволицем и вывернутыми зрачками, – под спину берись, Морозка, а то, как бы не перервался. Ишь, дух скверный!»

«Ишь, дух скверный!» – вот всё, что осталось между людьми от этого человека.....
.....
.....
.....
.....

16.

На нашем бастионе и на французской траншее выставлены белые флаги, и между ними в цветущей долине, кучками лежат без сапог, в серых и синих одеждах, изуродованные трупы, которые сносят рабочие и накладывают на повозки. Ужасный тяжелый запах мертвого тела наполняет воздух. Из Севастополя и из французского лагеря толпы народа высыпали смотреть на это зрелище и с жадным и благосклонным любопытством стремятся одни к другим.

Послушайте, что говорят между собой эти люди.

Вот в кружке собравшихся около него русских и французов, молоденькой офицер, хотя плохо, но достаточно хорошо, чтоб его понимали, говорящий по-французски, рассматривает гвардейскую сумку.

– Э сеси пуркуа се уазо иси? – говорит он.

– *Parce que c'est une giberne d'un régiment de la garde, Monsieur, qui porte l'aigle impérial.*

– Э ву де ла гард?

– *Pardon, Monsieur, du 6-ème de ligne.*

– Э сеси у аште?[28] – спрашивает офицер, указывая на деревянную желтую сигарочницу, в которой француз курит папиросу.

– *A Balaclave, Monsieur! C'est tout simple – en bois de palme.*[29]

– Жоли! – говорит офицер, руководимый в разговоре не собственным произволом, но теми словами, которые он знает.

– *Si vous voulez bien garder cela comme souvenir de cette rencontre, vous m'obligerez.*[30] И учтивый француз выдывает папироску и подает офицеру сигарочницу с маленьким поклоном. Офицер дает ему свою, и все присутствующие в группе как французы, так и русские кажутся очень довольными и улыбаются.

Вот пехотный бойкий солдат, в розовой рубашке и шинели в накидку, в сопровождении других солдат, которые, руки за спину, с веселыми, любопытными лицами, стоят за ним, подошел к французу и попросил у него огня закурить трубку. Француз разжигает и расковыривает трубочку и высыпает огня русскому.

– Табак бун, – говорит солдат в розовой рубашке, и зрители улыбаются.

– *Oui, bon tabac, tabac turc, – говорит француз, – et chez vous tabac russe? bon?*[31]

– Рус бун, – говорит солдат в розовой рубашке, причем присутствующие покатываются со смеху. – Франсе нет бун, бонжур, мусье, – говорит солдат в розовой рубашке, сразу уж выпуская весь свой заряд знаний языка, и треплет француза по животу и смеется. Французы тоже смеются.

– Il ne sont pas jolis ces b[êtes] de russes, [32] – говорит один зуав из толпы французов.

– De quoi de ce qu'ils rient donc? [33] – говорит другой черный, с итальянским выговором, подходя к нашим.

– Кафтан бун, – говорит бойкий солдат, рассматривая шитые полы зуава, и опять смеются.

– Ne sortez pas de la ligne, à vos places, sacré nom..... [34] – кричит французской капрал, и солдаты с видимым неудовольствием расходятся.

А вот в кружке французских офицеров, наш молодой кавалерийской офицер так и рассыпается французским парикмахерским жаргоном. Речь идет о каком-то comte Sazonoff, que j'ai beaucoup connu, m-r, [35] – говорит французский офицер с одним эполетом: – c'est un de ces vrais comtes russes, comme nous les aimons. [36]

– Il y a un Sazonoff que j'ai connu, – говорит кавалерист, – mais il n'est pas comte, a moins que je sache, un petit brun de votre âge à peu près.

– C'est ça, m-r, c'est lui. Oh que je voudrais le voir ce cher comte. Si vous le voyez, je vous pris bien de lui faire mes compliments. – Capitaine Latour, [37] – говорит он, кланяясь.

– N'est ce pas terrible la triste besogne, que nous faisons? Ça chauffait cette nuit, n'est-ce pas? [38] – говорит кавалерист, желая поддержать разговор и указывая на трупы.

– Oh, m-r, c'est affreux! Mais quels gaillards vos soldats, quels gaillards! C'est un plaisir que de se battre contre des gaillards comme eux. – Il faut avouer que les vôtres ne se mouchent pas du pied non plus, [39] – говорит кавалерист, кланяясь и воображая, что он удивительно умен. Но довольно.

Посмотрите лучше на этого 10-летнего мальчишку, который в старом – должно быть, отцовском картузе, в башмаках на босу ногу и нанковых штанишках, поддерживаемых одною помочью, с самого начала перемирья вышел за вал и всё ходил по лощине, с тупым любопытством глядя на французов и на трупы, лежащие на земле, и набирал полевые голубые цветы, которыми усыпана эта роковая долина. Возвращаясь домой с большим букетом, он, закрыв нос от запаха, который наносило на него ветром, остановился около кучки снесенных тел и долго смотрел на один страшный, безголовый труп, бывший ближе к нему. Постояв недвижно довольно долго, он подвинулся ближе и дотронулся ногой до

вытянутой окоченевшей руки трупа. Рука покачнулась немного. Он тронул ее еще раз и крепче. Рука покачнулась и опять стала на свое место. Мальчик вдруг вскрикнул, спрятал лицо в цветы и во весь дух побежал прочь к крепости.

Да, на бастионе и на траншее выставлены белые флаги, цветущая долина наполнена смрадными телами, прекрасное солнце спускается с прозрачного неба к синему морю, и синее море, колыхаясь, блестит на золотых лучах солнца. Тысячи людей толпятся, смотрят, говорят и улыбаются друг другу. И эти люди – христиане, исповедующие один великой закон любви и самоотвержения, глядя на то, что они сделали, не упадут с раскаянием вдруг на колени перед Тем, Кто, дав им жизнь, вложил в душу каждого, вместе с страхом смерти, любовь к добру и прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, как братья? Нет! Белые тряпки спрятаны – и снова свистят орудия смерти и страданий, снова льется честная, невинная кровь, и слышатся стоны и проклятия.

Вот я и сказал, что хотел сказать; но тяжелое раздумье одолевает меня. – Может, не надо было говорить этого. Может быть, то, что я сказал, принадлежит к одной из тех злых истин, которые бессознательно таясь в душе каждого, не должны быть высказываемы, чтобы не сделаться вредными, как осадок вина, который не надо взбалтывать, чтобы не испортить его.

Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Кто злодей, кто герой ее? Все хороши и все дурны.

Ни Калугин с своей блестящей храбростью (*bravoure de gentilhomme*) и тщеславием, двигателем всех поступков, ни Праскухин пустой, безвредный человек, хотя и павший на брани за веру, престол и отечество, ни Михайлов с своей робостью и ограниченным взглядом, ни Пест, – ребенок без твердых убеждений и правил, не могут быть ни злодеями, ни героями повести.

Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его, и который всегда был, есть и будет прекрасен, – правда.

1855 года, 26 июня.

**** СЕВАСТОПОЛЬ В АВГУСТЕ 1855 ГОДА.

1.

В конце августа по большой ущелистой севастопольской дороге, между Дуванкдой [40] и Бахчисараем, шагом, в густой и жаркой пыли ехала офицерская тележка (та особенная, больше нигде не встречаемая тележка, составляющая нечто среднее между жидовской бричкой, русской повозкой и корзинкой).

В повозке – спереди на корточках сидел денщик в нанковом сюртуке и сделавшейся совершенно мягкой бывшей офицерской фуражке, подергивавший возжами; – сзади на узлах и вьюках, покрытых попонкой, сидел пехотный офицер в летней шинели. Офицер был, сколько можно было заключить о нем в сидячем положении, не высок ростом, но чрезвычайно широк, и не столько от плеча до плеча, сколько от груди до спины; он был широк и плотен, шея и затылок были у него очень развиты и напряжены, так называемой талии – перехвата в середине туловища – у него не было, но и живота тоже не было, напротив он был скорее худ, особенно в лице, покрытом нездоровым желтоватым загаром. Лицо его было бы красиво, ежели бы не какая-то одутловатость и мягкие, нестарческие, крупные морщины, сливавшие и увеличивавшие черты и дававшие всему лицу общее выражение несвежести и грубости. Глаза у него были небольшие карие, чрезвычайно бойкие, даже наглые; усы очень густые, но не широкие, и обкусанные; а подбородок и особенно скулы покрыты были чрезвычайно крепкой, частой и черной двухдневной бородой. Офицер был ранен 10 мая осколком в голову, на которой еще до сих пор он носил повязку, и теперь, чувствуя себя уже с неделю совершенно здоровым, из Симферопольского госпиталя ехал к полку, который стоял где-то там, откуда слышались выстрелы, – но в самом ли Севастополе, на Северной или на Инкермане, он еще ни от кого не мог узнать хорошенько. Выстрелы уже слышались, особенно иногда, когда не мешали горы, или доносил ветер, чрезвычайно ясно, часто и, казалось, близко: то как будто взрыв потрясал воздух и невольно заставлял вздрагивать, то быстро друг за другом следовали менее сильные звуки, как барабанная дробь, перебиваемая иногда поразительным гулом, то всё сливалось в какой-то перекатывающийся треск, похожий на громовые удары, когда гроза во всем разгаре, и только что полил ливень. Все говорили, да и слышно было, что бомбардированье идет ужасное. Офицер погонял денщика: ему, казалось, хотелось как можно скорей приехать. Навстречу шел большой обоз русских мужиков, привозивших провиант в Севастополь, и теперь шедший оттуда, наполненный больными и ранеными солдатами в серых шинелях, матросами в черных пальто, греческими волонтерами в красных фесках и ополченцами с бородами. Офицерская повозочка должна была остановиться, и офицер, щурясь и морщась от пыли, густым, неподвижным облаком поднявшейся на дороге, набивавшейся ему в глаза и уши и липнувшей на потное лицо, с озлобленным равнодушием смотрел на лица больных и раненых, двигавшихся мимо него.

– А это с нашей роты солдатик слабый, – сказал денщик, оборачиваясь к барину и указывая на повозку, наполненную ранеными, в это время поровнявшуюся с ними.

На повозке спереди сидел боком русский бородач в поярковой шляпе и, локтем придерживая кнутовище, связывал кнут. За ним в телеге тряслись человек пять солдат в различных положениях. Один, с подвязанной какой-то веревочкой рукой, с шинелью в накидку, на

весьма грязной рубахе, хотя худой и бледный, сидел бодро в середине телеги и взялся было за шапку, увидав офицера, но потом, вспомнив верно, что он раненый, сделал вид, что он только хотел почесать голову. Другой, рядом с ним, лежал на самом дне повозки; видны были только две исхудалые руки, которыми он держался за грядки повозки, и поднятые колени, как мочалы, мотавшиеся в разные стороны. Третий, с опухшим лицом и обвязанной головой, на которой сверху торчала солдатская шапка, сидел с боку, спустив ноги к колесу, и, облокотившись руками на колени, дремал, казалось. К нему-то и обратился проезжий офицер.

– Должников! – крикнул он.

– Я-о, – отвечал солдат, открывая глаза и снимая фуражку, таким густым и отрывистым басом, как будто человек 20 солдат крикнули вместе.

– Когда ты ранен, братец?

Оловянные, заплывшие глаза солдата оживились: он видимо узнал своего офицера.

– Здравия желаем, вашбородие! – тем же отрывистым басом крикнул он.

– Где нынче полк стоит?

– В Севастополе стояли; в середу переходить хотели, вашбородие!

– Куда?

– Неизвестно... должно, на Сиверную, вашбородие! Нынче, вашбородие, – прибавил он протяжным голосом и надевая шапку, – уже скрость палить стал, всё больше с бомбов, ажно в бухту доносить; нынче так бьеть, что бяда, ажно...

Дальше нельзя было слышать, что говорил солдат; но по выражению его лица и позы видно было, что он, с некоторой злобой страдающего человека, говорит вещи неутешительные.

Проезжий офицер, – поручик Козельцов, был офицер недюжинный. Он был не из тех, которые живут так-то и делают то-то, а не делают того-то потому, что так живут и делают другие: он делал всё, что ему хотелось, а другие уж делали, что он, и были уверены, что это хорошо. Его натура была довольно богата; он был не глуп и вместе с тем талантлив, хорошо пел, играл на гитаре, говорил очень бойко и писал весьма легко, особенно казенные бумаги, на которые набил руку в свою бытность полковым адъютантом; но более всего замечательна была его натура самолюбивой энергией, которая, хотя и была более всего основана на этой мелкой даровитости, была сама по себе черта резкая и поразительная. У него было одно из тех самолюбий, которое до такой степени слилось с жизнью и которое чаще всего развивается в одних мужских и особенно военных кружках, что он не понимал другого выбора, как первенствовать или уничтожаться, и что самолюбие было двигателем даже его внутренних побуждений: он сам с собой любил

первенствовать над людьми, с которыми себя сравнивал.

– Как же! очень буду слушать, что Москва[41] болтает! – пробормотал поручик, ощущая какую-то тяжесть апатии на сердце и туманность мыслей, оставленных в нем видом транспорта раненых и словами солдата, значение которых невольно усиливалось и подтверждалось звуками бомбардированья. – Смешная эта Москва... Пошел, Николаев, трогай же... Что ты заснул! – прибавил он несколько ворчливо на денщика, поправляя полы шинели.

Возжи задергались, Николаев зачмокал, и повозочка покатила рысью.

– Только покормим минутку и сейчас, нынче же дальше, – сказал офицер.

2.

Уже въезжая в улицу разваленных остатков каменных стен татарских домов Дуванкѳй, поручик Козельцов снова был задержан транспортом бомб и ядер, шедшим в Севастополь и столпившимся на дороге. Повозка принуждена была остановиться.

Два пехотных солдата сидели в самой пыли на камнях разваленного забора, около дороги, и ели арбуз с хлебом.

– Далече идете, землячок? – сказал один из них, пережевывая хлеб, солдату, который с небольшим мешком за плечами остановился около них.

– В роту идем из губернии, – отвечал солдат, глядя в сторону от арбуза и поправляя мешок за спиной. – Мы вот, почитай что 3-ю неделю при сене ротном находились, а теперь вишь потребовали всех; да неизвестно, в каком месте полк находится в теперешнее время. Сказывали, что на Корабельную заступили наши на прошлой неделе. Вы не слышали, господа?

– В городе, брат, стоит, в городе, – проговорил другой, старый фурштатский солдат, копавший с наслаждением складным ножом в неспелом, белёсом арбузе. Мы вот только с полдён оттеле идем. Такая страсть, братец ты мой, что и не ходи лучше, а здесь упади где-нибудь в сене, денек-другой пролежи – дело-то лучше будет.

– А что так, господа?

– Рази не слышишь, нынче кругом палит, аж и места целого нет. Что нашего брата перебил, и сказать нельзя.

И говоривший махнул рукой и поправил шапку.

Прохожий солдат задумчиво покачал головой, почмокал языком, потом достал из голенища трубочку, не накладывая ее, расковырял прижженный табак, зажег кусочек трута у курившего солдата и приподнял шапочку.

– Никто, как Бог, господа! Прощенья просим! – сказал он и, встряхнув за спиной мешок, пошел по дороге.

– Эх, обождал бы лучше! – сказал убедительно–протяжно ковырявший арбуз.

– Всё одно, – пробормотал прохожий, пролезая между колес столпившихся повозок; – видно, тоже харбуза купить повечерять, вишь что говорят люди.

3.

Станция была полна народом, когда Козельцов подъехал к ней. Первое лицо, встретившееся ему еще на крыльце, был худощавый, очень молодой человек, смотритель, который перебранивался с следовавшими за ним двумя офицерами.

– И не то что трое суток, и десятеро суток подождете! и генералы ждут, батюшка! – говорил смотритель с желанием кольнуть проезжающих, – а я вам не запрягусь же.

– Так никому не давать лошадей, коли нету!.. А зачем дал какому–то лакею с вещами? – кричал старший из двух офицеров, с стаканом чая в руках и видимо избегая местоимения, но давая чувствовать, что очень легко и ты сказать смотрителю.

– Ведь вы сами рассудите, господин смотритель, – говорил с запинками другой, молоденький офицерик, – нам не для своего удовольствия нужно ехать. Ведь мы тоже стало быть нужны, коли нас требовали. А то я право генералу Крамперу непременно это скажу. А то ведь это что ж... вы, значит, не уважаете офицерского звания.

– Вы всегда испортите! – перебил его с досадой старший: – вы только мешаете мне; надо уметь с ними говорить. Вот он и потерял уваженье. Лошадей сию минуту, я говорю!

– И рад бы, батюшка, да где их взять–то?

Смотритель помолчал немного и вдруг разгорячился и, размахивая руками, начал говорить:

– Я, батюшка, сам понимаю и всё знаю; да что станете делать! Вот дайте мне только (на лицах офицеров выразилась надежда)... дайте только до конца месяца дожить – и меня здесь не будет. Лучше на Малахов курган пойду, чем здесь оставаться. Ей Богу! Пусть делают

как хотят, когда такие распоряжения: на всей станции теперь ни одной повозки крепкой нет, и клочка сена уж третий день лошади не видали.

И зритель скрылся в воротах.

Козельцов вместе с офицерами вошел в комнату.

– Что ж, – совершенно спокойно сказал старший офицер младшему, хотя за секунду перед этим он казался разъяренным, – уж 3 месяца едем, подождем еще. Не беда – успеем.

Дымная, грязная комната была так полна офицерами и чемоданами, что Козельцов едва нашел место на окне, где и присел; вглядываясь в лица и вслушиваясь в разговоры, он начал делать папироску. Направо от двери, около кривого сального стола, на котором стояло два самовара с позеленелой кое-где медью, и разложен был сахар в разных бумагах, сидела главная группа: молодой безусый офицер в новом стеганом архалуке, наверное сделанном из женского капота, доливал чайник; человека 4 таких же молоденьких офицеров находились в разных углах комнаты: один из них, подложив под голову какую-то шубу, спал на диване; другой, стоя у стола, резал жареную баранину безрукому офицеру, сидевшему у стола. Два офицера, один в адъютантской шинели, другой в пехотной, но тонкой, и с сумкой через плечо, сидели около лежанки, и по одному тому, как они смотрели на других, и как тот, который был с сумкой, курил сигару, видно было, что они не фронтовые пехотные офицеры, и что они довольны этим. Не то, чтобы видно было презрение в их манере, но какое-то самодовольное спокойствие, основанное частью на деньгах, частью на близких сношениях с генералами – сознание превосходства, доходящее даже до желания скрыть его. Еще молодой губастый доктор и артиллерист с немецкой физиономией сидели почти на ногах молодого офицера, спящего на диване, и считали деньги. Человека 4 денщиков – одни дремали, другие возились с чемоданами и узлами около двери. Козельцов между всеми лицами не нашел ни одного знакомого; но он с любопытством стал вслушиваться в разговоры. Молодые офицеры, которые, как он тотчас же по одному виду решил, только что ехали из корпуса, понравились ему и, главное, напомнили, что брат его, тоже из корпуса, на-днях должен был прибыть в одну из батарей Севастополя. В офицере же с сумкой, которого лицо он видел где-то, ему всё казалось противно и нагло. Он даже с мыслью: «осадить его, ежели бы он вздумал что-нибудь сказать», перешел от окна к лежанке и сел на нее. Козельцов вообще, как истый фронтовой и хороший офицер, не только не любил, но был возмущен против штабных, которыми он с первого взгляда признал этих двух офицеров.

4.

– Однако это ужасно как досадно, – говорил один из молодых офицеров, – что так уже близко, а нельзя доехать. Может быть, нынче дело

будет, а нас не будет.

В пискливом тоне голоса и в пятновидном свежем румянце, набежавшем на молодое лицо этого офицера в то время, как он говорил, видна была эта милая молодая робость человека, который беспрестанно боится, что не так выходит его каждое слово.

Безрукий офицер с улыбкой посмотрел на него.

– Поспеете еще, поверьте, – сказал он.

Молодой офицерик с уважением посмотрел на исхудалое лицо безрукого, неожиданно просветлевшее улыбкой, замолчал и снова занялся чаем. Действительно в лице безрукого офицера, в его позе и особенно в этом пустом рукаве шинели выразалось много этого спокойного равнодушия, которое можно объяснить так, что при всяком деле или разговоре он смотрел, как будто говоря: «всё это прекрасно, всё это я знаю и всё могу сделать, ежели бы я захотел только».

– Как же мы решим, – сказал снова молодой офицер своему товарищу в архалуке, – ночуем здесь или поедем на своей лошади?

Товарищ отказался ехать.

– Вы можете себе представить, капитан, – продолжал разливавший чай, обращаясь к безрукому и поднимая ножик, который уронил этот, – нам сказали, что лошади ужасно дороги в Севастополе, мы и купили сообща лошадь в Симферополе.

– Дорого, я думаю, с вас содрали?

– Право не знаю, капитан: мы заплатили с повозкой 90 рублей. Это очень дорого? – прибавил он, обращаясь ко всем и к Козельцову, который смотрел на него.

– Недорого, коли молодая лошадь, – сказал Козельцов.

– Не правда ли? А нам говорили, что дорого... Только она хромая немножко, только это пройдет, нам говорили. Но она крепкая такая.

– Вы из какого корпуса? – спросил Козельцов, который хотел узнать о брате.

– Мы теперь из Дворянского полка, нас 6 человек, мы все едем в Севастополь по собственному желанию, – говорил словоохотливый офицерик, – только мы не знаем, где наши батареи: одни говорят, что в Севастополе, а вот они говорили, что в Одессе.

– А в Симферополе разве нельзя было узнать? – спросил Козельцов.

– Не знают... Можете себе представить, наш товарищ ходил там в канцелярию в одну; ему грубостей наговорили... можете себе представить, как неприятно. Угодно вам готовую папироску? – сказал он в это время безрукому офицеру, который хотел достать свою

сигарочницу.

Он с каким-то подобострастным восторгом услуживал ему.

– А вы тоже из Севастополя? – продолжал он. – Ах, Боже мой, как это удивительно! Ведь как мы все в Петербурге думали об вас, обо всех героях! – сказал он, обращаясь к Козельцову с уважением и добродушной лаской.

– Как же, вам, может, назад придется ехать? – спросил поручик.

– Вот этого-то мы и боимся. Можете себе представить, что мы, как купили лошадь и обзавелись всем нужным – кофейник спиртовой и еще разные мелочи необходимые, – у нас денег совсем не осталось, – сказал он тихим голосом и оглядываясь на своего товарища, – так что ежели ехать назад, мы уж и не знаем, как быть.

– Разве вы не получили подъемных денег? – спросил Козельцов.

– Нет, – отвечал он шопотом, – только нам обещали тут дать.

– А свидетельство у вас есть?

– Я знаю, что главное – свидетельство; но мне в Москве сенатор один – он мне дядя, – как я у него был, он сказал, что тут дадут, а то бы он сам мне дал. Так дадут так?

– Непременно дадут.

– И я думаю, что, может быть, так дадут, – сказал он таким тоном, который доказывал, что, спрашивая на 30 станциях одно и то же и везде получая различные ответы, он уже никому не верил хорошенько.

5.

– Да как же не дать, – сказал вдруг офицер, бранившийся на крыльце с смотрителем и в это время подошедший к разговаривающим и обращаясь отчасти и к штабным, сидевшим подле, как к более достойным слушателям. – Ведь я так же, как и эти господа, пожелал в действующую армию, даже в самый Севастополь просился от прекрасного места, и мне, кроме прогонов от П. 136 руб. сер., ничего не дали, а я уж своих больше 150 рублей издержал. Подумать только, 800 верст 3-й месяц еду. Вот с этими господами 2-й месяц. Хорошо, что у меня были свои деньги. Ну, а коли бы не было их?

– Неужели 3-й месяц? – спросил кто-то.

– А что прикажете делать, – продолжал рассказывающий. – Ведь ежели бы я не хотел ехать, я бы и не просился от хорошего места, так,

стало быть, я не стал бы жить по дороге, уж не оттого, чтоб я боялся бы... а возможности никакой нет. В Перекопе, например, я 2 недели жил; смотритель с вами и говорить не хочет, – когда хотите поезжайте; одних курьерских подорожных вот сколько лежит. Уж, верно, так судьба... ведь я бы желал, да видно судьба; я ведь не оттого, что вот теперь бомбардированье, а, видно, торопись, не торопись, всё равно; а я бы как желал...

Этот офицер так старательно объяснял причины своего замедления и как будто оправдывался в них, что это невольно наводило на мысль, что он трусит. Это еще стало заметнее, когда он расспрашивал о месте нахождения своего полка и опасно ли там. Он даже побледнел, и голос его оборвался, когда безрукий офицер, который был в том же полку, сказал ему, что в эти два дня у них одних офицеров 17 человек выбыло.

Действительно, офицер этот в настоящую минуту был жесточайшим трусом, хотя 6 месяцев тому назад он далеко не был им. С ним произошел переворот, который испытали многие и прежде и после него. Он жил в одной из наших губерний, в которых есть кадетские корпуса, и имел прекрасное покойное место, но, читая в газетах и частных письмах о делах севастопольских героев, своих прежних товарищей, он вдруг возгорелся честолюбием и еще более патриотизмом.

Он пожертвовал этому чувству весьма многим – и обжитым местом, и квартирой с мягкой мебелью, заведенной осьмилетним старанием, и знакомствами, и надеждами на богатую женитьбу, – он бросил всё и подал еще в феврале в действующую армию, мечтая о бессмертном венке славы и генеральских эполетах. Через 2 месяца после подачи прошения, он по команде получил запрос, не будет ли он требовать вспомоществования от правительства. Он отвечал отрицательно и терпеливо продолжал ожидать определения, хотя патриотический жар уже успел значительно остыть в эти 2 месяца. Еще через 2 месяца он получил запрос, не принадлежит ли он к масонским ломам и еще подобного рода формальности и после отрицательного ответа наконец на 5-й месяц вышло его определение. Во всё это время приятели, а более всего то заднее чувство недовольства новым, которое является при каждой перемене положения, успели убедить его в том, что он сделал величайшую глупость, поступив в действующую армию. Когда же он очутился один, с изжогой и запыленным лицом, на 5-й станции, на которой он встретился с курьером из Севастополя, рассказавшим ему про ужасы войны, и прождал 12 часов лошадей, – он уже совершенно раскисался в своем легкомыслии, с смутным ужасом думал о предстоящем и ехал бессознательно вперед, как на жертву. Чувство это в продолжение 3-месячного странствования по станциям, на которых почти везде надо было ждать и встречать едущих из Севастополя офицеров, с ужасными рассказами, постоянно увеличивалось и наконец довело до того бедного офицера, что из героя, готового на самые отчаянные предприятия, каким он воображал себя в П., в Дуванкѳ он был жалким трусом и, съехавшись месяц тому назад с молодежью, едущей из корпуса, он старался ехать как можно тише, считая эти дни последними в своей жизни, на каждой станции разбирал кровать, погребец, составлял партию в преферанс, на жалобную книгу смотрел как на препровождение времени и радовался, когда лошадей ему не

давали.

Он действительно бы был героем, ежели бы из П. попал прямо на бастионы, а теперь еще много ему надо было пройти моральных страданий, чтобы сделаться тем спокойным, терпеливым человеком в труде и опасности, каким мы привыкли видеть русского офицера. Но энтузиазм уже трудно бы было воскресить в нем.

6.

– Кто борщу требовал? – провозгласила довольно грязная хозяйка, толстая женщина лет 40, с миской щей входя в комнату.

Разговор тотчас же замолк, и все, бывшие в комнате, устремили глаза на харчевницу. Офицер, ехавший из П., даже подмигнул на нее молодому офицеру.

– Ах, это Козельцов спрашивал, – сказал молодой офицер: – надо его разбудить. Вставай обедать, – сказал он, подходя к спящему на диване и толкая его за плечо.

Молодой мальчик, лет 17, с веселыми черными глазками и румянцем во всю щеку, вскочил энергически с дивана и, протирая глаза, остановился по середине комнаты.

– Ах, извините, пожалуйста, – сказал он серебристым звучным голосом доктору, которого толкнул, вставая.

Поручик Козельцов тотчас же узнал брата и подошел к нему.

– Не узнаешь? – сказал он, улыбаясь.

– А-а-а! – закричал меньшей брат, – вот удивительно! – и стал целовать брата.

Они поцеловались три раза, но на третьем разе запнулись, как будто обоим пришла мысль: зачем же непременно нужно 3 раза?

– Ну, как я рад, – сказал старший, вглядываясь в брата. – Пойдем на крыльцо – поговорим.

– Пойдем, пойдем. Я не хочу борщу... ешь ты, Федерсон, – сказал он товарищу.

– Да ведь ты хотел есть.

– Не хочу ничего.

Когда они вышли на крыльцо, меньшей всё спрашивал у брата: «ну, что

ты, как, расскажи», и всё говорил, как он рад его видеть, но сам ничего не рассказывал.

Когда прошло минут 5, во время которых они успели помолчать немного, старший брат спросил, отчего меньшей вышел не в гвардию, как этого все наши ожидали.

– Ах, да! – отвечал меньшей, краснея при одном воспоминании, – это ужасно меня убило, и я никак не ожидал, что это случится. Можешь себе представить, – перед самым выпуском мы пошли втроем курить, – знаешь эту комнатку, что за швейцарской, ведь и при вас, верно, так же было, – только можешь вообразить, этот каналья сторож увидал и побежал сказать дежурному офицеру (и ведь мы несколько раз давали на водку сторожу), он и подкрался; только как мы его увидели, те побросали папироски и драло в боковую дверь, – знаешь, а мне уж некуда, он тут мне стал неприятности говорить, разумеется, я не спустил, ну, он сказал инспектору, и пошло. Вот за это–то поставили неполные баллы в поведении, хотя везде были отличные, только [из] механики 12, ну и пошло. Выпустили в армию. Потом обещали меня перевести в гвардию, да уж я не хотел и просился на войну.

– Вот как!

– Право, я тебе без шуток говорю, всё мне так гадко стало, что я желал поскорей в Севастополь. Да впрочем, ведь ежели здесь счастливо пойдет, так можно еще скорее выиграть, чем в гвардии: там в 10 лет в полковники, а здесь Тотлебен так в 2 года из подполковников в генералы. Ну а убьют, – так что же делать!

– Вот ты какой! – сказал брат, улыбаясь.

– А главное, знаешь ли что, брат, – сказал меньшей, улыбаясь и краснея, как будто собирался сказать что–нибудь очень стыдное: – всё это пустяки; главное, я затем просил, что всё–таки как–то совестно жить в Петербурге, когда тут умирают за отечество. Да и с тобой мне хотелось быть, – прибавил он еще застенчивее.

– Какой ты смешной! – сказал старший брат, доставая папиросницу и не глядя на него. – Жалко только, что мы не вместе будем.

– А что, скажи по правде, страшно на бастионах? – спросил вдруг младший.

– Сначала страшно, потом привыкаешь – ничего. Сам увидишь.

– А вот еще что скажи: как ты думаешь, возьмут Севастополь? Я думаю, что ни за что не возьмут.

– Бог знает.

– Одно только досадно, – можешь вообразить, какое несчастье: у нас ведь дорогой целый узел украли, а у меня в нем кивер был, так что я теперь в ужасном положении и не знаю, как я буду являться. Ты знаешь, ведь у нас новые кивера теперь, да и вообще сколько перемен;

всё к лучшему. Я тебе всё это могу рассказать... Я везде бывал в Москве...

Козельцов 2-й Владимир был очень похож на брата Михайлу, но похож так, как похож распускающийся розан на отцветший шиповник. Волоса у него были те же русые, но густые и вьющиеся на висках. На белом нежном затылке у него была русая косичка – признак счастья, как говорят нянюшки. По нежному белому цвету кожи лица не стоял, а вспыхивал, выдавая все движения души, полнокровный молодой румянец. Те же глаза, как и у брата, были у него открытее и светлее, что особенно казалось оттого, что они часто покрывались легкой влагой. Русский пушок пробивал по щекам и над красными губами, весьма часто складывавшимися в застенчивую улыбку и открывавшими белые, блестящие зубы. Стройный, широкоплечий, в расстегнутой шинели, из-под которой виднелась красная рубашка с косым воротом, с папироской в руках, облокотившись на перила крыльца, с наивной радостью в лице и жесте, как он стоял перед братом, это был такой приятно-хорошенький мальчик, что всё бы так и смотрел на него. Он чрезвычайно рад был брату, с уважением и гордостью смотрел на него, воображая его героем; но в некоторых отношениях, именно в рассуждении вообще светского образования, которого, по правде сказать, он и сам не имел, умения говорить по-французски, быть в обществе важных людей, танцевать и т. д., он немножко стыдился за него, смотрел свысока и даже надеялся, ежели можно, образовать его. Все впечатления его еще были из Петербурга, из дома одной барыни, любившей хороших и бравшей его к себе на праздники, и из дома сенатора в Москве, где он раз танцевал на большом бале.

7.

Наговорившись почти досыта и дойдя наконец до того чувства, которое часто испытываешь, что общего мало, хотя и любишь друг друга, братья помолчали довольно долго.

– Так бери же свои вещи и едем сейчас, – сказал старший.

Младший вдруг покраснел и замялся.

– Прямо в Севастополь ехать? – спросил он после минуты молчания.

– Ну да, ведь у тебя немного вещей, я думаю, уложим.

– И прекрасно! сейчас и поедem, – сказал младший со вздохом и пошел в комнату.

Но, не отворяя двери, он остановился в сенях, печально опустив голову, и начал думать:

«Сейчас прямо в Севастополь, в этот ад – ужасно! Однако всё равно,

когда-нибудь надо же было. Теперь по крайней мере с братом...»

Дело в том, что только теперь, при мысли, что, севши в тележку, он, не вылезая из нее, будет в Севастополе, и что никакая случайность уже не может задержать его, ему ясно представилась опасность, которой он искал, и он смутился, испугался одной мысли о близости ее. Кое-как успокоив себя, он вошел в комнату; но прошло 1/4 часа, а он всё не выходил к брату, так что старший отворил наконец дверь, чтоб вызвать его. Меньшой Козельцов, в положении провинившегося школьника, говорил о чем-то с офицером из П. Когда брат отворил дверь, он совершенно растерялся.

– Сейчас, сейчас я выйду! – заговорил он, махая рукой брату. – Подожди меня, пожалуйста, там.

Через минуту он вышел действительно и с глубоким вздохом подошел к брату.

– Можешь себе представить, я не могу с тобой ехать, брат, – сказал он.

– Как? Что за вздор!

– Я тебе всю правду скажу, Миша! У нас уж ни у кого денег нет, и мы все должны этому штабс-капитану, который из П. едет. Ужасно стыдно!

Старший брат нахмурился и долго не прерывал молчанья.

– Много ты должен? – спросил он, исподлобья взглядывая на брата.

– Много... нет, не очень много; но совестно ужасно. Он на трех станциях за меня платил, и сахар всё его шел... так что я не знаю... да и в преферанс мы играли... я ему немножко остался должен.

– Это скверно, Володя! Ну что бы ты сделал, ежели бы меня не встретил? – сказал строго, не глядя на брата, старший.

– Да я думал, братец, что получу эти подъемные в Севастополе, так отдам. Ведь можно так сделать; да и лучше уж завтра я с ним приеду.

Старший брат достал кошелек и с некоторым дрожанием пальцев достал оттуда две 10-рублевые и одну 3-рублевую бумажку.

– Вот мои деньги, – сказал он. – Сколько ты должен?

Сказав, что это были все его деньги, Козельцов говорил не совсем правду: у него было еще 4 золотых, зашитых на всякий случай в обшлагае, но которые он дал себе слово ни за что не трогать.

Оказалось, что Козельцов 2-й с преферансом и сахаром был должен только 8 рублей офицеру из П. Старший брат дал их ему, заметив только, что этак нельзя, когда денег нет, еще в преферанс играть.

– На что ж ты играл?

Младший не отвечал ни слова. Вопрос брата показался ему сомнением в его честности. Досада на самого себя, стыд в поступке, который мог подавать такие подозрения, и оскорбление от брата, которого он так любил, произвели в его впечатлительной натуре такое сильное, болезненное чувство, что он ничего не отвечал, чувствуя, что не в состоянии будет удержаться от слезливых звуков, которые подступали ему к горлу. Он взял не глядя деньги и пошел к товарищам.

8.

Николаев, подкрепивший себя в Дуванкѳ 2-мя крышками водки, купленными у солдата, продававшего ее на мосту, подергивал возжами, повозочка подпрыгивала по каменной кое-где тенистой дороге, ведущей вдоль Бельбека к Севастополю, а братья, поталкиваясь нога об ногу, хотя всякую минуту думали друг о друге, упорно молчали.

«Зачем он меня оскорбил, – думал меньшей, – разве он не мог не говорить про это? Точно, как будто он думал, что я вор, да и теперь, кажется, сердится, так что мы уже навсегда расстроились. А как бы славно нам было вдвоем в Севастополе. Два брата, дружные между собой, оба сражаются со врагом: один старый уже, хотя не очень образованный, но храбрый воин, и другой молодой, но тоже молодец... Через неделю я бы всем доказал, что я уж не очень молоденький! Я и краснеть перестану, в лице будет мужество, да и усы небольшие, но порядочные вырастут к тому времени, – и он ущипнул себя за пушок, показавшийся у краев рта. Может быть, мы нынче приедем и сейчас же попадем в дело, вместе с братом. А он должен быть упорный и очень храбрый – такой, что много не говорит, а делает лучше других. Я б желал знать, – продолжал он, – нарочно или нет он прижимает меня к самому краю повозки. Он, верно, чувствует, что мне неловко, и делает вид, что будто не замечает меня. Вот мы нынче приедем, – продолжал он рассуждать, прижимаясь к краю повозки и боясь пошевелиться, чтобы не дать заметить брату, что ему неловко, – и вдруг прямо на бастион: я с орудиями, а брат с ротой, и вместе пойдем. Только вдруг французы бросятся на нас. Я – стрелять, стрелять: перебью ужасно много; но они всё-таки бегут прямо на меня. Уж стрелять нельзя, и, конечно, мне нет спасения; только вдруг брат выбежит вперед с саблей, и я схвачу ружье, и мы вместе с солдатами побежим. Французы бросятся на брата. Я подбегу, убью одного француза, другого и спасаю брата. Меня ранят в одну руку, я схвачу ружье в другую и всё-таки бегу; только брата убьют пулей подле меня. Я остановлюсь на минутку, посмотрю на него этак грустно, поднимусь и закричу: «За мной, отмстим! Я любил брата больше всего на свете», я скажу, «и потерял его. Отмстим, уничтожим врагов или все умрем тут!» Все закричат, бросятся за мной. Тут всё войско французское выйдет, – сам Пелиссье. Мы всех перебьем; но наконец меня ранят другой раз, третий раз, и я упаду при смерти. Тогда все прибегут ко мне, Горчаков придет и будет спрашивать, чего я хочу. Я скажу, что ничего не хочу, – только чтобы меня положили

рядом с братом, что я хочу умереть с ним. Меня принесут и положат подле окровавленного трупа брата. Я приподнимусь и скажу только: «Да, вы не умели ценить 2-х человек, которые истинно любили отечество; теперь они оба пали... да простит вам Бог!» и умру».

Кто знает, в какой мере сбудутся эти мечты!

– Что, ты был когда-нибудь в схватке? – спросил он вдруг у брата, совершенно забыв, что не хотел говорить с ним.

– Нет, ни разу, – отвечал старший: – у нас 2000 человек из полка вышло, всё на работах; и я ранен тоже на работе. Война совсем не так делается, как ты думаешь, Володя!

Слово «Володя» тронуло меньшого брата: ему захотелось объясниться с братом, который вовсе и не думал, что оскорбил Володю.

– Ты на меня не сердись, Миша? – сказал он после минутного молчания.

– За что?

– Нет – так. За то, что у нас было. Так, ничего.

– Нисколько, – отвечал старший, поворачиваясь к нему и похлопывая его по ноге.

– Так ты меня извини, Миша, ежели я тебя огорчил.

И меньшой брат отвернулся, чтобы скрыть слезы, которые вдруг выступили у него из глаз.

9.

– Неужели это уж Севастополь? – спросил меньшой брат, когда они поднялись на гору, и перед ними открылись бухта с мачтами кораблей, море с неприятельским далеким флотом, белые приморские батареи, казармы, водопроводы, доки и строения города, и белые, лиловатые облака дыма, беспрестанно поднимавшиеся по желтым горам, окружающим город, и стоявшие в синем небе, при розоватых лучах солнца, уже с блеском отражавшегося и спускавшегося к горизонту темного моря.

Володя без малейшего содрогания увидел это страшное место, про которое он так много думал; напротив, он с эстетическим наслаждением и героическим чувством самодовольства, что вот и он через полчаса будет там, смотрел на это действительно прелестно-оригинальное зрелище, и смотрел с сосредоточенным вниманием до самого того времени, пока они не приехали на Северную, в обоз полка брата, где должны были узнать наверное о месте расположения полка и батареи.

Офицер, заведывавший обозом, жил около так называемого нового городка, – досчатых барачков, построенных матросскими семействами, в палатке, соединенной с довольно большим балаганом, заплетенным из зеленых дубовых веток, не успевших еще совершенно засохнуть.

Братья застали офицера перед складным столом, на котором стоял стакан холодного чаю с папиросной золой и поднос с водкой и крошками сухой икры и хлеба, в одной желтовато-грязной рубашке, считающего на больших счетах огромную кипу ассигнаций. Но прежде, чем говорить о личности офицера и его разговоре, необходимо попристальнее взглянуть на внутренность его балагана и знать хоть немного его образ жизни и занятия. Новый балаган был так велик, прочно заплетен и удобен, с столиками и лавочками, плетеными и из дерна, как только строят для генералов или полковых командиров: бока и верх, чтобы лист не сыпался, были завешаны тремя коврами, хотя весьма уродливыми, но новыми и, верно, дорогими. На железной кровати, стоявшей под главным ковром, с изображенной на нем амазонкой, лежало плюшевое ярко-красное одеяло, грязная прорванная кожаная подушка и енотовая шуба; на столе стояло зеркало в серебряной раме, серебряная ужасно грязная щетка, изломанный, набитый масляными волосами роговой гребень, серебряный подсвечник, бутылка ликера с золотым красным огромным ярлыком, золотые часы с изображением Петра I, два золотые перстня, коробочка с какими-то капсулями, корка хлеба и разбросанные старые карты, и пустые и полные бутылки портера под кроватью. Офицер этот заведывал обозом полка и продовольствием лошадей.

С ним вместе жил его большой приятель комиссионер, занимающийся тоже какими-то операциями. Он в то время, как вошли братья, спал в палатке; обозный же офицер делал счета казенных денег перед концом месяца. Наружность обозного офицера была очень красивая и воинственная: большой рост, большие усы, благородная плотность. Неприятна была в нем только какая-то потность и опухлость всего лица, скрывавшая почти маленькие серые глаза (как будто он весь был налит портером) и чрезвычайная нечистоплотность – от жидких масляных волос до больших босых ног в каких-то горностаевых туфлях.

– Денег-то, денег-то! – сказал Козельцов 1-й, входя в балаган и с невольной жадностью устремляя глаза на кучу ассигнаций: – хоть бы половину займы дали, Василий Михайлыч!

Обозный офицер, как будто пойманный на воровстве, весь покоробился, увидав гостя, и, собирая деньги, не поднимаясь, поклонился.

– Ох, коли бы мои были... Казенные, батюшка! А это кто с вами? – сказал он, упрятав деньги в шкатулку, которая стояла около него, и прямо глядя на Володю.

– Это мой брат, из корпуса приехал. Да вот мы заехали узнать у вас, где полк стоит.

– Садитесь, господа, – сказал он, вставая и не обращая внимания на гостей, уходя в палатку. – Выпить не хотите ли? Портерку, может быть? – сказал он оттуда.

– Не мешает, Василий Михайлыч!

Володя был поражен величием обозного офицера, его небрежною манерой и уважением, с которым обращался к нему брат.

«Должно быть, это очень хороший у них офицер, которого все почитают: верно простой, очень храбрый и гостеприимный», – подумал он, скромно и робко садясь на диван.

– Так где же наш полк стоит? – спросил через палатку старший брат.

– Что?

Он повторил вопрос.

– Нынче у меня Зейфер был: он рассказывал, что перешли вчера на 5-й бастион.

– Наверное?

– Коли я говорю, стало быть, верно; а, впрочем, чорт его знает! Он и соврать не дорого возьмет. Что ж, будете портер пить? – сказал обозный офицер всё из палатки.

– А, пожалуй, выпью, – сказал Козельцов.

– А вы выпьете, Осип Игнатьич? – продолжал голос в палатке, верно обращаясь к спавшему комиссионеру. – Полноте спать: уж осьмой час.

– Что вы пристаёте ко мне! я не сплю, – отвечал ленивый тоненький голосок, приятно картавя на буквах л и р.

– Ну, вставайте: мне без вас скучно.

И обозный офицер вышел к гостям.

– Дай портеру. Симферопольского! – крикнул он.

Денщик с гордым выражением лица, как показалось Володе, вошел в балаган и из-под него, даже толкнув офицера, достал портер.

– Да, батюшка, – сказал обозный офицер, наливая стаканы, – нынче новый полковой командир у нас. Денежки нужны, всем обзаводится.

– Ну этот, я думаю, совсем особенный, новое поколение, – сказал Козельцов, учтиво взяв стакан в руку.

– Да, новое поколение! Такой же скряга будет. Как батальоном командовал, так как кричал; а теперь другое поет. Нельзя, батюшка.

– Это так.

Меньшой брат ничего не понимал, что они говорят, но ему смутно

казалось, что брат говорит не то, что думает, но как будто потому только, что пьет портер этого офицера.

Бутылка портера уже была выпита, и разговор продолжался уже довольно долго в том же роде, когда полы палатки распахнулись, и из нее выступил невысокий свежий мужчина в синем атласном халате с кисточками, в фуражке с красным околышем и кокардой. Он вышел, поправляя свои черные усики, и, глядя куда-то на ковер, едва заметным движением плеча ответил на поклоны офицеров.

– Дай-ка и я выпью стаканчик! – сказал он, садясь подле стола. – Что это, вы из Петербурга едете, молодой человек? – сказал он, ласково обращаясь к Володе.

– Да-с, в Севастополь еду.

– Сами просились?

– Да-с.

– И что вам за охота, господа, я не понимаю! – продолжал комисонер.
– Я бы теперь, кажется, пешком готов был уйти, ежели бы пустили, в Петербург. Опостыла, ей Богу, эта собачья жизнь!

– Чем же тут плохо вам? – сказал старший Козельцов, обращаясь к нему: – еще вам бы не жизнь здесь!

Комисонер посмотрел на него и отвернулся.

– Эта опасность («про какую он говорит опасность, сидя на Северной», подумал Козельцов), лишения, ничего достать нельзя, – продолжал он, обращаясь всё к Володе. – И что вам за охота, я решительно вас не понимаю, господа! Хоть бы выгоды какие-нибудь были, а то так. Ну, хорошо ли это, в ваши лета вдруг останетесь калекой на всю жизнь?

– Кому нужны доходы, а кто из чести служит! – с досадой в голосе опять вмешался Козельцов старший.

– Что за честь, когда нечего есть! – презрительно смеясь, сказал комисонер, обращаясь к обозному офицеру, который тоже засмеялся при этом. – Заведи-ка из «Лучии»: мы послушаем, – сказал он, указывая на коробочку с музыкой: – я люблю ее...

– Что, он хороший человек, этот Василий Михайлыч? – спросил Володя у брата, когда они уже в сумерки вышли из балагана и поехали дальше к Севастополю.

– Ничего, только скупая шельма такая, что ужас! Ведь он малым числом имеет 300 рублей в месяц! а живет как свинья, ведь ты видел. А комисонера этого я видеть не могу, я его побью когда-нибудь. Ведь эта каналья из Турции тысяч 12 вывез... – И Козельцов стал распространяться о лихоимстве, немножко (сказать по правде) с той особенной злобой человека, который осуждает не за то, что лихоимство – зло, а за то, что ему досадно, что есть люди, которые пользуются

им.

10.

Володя не то, чтоб был не в духе, когда уже почти ночью подъезжал к большому мосту чрез бухту, но он ощущал какую-то тяжесть на сердце. Всё, что он видел и слышал, было так мало сообразно с его прошедшими, недавними впечатлениями: паркетная светлая, большая зала экзамена, веселье, добрые голоса и смех товарищей, новый мундир, любимый царь, которого он семь лет привык видеть, и который, прощаясь с ними со слезами, называет их детьми своими, – и так мало всё, что он видел, похоже на его прекрасные, радужные, великодушные мечты.

– Ну, вот мы и приехали! – сказал старший брат, когда они, подъехав к Михайловской батарее, вышли из повозки. – Ежели нас пропустят на мосту, мы сейчас же пойдём в Николаевские казармы. Ты там останься до утра, а я пойду в полк – узнаю, где твоя батарея стоит, и завтра приеду за тобой.

– Зачем же? лучше вместе пойдём, – сказал Володя. – И я пойду с тобой на бастион. Ведь уж всё равно: привыкать надо. Ежели ты пойдешь, и я могу.

– Лучше не ходить.

– Нет, пожалуйста, я, по крайней мере, узнаю, как...

– Мой совет не ходить, а пожалуй...

Небо было чисто и темно; звезды и беспрестанно движущиеся огни бомб и выстрелов уже ярко светились во мраке. Большое белое здание батареи и начало моста выдавались из темноты. Буквально каждую секунду несколько орудийных выстрелов и взрывов, быстро следуя друг за другом или вместе, громче и отчетливее потрясали воздух. Из-за этого гула, как будто вторя ему, слышалось пасмурное ворчание бухты. С моря тянул ветерок, и пахло сыростью. Братья подошли к мосту. Какой-то ополченец стукнул неловко ружьем на руку и крикнул:

– Кто идет?

– Солдат!

– Не велено пущать!

– Да как же! Нам нужно.

– Офицера спросите.

Офицер, дремавший, сидя на якоре, приподнялся и велел пропустить.

– Туда можно, оттуда нельзя. Куда лезешь все разом! – крикнул он на полковые повозки, высоко наложенные турами, которые толпились у въезда.

Спускаясь на первый понтон, братья столкнулись с солдатами, которые, громко разговаривая, шли оттуда.

– Когда он амунишные получил, значит он в расчете сполностью – вот что...

– Эк, братцы! – сказал другой голос, – как на Сиверную перевалишь, свет увидишь, ей-Богу! Совсем воздух другой.

– Говори больше! – сказал первый: – намеднись тут же прилетела окаянная, двум матросам ноги пооборвала, так не говори лучше.

Братья прошли первый понтон, дожидаясь повозки, и остановились на втором, который местами уже заливало водой. Ветер, казавшийся слабым в поле, здесь был весьма силен и порывист; мост качало, и волны, с шумом ударяясь о бревна и разрезаясь на якорях и канатах, заливали доски. Направо туманно-враждебно шумело и чернело море, отделяясь бесконечно-ровной черной линией от звездного, светло-сероватого в слиянии горизонта; и далеко где-то светились огни на неприятельском флоте. Налево чернела темная масса нашего корабля, и слышались удары волн о борта его; виднелся пароход, шумно и быстро двигавшийся от Северной. Огонь разорвавшейся около него бомбы осветил мгновенно высоко наваленные туры на палубе, двух человек, стоящих наверху, и белую пену и брызги зеленоватых волн, разрезаемых пароходом. У края моста сидел, спустив ноги в воду, какой-то матрос в одной рубахе и топором рубил что-то. Впереди, над Севастополем, носились те же огни, и громче и громче долетали страшные звуки. Набежавшая волна с моря разлилась по правой стороне моста и замочила ноги Володе; два солдата, шлепая ногами по воде, прошли мимо него. Что-то вдруг с треском осветило мост впереди, едущую по нем повозку и верхового, и осколки, с свистом поднимая брызги, попадали в воду.

– А, Михаил Семеныч! – сказал верховой, останавливая лошадь против старшего Козельцова, – что, уж совсем поправились?

– Как видите. Куда вас Бог несет?

– На Северную за патронами; ведь я нынче за полкового адъютанта... штурма ждем с часу на час, а по 5 патронов в суме нет. Отличные распоряжения!

– А где же Марцов?

– Вчера ногу оторвало... в городе, в комнате спал... Может, вы его застанете, он на перевязочном пункте.

– Полк на 5-м, правда?

– Да, на место М...цов заступили. Вы зайдите на перевязочный пункт: там наши есть – вас проводят.

– Ну, а квартирка моя на Морской цела?

– И, батюшка! уж давно всю разбили бомбами. Вы не узнаете теперь Севастополя; уж женщин ни души нет, ни тракторов, ни музыки; вчера последнее заведение переехало. Теперь ужасно грустно стало... Прощайте!

И офицер рысью поехал дальше.

Володе вдруг сделалось ужасно страшно: ему всё казалось, что сейчас прилетит ядро или осколок и ударит его прямо в голову. Этот сырой мрак, все звуки эти, особенно ворчливый плеск волн, казалось, всё говорило ему, чтоб он не шел дальше, что не ждет его здесь ничего доброго, что нога его уж никогда больше не ступит на русскую землю по эту сторону бухты, чтобы сейчас же он вернулся и бежал куда-нибудь, как можно дальше от этого страшного места смерти. «Но, может, уж поздно, уж решено теперь», подумал он, содрогаясь частью от этой мысли, частью от того, что вода прошла ему сквозь сапоги и мочила ноги.

Володя глубоко вздохнул и отошел немного в сторону от брата.

– Господи! неужели же меня убьют, именно меня? Господи, помилуй меня! – сказал он шопотом и перекрестился.

– Ну, пойдём, Володя – сказал старший брат, когда повозочка въехала на мост. – Видел бомбу?

На мосту встречались братьям повозки с ранеными, с турами, одна с мебелью, которую везла какая-то женщина. На той же стороне никто не задержал их.

Инстинктивно, придерживаясь стенки Николаевской батареи, братья, молча, прислушиваясь к звукам бомб, лопавшихся уже над головами, и рёву осколков, валившихся сверху, – пришли к тому месту батареи, где образ. Тут узнали они, что 5 легкая, в которую назначен был Володя, стоит на Корабельной, и решили вместе, несмотря на опасность, идти ночевать к старшему брату на 5 бастион, а оттуда завтра в батарею. Повернув в коридор, шагая через ноги спящих солдат, которые лежали вдоль всей стены батареи, они наконец пришли на перевязочный пункт.

11.

Войдя в первую комнату, обставленную койками, на которых лежали раненые, и пропитанную этим тяжелым, отвратительно-ужасным гошпитальным запахом, они встретили двух сестер милосердия,

выходивших им навстречу.

Одна женщина, лет 50, с черными глазами и строгим выражением лица, несла бинты и корпию и отдавала приказания молодому мальчику, фельдшеру, который шел за ней; другая, весьма хорошенькая девушка, лет 20, с бледным и нежным белокурым личиком, как-то особенно мило-беспомощно смотревшим из-под белого чепчика, обкладывавшего ей лицо, шла, руки в карманах передника, потупившись, подле старшей и, казалось, боялась отставать от нее.

Козельцов обратился к ним с вопросом, не знают ли они, где Марцов, которому вчера оторвало ногу.

– Это, кажется, П. полка? – спросила старшая. – Что, он вам родственник?

– Нет-с, товарищ.

– Гм! Проводите их, – сказала она молодой сестре, по-французски, – вот сюда, – а сама подошла с фельдшером к раненому.

– Пойдем же, что ты смотришь! – сказал Козельцов Володе, который, подняв брови, с каким-то страдальческим выражением, не мог оторваться – смотрел на раненых. – Пойдем же.

Володя пошел с братом, но всё продолжая оглядываться и бессознательно повторяя:

– Ах, Боже мой! Ах, Боже мой!

– Верно, они недавно здесь? – спросила сестра у Козельцова, указывая на Володю, который, ахая и вздыхая, шел за ними по коридору.

– Только что приехал.

Хорошенькая сестра посмотрела на Володю и вдруг заплакала.

– Боже мой, Боже мой! когда это всё кончится! – сказала она с отчаянием в голосе.

Они вошли в офицерскую палату. Марцов лежал навзничь, закинув жилистые обнаженные до локтей руки за голову и с выражением на желтом лице человека, который стиснул зубы, чтобы не кричать от боли. Целая нога была в чулке высунута из-под одеяла, и видно было, как он на ней судорожно перебирает пальцами.

– Ну что, как вам? – спросила сестра, своими тоненькими, нежными пальцами, на одном из которых, Володя заметил, было золотое колечко, поднимая его немного плешивую голову и поправляя подушку. – Вот ваши товарищи пришли вас проведать.

– Разумеется, больно, – сердито сказал он. – Оставьте! мне хорошо, – и пальцы в чулке зашевелились еще быстрее. – Здравствуйте! Как вас зовут, извините, – сказал он, обращаясь к Козельцову. – Ах, да,

виноват, тут всё забудешь, – сказал он, когда тот сказал ему свою фамилию. – Ведь мы с тобой вместе жили, – прибавил он, без всякого выражения удовольствия, вопросительно глядя на Володю.

– Это мой брат, нынче приехал из Петербурга.

– Гм! А я–то вот и полный выслужил, – сказал он морщась. – Ах, как больно!.. Да уж лучше бы конец скорее.

Он вздернул ногу и, промывав что–то, закрыл лицо руками.

– Его надо оставить, – сказала шопотом сестра, со слезами на глазах: – уж он очень плох.

Братья еще на Северной решили идти вместе на 5 бастион; но, выходя из Николаевской батареи, они как будто условились не подвергаться напрасно опасности и идти каждому порознь.

– Только как ты найдешь, Володя, – сказал старший, – впрочем, Николаев тебя проводит на Корабельную, а я пойду один и завтра у тебя буду.

Больше ничего не было сказано в это последнее прощанье между двумя братьями.

12.

Гром пушек продолжался с той же силой, но Екатерининская улица, по которой шел Володя, с следовавшим за ним молчаливым Николаевым, была совсем пустынна и тиха. Во мраке виднелась ему только широкая улица с белыми, во многих местах разрушенными стенами больших домов и каменный тротуар, по которому он шел; изредка встречались солдаты и офицеры. Проходя по левой стороне около адмиралтейства, при свете какого–то яркого огня, горевшего за стеной, он увидел посаженные вдоль тротуара акации с зелеными подпорками и жалкие запыленные листья этих акаций. Шаги свои и Николаева, тяжело дышавшего, шедшего за ним, он слышал явственно. Он ничего не думал: хорошенькая сестра, нога Марцова с движущимися в чулке пальцами, мрак, бомбы и различные образы смерти смутно носились в его воображении. Вся его молодая впечатлительная душа сжалась и ныла под влиянием сознания одиночества и всеобщего равнодушия к его участи в то время как он был в опасности. «Убьют, буду мучиться, страдать, и никто не заплачет!» И всё это вместо исполненной энергии и сочувствия героической жизни, о которой он мечтал так славно. Бомбы лопались и свистели ближе и ближе, Николаев вздыхал чаще и не нарушал молчания. Проходя через Малый Корабельный мост, он увидел, как что–то, свистя, влетело недалеко от него в бухту, на секунду багрово осветило лиловые волны, исчезло и потом с брызгами поднялось оттуда.

– Вишь, не задохлась! – сказал Николаев.

– Да, – ответил он, невольно и неожиданно для себя каким-то тоненьким, тоненьким пискливым голоском.

Встречались носилки с ранеными, опять полковые повозки с турами; какой-то полк встретился на Корабельной; верховые проезжали мимо. Один из них был офицер с казаком. Он ехал рысью, но увидав Володю, приостановил лошадь около него, взгляделся ему в лицо, отвернулся и поехал прочь, ударив плетью по лошади. «Один, один! всем всё равно, есть ли я, или нет меня на свете», подумал с ужасом бедный мальчик, и ему без шуток захотелось плакать.

Поднявшись на гору мимо какой-то высокой белой стены, он вошел в улицу разбитых маленьких домиков, беспрестанно освещаемых бомбами. Пьяная, растерзанная женщина, выходя из калитки с матросом, наткнулась на него.

– Потому, коли бы он был блаародный чуаек, – пробормотала она, – пардон, ваш благородие офицер!

Сердце всё больше и больше ныло у бедного мальчика; а на черном горизонте чаще и чаще вспыхивала молния, и бомбы чаще и чаще свистели и лопались около него. Николаев глубоко вздохнул и вдруг начал говорить каким-то, как показалось Володе, гробовым голосом.

– Вот всё торопились из губернии ехать. Ехать да ехать. Есть куда торопиться! Которые умные господа, так чуть мало-мальски ранены, живут себе в ошпитале. Так-то хорошо, что лучше не надо.

– Да что ж, коли брат уж здоров теперь, – отвечал Володя, надеясь хоть разговором разогнать чувство, овладевшее им.

– Здоров! Какое его здоровье, когда он вовсе болен! Которые и настоящие здоровые-то, и те, которые умные есть, живут в ошпитале в этакое время. Что тут-то радости много, что ли? Либо руку оторвет – вот те и всё! Долго ли до греха! Уж на что здесь, в городе, не то, что на баксионе, и то страсть какая. Идешь – молитвы все перечитаешь. Ишь, бестия, так мимо тебя и дзанкнет! – прибавил он, обращая внимание на звук близко прожужжавшего осколка. – Вот теперича, – продолжал Николаев: – велел ваше благородие проводить. Наше дело известно: что приказано, то должен исполнять; а ведь главное повозку так на какого-то солдатишку бросили, и узел развязан. Иди да иди; а что из имения пропадет, Николаев отвечай.

Пройдя еще несколько шагов, они вышли на площадь. Николаев молчал и вздыхал.

– Вон артилерия ваша стоит, ваше благородие! – сказал он вдруг. – У часового спросите: он вам покажет. – И Володя, пройдя несколько шагов, перестал слышать за собой звуки вздохов Николаева.

Он вдруг почувствовал себя совершенно, окончательно одним. Это сознание одиночества в опасности – перед смертью, как ему казалось,

– ужасно тяжелым, холодным камнем легло ему на сердце. Он остановился посередине площади, оглянулся, не видит ли его кто-нибудь, схватился за голову и с ужасом проговорил и подумал: «Господи! неужели я трус, подлый, гадкий, ничтожный трус. Неужели за отечество, за царя, за которого я с наслаждением мечтал умереть так недавно, я не могу умереть честно? Нет! я несчастное, жалкое создание!» И Володя с истинным чувством отчаяния и разочарования в самом себе спросил у часового дом батарейного командира и подошел к нему.

13.

Жилище батарейного командира, которое указал ему часовой, был небольшой 2-х этажный домик со входом с двора. В одном из окон, залепленном бумагой, светился слабый огонек свечки. Денщик сидел на крыльце и курил трубку. Он пошел доложить батарейному командиру и ввел Володю в комнату. В комнате между двух окон, под разбитым зеркалом, стоял стол, заваленный казенными бумагами, несколько стульев и железная кровать с чистой постелью и маленьким ковриком около нее.

Около самой двери стоял красивый мужчина с большими усами – фельдфебель – в тесаче и шинели, на которой висели крест и венгерская медаль. Посередине комнаты взад и вперед ходил невысокий, лет 40, штаб-офицер с подвязанной распухшей щекой, в тонкой старенькой шинели.

– Честь имею явиться, прикомандированный в 5-ю легкую, прапорщик Козельцов 2-й, – проговорил Володя заученную фразу, входя в комнату.

Батарейный командир сухо ответил на поклон и, не подавая руки, пригласил его садиться.

Володя робко опустился на стул подле письменного стола и стал перебирать в пальцах ножницы, попавшиеся ему в руки, а батарейный командир, заложив руки за спину и опустив голову, только изредка поглядывая на руки, вертевшие ножницы, молча продолжал ходить по комнате с видом человека, припоминающего что-то.

Батарейный командир был довольно толстый человечек, с большою плешью на маковке, густыми усами, пущенными прямо и закрывавшими рот, и большими, приятными карими глазами. Руки у него были красивые, чистые и пухлые, ножки очень вывернутые, ступавшие с уверенностью и некоторым щегольством, доказывавшим, что батарейный командир был человек незастенчивый.

– Да, – сказал он, останавливаясь против фельдфебеля, – ящичным надо будет с завтрашнего дня еще по гарнцу прибавить, а то они у нас худы. Как ты думаешь?

– Что ж, прибавить можно, ваше высокоблагородие! Теперь всё подешевле овес стал, – отвечал фельдфебель, шевеля пальцы на руках, которые он держал по швам, но которые очевидно любили жестом помогать разговору. – А еще фуражир наш Францук вчера мне из обоза записку прислал, ваше высокоблагородие, что осей непременно нам нужно будет там купить – говорят, дешево, – так как изволите приказать?

– Что ж, купить: ведь у него деньги есть. – И батарейный командир снова стал ходить, по комнате. – А где ваши вещи? – спросил он вдруг у Володи, останавливаясь против него.

Бедного Володю так одолевала мысль, что он трус, что в каждом взгляде, в каждом слове он находил презрение к себе, как к жалкому трусу. Ему показалось, что батарейный командир уже проник его тайну и подтрунивает над ним. Он, смутившись, отвечал, что вещи на Графской, и что завтра брат обещал их доставить ему.

Но подполковник не дослушал его и, обратясь к фельдфебелю, спросил:

– Где бы нам поместить прапорщика?

– Прапорщика–с? – сказал фельдфебель, еще больше смущая Володю беглым, брошенным на него взглядом, выразившим как будто вопрос: «ну что это за прапорщик, и стоит ли его помещать куда–нибудь?» – Да вот–с внизу, ваше высокоблагородие, у штабс–капитана могут поместиться их благородие, – продолжал он, подумав немного: – теперь штабс–капитан на баксионе, так ихняя койка пустая остается.

– Так вот, не угодно ли–с покамест? – сказал батарейный командир. – Вы, я думаю, устали, а завтра лучше устроим.

Володя встал и поклонился.

– Не угодно ли чаю? – сказал батарейный командир, когда Володя уж подходил к двери. – Можно самовар поставить.

Володя поклонился и вышел. Полковничий денщик провел его вниз и ввел в голую, грязную комнату, в которой валялся разный хлам и стояла железная кровать без белья и одеяла. На кровати, накрывшись толстой шинелью, спал какой–то человек в розовой рубашке.

Володя принял его было за солдата.

– Петр Николаич! – сказал денщик, толкая за плечо спящего. – Тут прапорщик лягут... Это наш юнкер, – прибавил он, обращаясь к прапорщику.

– Ах, не беспокойтесь пожалуйста! – сказал Володя; но юнкер, высокий, плотный, молодой мужчина, с красивой, но весьма глупой физиономией, встал с кровати, накинул шинель и, видимо не проснувшись еще хорошенько, вышел из комнаты.

– Ничего, я на дворе лягу, – пробормотал он.

14.

Оставшись наедине с своими мыслями, первым чувством Володи было отвращение к тому беспорядочному безотрадному состоянию, в котором находилась душа его. Ему захотелось заснуть и забыть всё окружающее, а, главное, самого себя. Он потушил свечку, лег на постель и, сняв с себя шинель, закрылся с головой, чтобы избавиться от страха темноты, которому он еще с детства был подвержен. Но вдруг ему пришла мысль, что прилетит бомба, пробьет крышу и убьет его. Он стал вслушиваться; над самой его головой слышались шаги батарейного командира.

«Впрочем, ежели и прилетит, – подумал он, – то прежде убьет наверху, а потом меня; по крайней мере, не меня одного». Эта мысль успокоила его немного; он стал было засыпать. «Ну что ежели вдруг ночью возьмут Севастополь, и французы ворвутся сюда? Чем я буду защищаться?» Он опять встал и походил по комнате. Страх действительной опасности подавил таинственный страх мрака. Кроме седла и самовара в комнате ничего твердого не было. «Я подлец, я трус, мерзкий трус!» – вдруг подумал он и снова перешел к тяжелому чувству презрения, отвращения даже к самому себе. Он снова лег и старался не думать. Тогда впечатления дня невольно возникали в воображении при непрерывно звучащих заставлявших дрожать стекла в единственном окне звуках бомбардирования и снова напоминали об опасности: то ему грезились раненые и кровь, то бомбы и осколки, которые влетают в комнату, то хорошенькая сестра милосердия, делающая ему, умирающему, перевязку и плачущая над ним, то мать его, провожающая его в уездном городе и горячо со слезами молящаяся перед чудотворной иконой, и снова сон кажется ему невозможным. Но вдруг мысль о Боге всемогущем, добром, который всё может сделать и услышит всякую молитву, ясно пришла ему в голову. Он стал на колени, перекрестился и сложил руки так, как его в детстве еще учили молиться. Этот жест вдруг перенес его к давно забытому отрадному чувству.

«Ежели нужно умереть, нужно, чтоб меня не было, сделай это, Господи, – думал он, – поскорее сделай это; но ежели нужна храбрость, нужна твердость, которых у меня нет, дай мне их, но избави от стыда и позора, которых я не могу переносить, но научи, что мне делать, чтобы исполнить Твою волю».

Детская, запуганная, ограниченная душа вдруг возмужала, просветлела и увидела новые обширные, светлые горизонты. Много еще передумал и переживал он в то короткое время, пока продолжалось это чувство, но заснул скоро покойно и беспечно, под звуки продолжавшегося треска, гула бомбардирования и дрожания стекол.

Господи Великий! только Ты один слышал и знаешь те простые, но

жаркие и отчаянные мольбы неведения, смутного раскаяния и страдания, которые восходили к Тебе из этого страшного места смерти, от генерала, за секунду перед этим думавшего о завтраке и Георгии на шею, но с страхом чующего близость Твою, до измученного, голодного, вшивого солдата, повалившегося на голом полу Николаевской батареи и просящего Тебя скорее дать ему Там бессознательно предчувствуемую им награду за все незаслуженные страдания! Да, Ты не уставал слушать мольбы детей Твоих, ниспосылаешь им везде ангела-утешителя, влагавшего в душу терпение, чувство долга и отраду надежды.

15.

Старший Козельцов, встретив на улице солдата своего полка, с ним вместе направился прямо к 5-му бастиону.

– Под стенкой держитесь, ваше благородие! – сказал солдат.

– А что?

– Опасно, ваше благородие; вон она аж через несеть, – сказал солдат, прислушиваясь к звуку просвистевшего ядра, ударившегося о сухую дорогу по той стороне улицы.

Козельцов, не слушая солдата, бодро пошел по середине улицы.

Всё те же были улицы, те же, даже более частые, огни, звуки, стоны, встречи с ранеными и те же батареи, бруствера и траншеи, какие были весной, когда он был в Севастополе; но всё это почему-то было теперь грустнее и вместе энергичнее, – пробоин в домах больше, огней в окнах уже совсем нету, исключая Кущина дома (госпиталя), женщины ни одной не встречается, – на всем лежит теперь не прежний характер привычки и беспечности, а какая-то печать тяжелого ожидания, усталости и напряженности.

Но вот уже последняя траншея, вот и голос солдатика П. полка, узнавшего своего прежнего ротного командира, вот и 3-й батальон стоит в темноте, прижавшись у стенки, мгновенно освещаемый выстрелами и слышный сдержанным говором и побрякиванием ружей.

– Где командир полка? – спросил Козельцов.

– В блиндаже у флотских, ваше благородие! – отвечал услужливый солдатик. – Пожалуйте, я вас провожу.

Из траншеи в траншею солдат привел Козельцова к канавке в траншее. В канавке сидел матрос, покуривая трубочку; за ним виднелась дверь, в щели которой просвечивал огонь.

– Можно войти?

– Сейчас доложу, – и матрос вошел в дверь.

Два голоса говорили за дверью.

– Ежели Пруссия будет продолжать держать нейтралитет, – говорил один голос, – то Австрия тоже...

– Да что Австрия, – говорил другой, – когда славянские земли... Ну, проси.

Козельцов никогда не был прежде в этом блиндаже. Он поразил его своей щеголеватостью. Пол был паркетный, ширмочки закрывали дверь. Две кровати стояли по стенам, в углу висела большая в золотой ризе икона Божьей Матери, и перед ней горела розовая лампадка. На одной из кроватей спал моряк, совершенно одетый, на другой, перед столом, на котором стояло две бутылки начатого вина, сидели разговаривавшие – новый полковой командир и адъютант. Хотя Козельцов далеко был не трус и решительно ни в чем не был виноват ни перед правительством, ни перед полковым командиром, он робел, и поджилки у него затряслись при виде полковника, бывшего недавнего своего товарища: так гордо встал этот полковник и выслушал его. Притом и адъютант, сидевший тут же, смущал своей позой и взглядом, говорившими: «я только приятель вашего полкового командира. Вы не ко мне являетесь, и я от вас никакой почтительности не могу и не хочу требовать». «Странно, – думал Козельцов, глядя на своего командира, – только 7 недель, как он принял полк, а как уж во всем его окружающем в его одежде, осанке, взгляде видна власть полкового командира, эта власть, основанная не столько на летах, на старшинстве службы, на военном достоинстве, сколько на богатстве полкового командира. Давно ли, – думал он, – этот самый Батрищев кучивал с нами, носил по неделям ситцевую немаркую рубашку и едал, никого не приглашая к себе, вечные битки и вареники? А теперь! голландская рубашка уж торчит из-под драпового с широкими рукавами сюртука, 10-ти рублевая сигара в руке, на столе 6-рублевый лафит, – всё это закупленное по невероятным ценам через кварталмейстера в Симферополе; – и в глазах это выражение холодной гордости аристократа богатства, которое говорит вам: хотя я тебе и товарищ, потому что я полковой командир новой школы, но не забывай, что у тебя 60 рублей в треть жалованья, а у меня десятки тысяч проходят через руки, и поверь, что я знаю, как ты готов бы полжизни отдать за то только, чтобы быть на моем месте.

– Вы долгонько лечились, – сказал полковник Козельцову, холодно глядя на него.

– Болен был, полковник, еще и теперь рана хорошенько не закрылась.

– Так вы напрасно приехали, – с недоверчивым взглядом на плотную фигуру офицера сказал полковник. – Вы можете однако исполнять службу?

– Как же-с, могу-с.

– Ну и очень рад-с. Так вы примите от прапорщика Зайцова 9-ю роту –

вашу прежнюю: сейчас же вы получите приказ.

– Слушаю–с.

– Потрудитесь, когда вы пойдете, послать ко мне полкового адъютанта, – заключил полковой командир, легким поклоном давая чувствовать, что аудиенция кончена.

Выйдя из блиндажа, Козельцов несколько раз промычал что–то и подернул плечами, как будто ему было от чего–то больно, неловко или досадно, и досадно не на полкового командира (не за что), а сам собой и всем окружающим он был как будто недоволен. Дисциплина и условие ее – субординация только приятно, как всякие обзаконенные отношения, – когда она основана, кроме взаимного сознания в необходимости ее, на признанном со стороны низшего превосходства в опытности, военном достоинстве или даже просто в моральном совершенстве; но зато, как скоро дисциплина основана, как у нас часто случается, на случайности или денежном принципе, – она всегда переходит с одной стороны в важничество, с другой – в скрытую зависть и досаду и, вместо полезного влияния соединения масс в одно целое, производит совершенно противоположное действие. Человек, не чувствуящий в себе силы внутренним достоинством внушить уважение, инстинктивно боится сближения с подчиненными и старается внешними выражениями важности отдалить от себя критику. Подчиненные, видя одну эту внешнюю, оскорбительную для себя сторону, уже за ней, большею частью несправедливо, не предполагают ничего хорошего.

16.

Козельцов, прежде чем идти к своим офицерам, пошел поздороваться с своею ротой и посмотреть, где она стоит. Бруствера из туров, фигуры траншей, пушки, мимо которых он проходил, даже осколки и бомбы, на которые он спотыкался по дороге, – всё это, беспрестанно освещаемое огнями выстрелов, было ему хорошо знакомо. Всё это живо врезалось у него в памяти 3 месяца тому назад, в продолжение двух недель, которые он безвыходно провел на этом самом бастионе. Хотя много было ужасного в этом воспоминании, какая–то прелесть прошедшего примешивалась к нему, и он с удовольствием, как будто приятны были проведенные здесь две недели, узнавал знакомые места и предметы. Рота была расположена по оборонительной стенке к 6–му бастиону.

Козельцов вошел в длинный, совершенно открытый со стороны входа блиндаж, в котором, ему сказали, стоит 9–я рота. Буквально ноги некуда было поставить во всем блиндаже: так он от самого входа наполнен был солдатами. В одной стороне его светилась сальная кривая свечка, которую лежа держал солдатик. Другой солдатик по складам читал какую–то книгу, держа ее около самой свечки. В смрадном полусвете блиндажа видны были поднятые головы, жадно слушающие чтеца. Книжка была азбука, и, входя в блиндаж, Козельцов услышал

следующее:

«Страх... смер-ти врожден-ное чувство чело-веку.

– Снимите со свечи-то, – сказал голос. – Книжка славная.

«Бог... мой...», продолжал чтец.

Когда Козельцов спросил фельдфебеля, чтец замолк, солдаты зашевелились, закашляли, засморкались, как всегда после сдержанного молчания; фельдфебель, застегиваясь, поднялся около группы чтеца и, шагая через ноги и по ногам тех, которым некуда было убраться, вышел к офицеру.

– Здравствуй, брат! Что, это вся наша рота?

– Здравия желаем! с приездом, ваше благородие! – отвечал фельдфебель, весело и дружелюбно глядя на Козельцова. – Как здоровьем поправились, ваше благородие? Ну и слава Богу. А то мы без вас соскучились.

Видно сейчас было, что Козельцова любили в роте.

В глубине блиндажа послышались голоса : «старый ротный приехал, что раненый был, Козельцов, Михаил Семеныч», и т. п.; некоторые даже подошлись к нему, барабанщик поздоровался.

– Здравствуй, Обанчук! – сказал Козельцов: – Цел? – Здорово, ребята! – сказал он потом, возвышая голос.

– Здравия желаем! – загудело в блиндаже.

– Как поживаете, ребята?

– Плохо, ваше благородие: одолевает француз, – так дурно бьет из-за шанцов, да и шабаш, а в поле не выходит.

– Авось, на мое счастье, Бог даст и выйдет в поле, ребята! – сказал Козельцов. – Уж мне с вами не в первый раз: опять поколотим.

– Ради стараться, ваше благородие! – сказало несколько голосов.

– Что же, они точно смелые, их благородие ужасно какие смелые! – сказал барабанщик не громко, но так, что слышно было, обращаясь к другому солдату, как будто оправдываясь перед ним в словах ротного командира и убеждая его, что в них ничего нет хвастливого и неправдоподобного.

От солдатиков Козельцов перешел в оборонительную казарму к товарищам-офицерам.

17.

В большой комнате казармы было пропасть народа: морские, артиллерийские и пехотные офицеры. Одни спали, другие разговаривали, сидя на каком-то ящике и лафете крепостной пушки; третьи, составляя самую большую и шумную группу за сводом, сидели на полу, на двух разостланных бурках, пили портер и играли в карты.

– А! Козельцов, Козельцов! хорошо, что приехал, молодец!... Что рана? – послышалось с разных сторон. И здесь видно было, что его любят и рады его приезду.

Пожав руки с знакомыми, Козельцов присоединился к шумной группе офицеров, игравших в карты, между которыми было больше всего его товарищей. Красивый худощавый брюнет, с длинным, сухим носом и большими усами, продолжавшимися от щек, метал банк белыми красивыми пальцами, на одном из которых был большой золотой перстень с гербом. Он метал скоро и неаккуратно, видимо чем-то взволнованный и только желая казаться небрежным. Подле него, по правую руку, лежал, облокотившись, седой майор, уже значительно выпивший, и с аффектацией хладнокровия понтировал по полтиннику и тотчас же расплачивался. По левую руку на корточках сидел красный, с потным лицом офицерик, принужденно улыбался и шутил, когда били его карты, он шевелил беспрестанно одной рукой в пустом кармане шаровар и играл большой маркой, но очевидно уже не на чистые, что именно и коробило красивого брюнета. По комнате, держа в руках большую кипу ассигнаций, ходил плешивый, с огромным злым ртом, худой и бледный безусый офицер и всё ставил ва-банк наличные деньги и выигрывал.

Козельцов выпил водки и подсел к играющим.

– Понтирните-ка, Михаил Семеныч! – сказал ему банкомет: – денег пропасть, я чай, привезли.

– Откуда у меня деньгам быть! Напротив, последние в городе спустил.

– Как же! Вздудли уж верно кого-нибудь в Симферополе.

– Право, мало, – сказал Козельцов, но, видимо не желая, чтоб ему верили, расстегнулся и взял в руки старые карты.

– Попытаться нешто: чем чорт не шутит! и комар бывает, что, знаете, какие штуки делает. Выпить только надо для храбрости.

И в непродолжительном времени, выпив еще 3 рюмки водки и несколько стаканов портера, он был уже совершенно в духе всего общества, т. е. в тумане и забвении действительности и проигрывал последние 3 рубля.

На маленьком вспотевшем офицере было написано 150 рублей.

– Нет, не везет, – сказал он, небрежно приготавливая новую карту.

– Потрудитесь прислать, – сказал ему банкомет, на минуту останавливаясь метать и взглядывая на него.

– Позвольте завтра прислать, – отвечал потный офицер, вставая и усиленно перебирая рукой в пустом кармане.

– Гм! – промычал банкомет и, злостно бросая направо, налево, дometал талию. – Однако этак нельзя, – сказал он, положив карты: – я бастую. Этак нельзя, Захар Иваныч, – прибавил он: – мы играли на чистые, а не на мелок.

– Что ж, разве вы во мне сомневаетесь? Странно, право!

– С кого прикажете получить? – пробормотал майор, сильно опьяневший к этому времени и выигравший что-то рублей 8. – Я прислал уже больше 20 рублей, а выиграл – ничего не получаю.

– Откуда же и я заплачу, – сказал банкомет, – когда на столе денег нет?

– Я знать не хочу! – закричал майор, поднимаясь: – я играю с вами, с честными людьми, а не с ними.

Потный офицер вдруг разгорячился.

– Я говорю, что заплачу завтра: как же вы смеете мне говорить дерзости?

– Я говорю, что хочу! Так честные люди не делают, – вот что! – кричал майор.

– Полноте, Федор Федорыч! – заговорили все, удерживая майора, – оставьте!

Но майор, казалось, только и ждал того, чтобы его просили успокоиться, для того чтобы рассвирепеть окончательно. Он вдруг вскочил и шатаясь направился к потному офицеру.

– Я дерзости говорю? Кто постарше вас, 20 лет своему царю служит, – дерзости? Ах ты мальчишка! – вдруг запищал он, всё более и более воодушевляясь звуками своего голоса: – подлец!

Но опустим скорее завесу над этой глубоко-грустной сценой. Завтра, нынче же, может быть, каждый из этих людей весело и гордо пойдет навстречу смерти и умрет твердо и спокойно; но одна отрада жизни в тех ужасающих самое холодное воображение условиях отсутствия всего человеческого и безнадёжности выхода из них, одна отрада есть забвение, уничтожение сознания. На дне души каждого лежит та благородная искра, которая сделает из него героя; но искра эта устает гореть ярко – придет роковая минута, она вспыхнет пламенем и осветит великие дела.

На другой день бомбардирование продолжалось с той же силой. Часов в 11–ть утра Володя Козельцов сидел в кружке батарейных офицеров и, уже успев немного привыкнуть к ним, всматривался в новые лица, наблюдал, расспрашивал и рассказывал. Скромная, несколько притязательная на ученость беседа артиллерийских офицеров внушала ему уважение и нравилась. Стыдливая же, невинная и красивая наружность Володи располагала к нему офицеров. – Старший офицер в батарее, капитан, невысокий рыжеватый мужчина, с хохолком и гладенькими височками, воспитанный по старым преданиям артиллерии, дамский кавалер и будто бы ученый, расспрашивал Володю о знаниях его в артиллерии, новых изобретениях, ласково подтрунивал над его молодостью и хорошеньким личиком и вообще обращался с ним, как отец с сыном, что очень приятно было Володе. Подпоручик Дяденко, молодой офицер, говоривший на о и хохлацким выговором, в оборванной шинели и с взъерошенными волосами, хотя и говорил весьма громко и беспрестанно ловил случаи о чем–нибудь желчно поспорить и имел резкие движения, всё–таки нравился Володе, который под эту грубую внешностью не мог не видеть в нем очень хорошего и чрезвычайно доброго человека. Дяденко предлагал беспрестанно Володе свои услуги и доказывал ему, что все орудия в Севастополе поставлены не по правилам. Только поручик Черновицкий, с высоко поднятыми бровями, хотя и был учтивее всех и одет в сюртук довольно чистый, хотя и не новый, но тщательно заплатаанный, и выказывал золотую цепочку на атласном жилете, не нравился Володе. Он всё расспрашивал его, что делает государь и военный министр, и рассказывал ему с ненатуральным восторгом подвиги храбрости, свершенные в Севастополе, жалел о том, как мало встречаешь патриотизма, и какие делаются неблагоприятные распоряжения и т. д., вообще выказывал много знания, ума и благородных чувств; но почему–то всё это казалось Володе заученным и неестественным. Главное, он замечал, что прочие офицеры почти не говорили с Черновицким. Юнкер Вланг, которого он разбудил вчера, тоже был тут. Он ничего не говорил, но, скромно сидя в уголку, смеялся, когда было что–нибудь смешное, вспоминал, когда забывали что–нибудь, приказывал подать водку и делал папироски для всех офицеров. Скромные ли, учтивые манеры Володи, который обращался с ним так же, как с офицером, и не помыкал им, как мальчишкой, или приятная наружность пленили Влангу, как называли его солдаты, склоняя почему–то в женском роде его фамилию, только он не спускал своих добрых больших глупых глаз с лица нового офицера, предугадывал и предупреждал все его желания и всё время находился в каком–то любовном экстазе, который, разумеется, заметили и подняли на смех офицеры.

Перед обедом сменился штабс–капитан с бастиона и присоединился к их обществу. Штабс–капитан Краут был белокурый, красивый, бойкий офицер, с большими рыжими усами и бакенбардами; он говорил по–русски отлично, но слишком правильно и красиво для русского. В службе и в жизни он был так же, как в языке: он служил прекрасно, был отличный товарищ, самый верный человек по денежным отношениям; но просто, как

человек, именно оттого, что всё это было слишком хорошо, чего-то в [нем] не доставало. Как все русские немцы, по странной противоположности с идеальными немецкими немцами, он был практичен в высшей степени.

– Вот он, наш герой, является! – сказал капитан в то время, как Краут, размахивая руками и побрякивая шпорами, весело входил в комнату. – Чего хотите, Фридрих Крестьяныч: чаю или водки?

– Я уж приказал себе чайку поставить, – отвечал он, – а водочки покаместа хватить можно для услаждения души. Очень приятно познакомиться; прошу нас любить и жаловать, – сказал он Володе, который, встав, поклонился ему: – штабс-капитан Краут. Мне на бастионе фейерверкер сказывал, что вы прибыли еще вчера.

– Очень вам благодарен за вашу постель: я ночевал на ней.

– Покойно ли вам только было? там одна ножка сломана; да всё некому починить – в осадном-то положении, – ее подкладывать надо.

– Ну, что, счастливо отдежурили? – спросил Дяденко.

– Да ничего, только Скворцову досталось, да лафет один вчера починили. Вдребезги разбили станину.

Он встал с места и начал ходить, видно было, что он весь находился под влиянием приятного чувства человека, вышедшего из опасности.

– Что, Дмитрий Гаврилыч, – сказал он, потрясая капитана за колени, – как поживаете, батюшка. Что ваше представленье молчит еще?

– Ничего еще нет.

– Да и не будет ничего, – заговорил Дяденко, – я вам доказывал это прежде.

– Отчего же не будет?

– Оттого, что не так написали реляцию.

– Ах вы, спорщик, спорщик, – сказал Краут, весело улыбаясь:– настоящий хохол неуступчивый. Ну, вот вам на зло же, выйдет вам поручика.

– Нет, не выйдет.

– Вланг, принесите-ка мне мою трубочку да набейте, – обратился он к юнкеру, который тотчас же охотно побежал за трубкой.

Краут всех оживил, рассказывал про бомбардированье, расспрашивал, что без него делалось, заговаривал со всеми.

19.

– Ну, как? вы уж устроились у нас? – спросил Краут у Володи. – Извините, как ваше имя и отчество? У нас, вы знаете, уж такой обычай в артиллерии. Лошадку верховую приобрели?

– Нет, – сказал Володя: – я не знаю, как быть. Я капитану говорил: у меня лошади нет, да и денег тоже нет, покуда я не получу фуражных и подъемных. Я хочу просить покаместа лошади у батареиного командира, да боюсь, как бы он не отказал мне.

– Аполлон Сергеич–то! – он произвел губами звук, выражающий сильное сомнение, и посмотрел на капитана: – вряд!

– Что ж, откажет, не беда, – сказал капитан: – тут–то лошади, по правде, и не нужно, а всё попытать можно, я спрошу нынче.

– Как! вы его не знаете, – вмешался Дяденко: – другое что откажет, а им ни за что... Хотите пари?..

– Ну, да ведь уж известно, вы всегда противоречите.

– Оттого противоречу, что я знаю; он на другое скуп, а лошадь даст, потому что ему нет расчета.

– Как нет расчета, когда ему здесь по 8 рублей овес обходится!– сказал Краут: – расчет–то есть не держать лишней лошади!

– Вы просите себе Скворца, Владимир Семеныч! – сказал Вланг, вернувшийся с трубкой Краута: – отличная лошадка.

– С которой вы в Сороках в канаву упали? А? Вланга? – засмеялся штабс–капитан.

– Нет, да что же вы говорите, по 8 рублей овес, – продолжал спорить Дяденко, – когда у него справка по 10 с полтиной; разумеется, не расчет.

– А еще бы у него ничего не оставалось! Небось вы будете батареиным командиром, так в город не дадите лошади съездить!

– Когда я буду батареиным командиром, у меня будут, батюшка, лошади по 4 гарника кушать, доходов не буду собирать, не бойтесь.

– Поживем, посмотрим, – сказал штабс–капитан: – и вы будете брать доход, и они, как будут батареей командовать, тоже будут остатки в карман класть, – прибавил он, указывая на Володю.

– Отчего же вы думаете, Фридрих Крестьянович, что и они захотят пользоваться? – вмешался Черновицкий. – Может, у них состояние есть: так зачем же они станут пользоваться?

– Нет-с, уж я... извините меня, капитан, – покраснев до ушей, сказал Володя, – уж я это считаю неблагородно.

– Эге-ге! Какой он бедовый! – сказал Краут: – дослужитесь до капитана, не то будете говорить.

– Да это всё равно: я только думаю, что ежели не мои деньги, то я и не могу их брать.

– А я вам вот что скажу, молодой человек, – начал более серьезным тоном штабс-капитан. Вы знаете ли, что когда вы командуете батареей, то у вас, ежели хорошо ведете дела, непременно остается в мирное время 500 рублей, в военное – тысяч 7, 8, и от одних лошадей. Ну и ладно. В солдатское продовольствие батарейный командир не вмешивается: уж это так искони ведется в артиллерии; ежели вы дурной хозяин, у вас ничего не останется. Теперь: вы должны издерживать, против положения, на ковку – раз (он загнул один палец), на аптеку – два (он загнул другой палец), на канцелярию – три, на подручных лошадей по 500 целковых платят, батюшка, а ремонтная цена 50, и требуют, – это четыре. Вы должны против положения воротники переменить солдатам, на уголь у вас лишнее выйдет, стол вы держите для офицеров. Ежели вы батарейный командир, вы должны жить прилично: вам и коляску нужно, и шубу, и всякую штуку, и другое, и третье, и десятое... да что и говорить...

– А главное, – подхватил капитан, молчавший всё время, – вот что, Владимир Семеныч: – вы представьте себе, что человек, как я, например, служит 20-ть лет на 200 рублях жалованья в нужде постоянной: так не дать ему хоть за его службу кусок хлеба под старость нажать, когда комиссьонеры в неделю десятки тысяч наживают!

– Э! да что тут! – снова заговорил штабс-капитан: – вы не торопитесь судить, а поживите-ка, да послужите.

Володе ужасно стало совестно и стыдно за то, что он так необдуманно сказал, и он пробормотал что-то и молча продолжал слушать, как Дяденко с величайшим азартом принялся спорить и доказывать противное.

Спор был прерван приходом денщика полковника, который звал кушать.

– А вы нынче скажите Аполлон Сергеичу, чтоб он вина поставил, – сказал Черновицкий, застегиваясь, капитану. – И что он скупится? Убьют, так никому не достанется!

– Да вы сами скажите, – отвечал капитан.

– Нет уж, вы старший офицер: надо порядок во всем.

Стол был отодвинут от стены и грязной скатертью накрыт в той самой комнате, в которой вчера Володя являлся полковнику. Батарейный командир нынче подал ему руку и расспрашивал про Петербург и про дорогу.

– Ну–с, господа, кто водку пьет, милости просим. Прапорщики не пьют, – прибавил он улыбаясь Володе.

Вообще батарейный командир казался нынче вовсе не таким суровым, как вчера; напротив, он имел вид доброго, гостеприимного хозяина и старшего товарища. Но несмотря на то все офицеры, от старого капитана до спорщика Дяденки, по одному тому, как они говорили, учтиво глядя в глаза командиру, и как робко подходили друг за другом пить водку, придерживаясь стенки, показывали к нему большое уважение.

Обед состоял из большой миски щей, в которых плавали жирные куски говядины и огромное количество перцу и лаврового листа, польских зразов с горчицей и колдунов с не совсем свежим маслом. Салфеток не было, ложки были жестяные и деревянные, стаканов было два, и на столе стоял только серый графин воды с отбитым горлышком; но обед был не скучен: разговор не умолкал. Сначала речь шла о Инкерманском сражении, в котором участвовала батарея, и из которого каждый рассказывал свои впечатления и соображения о причинах неудачи и умолкал, когда начинал говорить сам батарейный командир; потом разговор естественно перешел к недостаточности калибра легких орудий, к новым облегченным пушкам, причем Володя успел показать свои знания в артиллерии. Но на настоящем ужасном положении Севастополя разговор не останавливался, как будто каждый слишком много думал об этом предмете, чтоб еще говорить о нем. Тоже об обязанностях службы, которые должен был нести Володя, к его удивлению и огорчению, совсем не было речи, как будто он приехал в Севастополь только затем, чтобы рассказывать об облегченных орудиях и обедать у батарейного командира. Во время обеда недалеко от дома, в котором они сидели, упала бомба. Пол и стены задрожали, как от землетрясения, и окна застлало пороховым дымом.

– Вы этого, я думаю, в Петербурге не видали; а здесь часто бывают такие сюрпризы, – сказал батарейный командир. – Посмотрите, Вланг, где это лопнула.

Вланг посмотрел и донес, что на площади, и о бомбе больше речи не было.

Перед самым концом обеда старичок, батарейный писарь, вошел в комнату с 3–мя запечатанными конвертами и подал их батарейному командиру. «Вот этот весьма нужный, сейчас казак привез от начальника артиллерии». Все офицеры невольно с нетерпеливым ожиданием смотрели на опытные в этом деле пальцы батарейного командира, сламывавшие печать конверта и достававшие оттуда весьма нужную бумагу. «Что это могло быть?» делал себе вопрос каждый. Могло

быть совсем выступление на отдых из Севастополя, могло быть назначение всей батареи на бастионы.

– Опять! – сказал батарейный командир, сердито швырнув на стол бумагу.

– Об чем, Аполлон Сергеич? – спросил старший офицер.

– Требуют офицера с прислугой на какую-то там мортирную батарею. У меня и так всего 4 человека офицеров и прислуги полной в строй не выходит, – ворчал батарейный командир, – а тут требуют еще. – Однако, надо кому-нибудь итти, господа, – сказал он, помолчав немного: – приказано в 7 часов быть на Рогатке... Послать фельдфебеля! Кому же итти, господа, решайте, – повторил он.

– Да вот они еще нигде не были, – сказал Черновицкий, указывая на Володю.

Батарейный командир ничего не ответил.

– Да, я бы желал, – сказал Володя, чувствуя, как холодный пот выступал у него по спине и шее.

– Нет, зачем! – перебил капитан. – Разумеется, никто не откажется, но и напрашиваться не след; а коли Аполлон Сергеич предоставляет это нам, то кинуть жребий, как и тот раз делали.

Все согласились. Краут нарезал бумажки, скатал их и насыпал в фуражку. Капитан шутил и даже решился при этом случае попросить вина у полковника, для храбрости, как он сказал. Дяденко сидел мрачный, Володя улыбался чему-то, Черновицкий уверял, что непременно ему достанется, Краут был совершенно спокоен.

Володе первому дали выбирать. Он взял один билетик, который был подлиннее, но тут же ему пришло в голову переменить, – взял другой поменьше и потолще и, развернув, прочел на нем: «итти».

– Мне, – сказал он, вздохнув.

– Ну, и с Богом. Вот вы и обстреляетесь сразу, – сказал батарейный командир, с доброю улыбкой глядя на смущенное лицо прапорщика: – только поскорей собирайтесь. А чтобы вам веселей было, Вланг пойдет с вами за орудийного фейерверкера.

21.

Вланг был чрезвычайно доволен своим назначением, живо побежал собираться, и одетый пришел помогать Володе и всё уговаривал его взять с собой и койку, и шубу, и старые «Отечественные Записки», и

кофейник спиртовой, и другие ненужные вещи. Капитан посоветовал Володе прочесть сначала по «Руководству»[42] о стрельбе из мортир и выписать тотчас же оттуда таблицу углов возвышения. Володя тотчас же принялся за дело, и к удивлению и радости своей, заметил, что хотя чувство страха опасности и еще более того, что он будет трусом, беспокоили его еще немного, но далеко не в той степени, в какой это было накануне. Отчасти причиной тому было влияние дня и деятельности, отчасти и главное то, что страх, как и каждое сильное чувство, не может в одной степени продолжаться долго. Одним словом он уже успел перебоиться. Часов в 7, только что солнце начинало прятаться за Николаевской казармой, фельдфебель вошел к нему и объявил, что люди готовы и ждут.

– Я Вланге список отдал. Вы у него извольте спросить, ваше благородие! – сказал он.

Человек 20 артиллерийских солдат в тесаках без принадлежности стояли за углом дома. Володя вместе с юнкером подошел к ним. «Сказать ли им маленькую речь, или просто сказать: здорово, ребята! или ничего не сказать? – подумал он. – Да и отчего ж не сказать: здорово ребята! это должно даже». И он смело крикнул своим звучным голосом: «здорово, ребята!» Солдаты весело отозвались: молодой, свежий голосок приятно прозвучал в ушах каждого. Володя бодро шел впереди солдат, и хотя сердце у него стучало так, как будто он пробежал во весь дух несколько верст, походка была легкая, и лицо веселое. Подходя уже к самому Малахову кургану, поднимаясь на гору, он заметил, что Вланг, ни на шаг не отстававший от него и дома казавшийся таким храбрым, беспрестанно сторонился и нагибал голову, как будто все бомбы и ядра, уже очень часто свистевшие тут, летели прямо на него. Некоторые из солдатиков делали то же, и вообще на большей части их лиц выражалось, ежели не боязнь, то беспокойство. Эти обстоятельства окончательно успокоили и ободрили Володю.

«Так вот я и на Малаховом кургане, который я воображал совершенно напрасно таким страшным! И я могу идти, не кланяясь ядрам, и трушу даже гораздо меньше других! Так я не трус?» подумал он с наслаждением и даже некоторым восторгом самодовольства.

Однако это чувство бесстрашия и самодовольства было скоро поколеблено зрелищем, на которое он наткнулся в сумерках на Корниловской батарее, отыскивая начальника бастиона. Четыре человека матросов около бруствера за ноги и за руки держали окровавленный труп какого-то человека без сапог и шинели и раскачивали его, желая перекинуть через бруствер. (На второй день бомбардирования не успевали убирать тела на бастионах и выкидывали их в ров, чтобы они не мешали на батареях). Володя с минуту остолбенел, увидав, как труп ударился на вершину бруствера и потом медленно скатился оттуда в канаву; но на его счастье тут же начальник бастиона встретился ему, отдал приказания и дал проводника на батарею и в блиндаж, назначенный для прислуги. Не буду рассказывать, сколько еще ужасов, опасностей и разочарований испытал наш герой в этот вечер: как вместо такой стрельбы, которую он видел на Волковом поле, при всех условиях точности и порядка, которые он надеялся найти здесь, он нашел 2 разбитые мортирки без прицелов, из которых одна была смята

ядром в дуле, а другая стояла на щепках разбитой платформы; как он не мог до утра добиться рабочих, чтоб починить платформу; как ни один заряд не был того веса, который означен был в Руководстве, как ранили 2 солдат его команды, и как 20 раз он был на волоске от смерти. По счастью, в помощь ему назначен был огромного роста комендор, моряк, с начала осады бывший при мортирах и убедивший его в возможности еще действовать из них, с фонарем водивший его ночью по всему бастиону, точно как по своему огороду, и обещавший к завтраму всё устроить. Блиндаж, к которому провел его проводник, была вырытая в каменном грунте, в две кубические сажени, продолговатая яма, накрытая аршинными дубовыми бревнами. В ней-то он поместился со всеми своими солдатами. Вланг первый, как только увидел в аршин низенькую дверь блиндажа, опрометью, прежде всех, вбежал в нее и, чуть не разбившись о каменный пол, забился в угол, из которого уже не выходил больше. Володя же, когда все солдаты поместились вдоль стен на полу, и некоторые закурили трубочки, разбил свою кровать в углу, зажег свечку и, закурив папироску, лег на койку. Над блиндажем слышались беспрестанные выстрелы, но не слишком громко, исключая одной пушки, стоявшей рядом и потрясавшей блиндаж так сильно, что с потолка земля сыпалась. В самом блиндаже было тихо; только солдаты, еще дичась нового офицера, изредка переговаривались, прося один другого посторониться или огню трубочку закурить; крыса скреблась где-то между камнями, или Вланг, не пришедший еще в себя и дико смотревший кругом, вздыхал вдруг громким вздохом. Володя на своей кровати, в набитом народом уголке, освещенном одной свечкой, испытывал то чувство уюта, которое было у него, когда ребенком, играя в прятки, бывало, он залезал в шкаф или под юбку матери и, не переводя дыхания, слушал, боялся мрака и вместе наслаждался чем-то. Ему было и жутко немножко, и весело.

22.

Минут через 10 солдатики поосмелились и поразговорились. Поближе к огню и кровати офицера расположились люди позначительнее – два фейерверкера: один – седой, старый, со всеми медалями и крестами, исключая георгиевского; другой – молодой из кантонистов, куривший верченые папироски. Барабанщик, как и всегда, взял на себя обязанность прислуживать офицеру. Бомбардиры и кавалеры сидели поближе, а уж там, в тени около входа, поместились покорные. Между ними-то и начался разговор. Поводом к нему был шум быстро ввалившегося в блиндаж человека.

– Что, брат, на улице не посидел? али не весело девки играют? – сказал один голос.

– Такие песни играют чудные, что в деревне никогда не слыхивали, – сказал смеясь тот, который вбежал в блиндаж.

– А не любит Васин бомбов, ох, не любит! – сказал один из аристократического угла.

– Что ж! когда нужно, совсем другая статья! – сказал медленный голос Васина, который, когда говорил, то все другие замолкали. – 24-го числа так палили по крайности; а то что ж дурно-то на говне убьет, и начальство за это нашему брату спасибо не говорит.

При этих словах Васина все засмеялись.

– Вот Мельников тот, небось, всё на дворе сидит, – сказал кто-то.

– А пошлите его сюда, Мельникова-то, – прибавил старый фейерверкер: – и в самом деле убьет так, понапрасну.

– Что это за Мельников? – спросил Володя.

– А такой у нас, ваше благородие, глупый солдатик есть. Он ничего как есть не боится и теперь всё на дворе ходит. Вы его извольте посмотреть: он и из себя-то на ведмедя похож.

– Он заговор знает, – сказал медлительный голос Васина из другого угла.

Мельников вошел в блиндаж. Это был толстый (что чрезвычайная редкость между солдатами), рыжий, красный мужчина, с огромным выпуклым лбом и выпуклыми ясно-голубыми глазами.

– Что, ты не боишься бомб? – спросил его Володя.

– Чего бояться бомбов-то! – отвечал Мельников, пожимаясь и почесываясь: – меня из бомбы не убьют, я знаю.

– Так ты бы захотел тут жить?

– А известно, захотел бы. Тут весело! – сказал он, вдруг расхохотавшись.

– О, так тебя надо на вылазку взять! Хочешь, я скажу генералу? – сказал Володя, хотя он не знал здесь ни одного генерала.

– А как не хотеть! Хочу!

И Мельников спрятался за других.

– Давайте в носки, ребята! У кого карты есть? – слышался его торопливый голос.

Действительно, скоро в заднем углу завязалась игра, – слышались удары по носу, смех и козырянье. Володя напился чаю из самовара, который наставил ему барабанщик, угощал фейерверкеров, шутил, заговаривал с ними, желая заслужить популярность, и очень довольный тем уважением, которое ему оказывали. Солдатики тоже, заметив, что барин простой, поразговорились. Один рассказывал, как скоро должно

кончиться осадное положение [в] Севастополе, что ему верный флотский человек рассказывал, как Кистентин, царев брат, с мериканским флотом идет нам на выручку, еще как скоро уговор будет, чтобы не палить две недели и отдых дать, а коли кто выпалит, то за каждый выстрел 75 копеек штрафу платить будут.

Васин, который, как успел рассмотреть Володя, был маленький, с большими добрыми глазами, бакенбардист, рассказал, при общем сначала молчании, а потом хохоте, как, приехав в отпуск, сначала ему были ради, а потом отец стал его посылать на работу, а за женой лесничий поручик дрожки присылал. Всё это чрезвычайно забавляло Володю. Он не только не чувствовал ни малейшего страха или неудовольствия от тесноты и тяжелого запаха в блиндаже, но ему чрезвычайно легко и приятно было.

Уже многие солдаты храпели. Вланг тоже растянулся на полу, и старый фейерверкер, расстелив шинель, крестясь, бормотал молитвы перед сном, когда Володе захотелось выйти из блиндажа – посмотреть, что на дворе делается.

– Подбирай ноги! – закричали друг другу солдаты, только-что он встал, и ноги, поджимаясь, дали ему дорогу.

Вланг, казавшийся спящим, вдруг поднял голову и схватил за полу шинели Володю.

– Ну полноте, не ходите, как можно! – заговорил он слезливо-убедительным тоном: – ведь вы еще не знаете; там беспрестанно падают ядра; лучше здесь...

Но, несмотря на просьбы Вланга, Володя выбрался из блиндажа и сел на пороге, на котором уже сидел переобуываясь Мельников.

Воздух был чистый и свежий, – особенно после блиндажа, – ночь была ясная и тихая. За гулом выстрелов слышался звук колес телег, привозивших туры и говор людей, работающих на пороховом погребе. Над головами стояло высокое звездное небо, по которому беспрестанно пробегали огненные полосы бомб; налево, в аршине, маленькое отверстие вело в другой блиндаж, в которое виднелись ноги и спины матросов, живших там, и слышались пьяные голоса их; впереди виднелось возвышение порохового погреба, мимо которого мелькали фигуры согнувшихся людей, и на котором, на самом верху, под пулями и бомбами, которые беспрестанно свистели в этом месте, стояла какая-то высокая фигура в черном пальто, с руками в карманах, и ногами притаптывала землю, которую мешками носили туда другие люди. Часто бомба пролетала и рвалась весьма близко от погреба. Солдаты, носившие землю, пригибались, сторонились: черная же фигура не двигалась, спокойно утаптывая землю ногами, и всё в той же позе оставалась на месте.

– Кто этот черный? – спросил Володя у Мельникова.

– Не могу знать; пойду, посмотрю.

– Не ходи, не нужно.

Но Мельников, не слушая, встал, подошел к черному человеку и весьма долго так же равнодушно и недвижимо стоял около него.

– Это погребной, ваше благородие! – сказал он, возвратившись: – погребок пробито бомбой, так пехотные землю носят.

Изредка бомбы летели прямо, казалось, к двери блиндажа.

Тогда Володя прятался за угол и снова высовывался, глядя наверх, не летит ли еще сюда. Хотя Вланг несколько раз из блиндажа умолял Володю вернуться, он часа три просидел на пороге, находя какое-то удовольствие в испытывании судьбы и наблюдении за полетом бомб. Под конец вечера уж он знал, откуда сколько стреляет орудий, и куда ложатся их снаряды.

23.

На другой день, 27-го числа, после 10-тичасового сна, Володя, свежий, бодрый, рано утром вышел на порог блиндажа. Вланг тоже было вылез вместе с ним, но при первом звуке пули стремглав, пробивая себе головой дорогу, кубарем бросился назад в отверстие блиндажа, при общем хохоте тоже большей частью повышедших на воздух солдатиков. Только Васин, старик фейерверкер и несколько других выходили редко в траншею; остальных нельзя было удержать: все повысыпали на свежий, утренний воздух из смрадного блиндажа и, несмотря на столь же сильное, как и накануне, бомбардированье, расположились кто около порога, кто под бруствером. Мельников уже с самой зорьки прогуливался по батареям, равнодушно поглядывая вверх.

Около порога сидели два старых и один молодой курчавый солдат из жидов [43] по наружности. Солдат этот, подняв одну из валявшихся пуль и черепком расплюснув ее о камень, ножом вырезал из нее крест на манер георгиевского; другие, разговаривая, смотрели на его работу. Крест, действительно, выходил очень красив.

– А что, как еще постоим здесь сколько-нибудь, – говорил один из них, – так по замиреньи всем в отставку срок выйдет.

– Как же! мне и то всего 4 года до отставки оставалось, а теперь 5 месяцев простоял в Севастополе.

– К отставке не считается, слышь, – сказал другой.

В это время ядро просвистело над головами говоривших и в аршине ударило от Мельникова, подходившего к ним по траншее.

– Чуть не убило Мельникова, – сказал один.

– Не убьет, – отвечал Мельников.

– Вот на же тебе крест за храбрость, – сказал молодой солдат, делавший крест, и отдавая его Мельникову.

– Нет, брат, тут, значит, месяц за год ко всему считается – на то приказ был, – продолжался разговор.

– Как ни суди, бисприменно по замиреньи исделают смотр царский в Аршаве, и коли не отставка, так в бессрочные выпустят.

В это время визгливая, зацепившаяся пулька пролетела над самыми головами и ударилась о камень.

– Смотри, еще до вечера в чистую выйдешь, – сказал один из солдат.

И все засмеялись.

И не только до вечера, но через 2 часа уже двое из них получили чистую, а 5 были ранены; но остальные шутили точно так же.

Действительно, к утру две мортирки были приведены в такое положение, что можно было стрелять из них. Часу в 10–м, по полученному приказанию от начальника бастиона, Володя вызвал свою команду и с ней вместе пошел на батарею.

В людях незаметно было и капли того чувства боязни, которое выразилось вчера, как скоро они принялись за дело. Только Вланг не мог преодолеть себя: прятался и гнулся всё так же, и Васин потерял свое спокойствие, суетился и приседал беспрестанно. Володя же был в совершенном восторге: ему не приходила и мысль об опасности. Радость, что он исполняет хорошо свою обязанность, что он не только не трус, но даже храбр, чувство командования и присутствие 20 человек, которые, он знал, с любопытством смотрели на него, сделали из него совершенного молодца. Он даже тщеславился своею храбростью, франтил перед солдатами, вылезал на банкет и нарочно расстегнул шинель, чтобы его заметнее было. Начальник бастиона, обходивший в это время свое хозяйство, по его выражению, как он ни привык в 8 месяцев ко всяким родам храбрости, не мог не полюбоваться на этого хорошенького мальчика в расстегнутой шинели, из-под которой видна красная рубашка, обхватывающая белую нежную шею, с разгоревшимся лицом и глазами, похлопывающего руками и звонким голосом командующего: «первое, второе!» и весело взбегающего на бруствер, чтобы посмотреть, куда падает его бомба. В половине 12–го стрельба с обеих сторон затихла, а ровно в 12 часов начался штурм Малахова кургана, 2, 3 и 5 бастионов.

По сю сторону бухты, между Инкерманом и Северным укреплением, на холме телеграфа, около полудня стояли два моряка, один – офицер, смотревший в трубу на Севастополь, и другой, вместе с казаком только что подъехавший к большой веже.

Солнце светло и высоко стояло над бухтой, игравшею с своими стоящими кораблями и движущимися парусами и лодками веселым и теплым блеском. Легкий ветерок едва шевелил листья засыхающих дубовых кустов около телеграфа, надувал паруса лодок и колыхал волны. Севастополь, всё тот же, с своею недостроенной церковью, колонной, набережной, зеленеющим на горе бульваром и изящным строением библиотеки, с своими маленькими лазуревыми бухточками, наполненными мачтами, живописными арками водопроводов и с облаками синего порохового дыма, освещаемыми иногда багровым пламенем выстрелов; всё тот же красивый, праздничный, гордый Севастополь, окруженный с одной стороны желтыми дымящимися горами, с другой – ярко-синим, играющим на солнце морем, виднелся на той стороне бухты. Над горизонтом моря, по которому дымилась полоса черного дыма какого-то парохода, ползли длинные белые облака, обещающая ветер. По всей линии укреплений, особенно по горам левой стороны, по несколько вдруг, беспрестанно, с молнией, блестящей иногда даже в полуденном свете, рождались клубки густого, сжатого белого дыма, разрастались, принимая различные формы, поднимались и темнее окрашивались в небе. Дымки эти, мелькая то там, то здесь, рождались по горам, на батареях неприятельских, и в городе, и высоко на небе. Звуки взрывов не умолкали и, переливаясь, потрясали воздух...

К двенадцати часам дымки стали показываться реже и реже, воздух меньше колебался от гула.

– Однако 2-й бастион уже совсем не отвечает, – сказал гусарский офицер, сидевший верхом. – весь разбит! Ужасно!

– Да и Малахов нешто на три их выстрела посылает один, – отвечал тот, который смотрел в трубу: – это меня бесит, что они молчат. Вот опять прямо в Корниловскую попала, а она ничего не отвечает.

– А посмотри, к двенадцати часам, я говорил, они всегда перестают бомбардировать. Вот и нынче так же. Поедем лучше завтракать... нас ждут уже теперь... нечего смотреть.

– Постой, не мешай! – отвечал смотревший в трубу, с особенною жадностью глядя на Севастополь.

– Что там? что?

– Движение в траншеях, густые колонны идут.

– Да и так видно, – сказал моряк: – идут колоннами. Надо дать сигнал.

– Смотри, смотри! вышли из траншеи.

Действительно, простым глазом видно было, как будто темные пятна двигались с горы через балку от французских батарей к бастионам. Впереди этих пятен видны были темные полосы уже около нашей линии. На бастионах вспыхнули в разных местах, как бы перебегая, белые дымки выстрелов. Ветер донес звуки ружейной, частой, как дождь бьет по окнам, перестрелки. Черные полосы двигались в самом дыму, ближе и ближе. Звуки стрельбы, усиливаясь и усиливаясь, слились в продолжительный перекатывающийся грохот. Дым, поднимаясь чаще и чаще, расходился быстро по линии и слился наконец весь в одно лиловатое, свивающееся и развивающееся облако, в котором кое-где едва мелькали огни и черные точки, – все звуки – в один перекатывающийся треск.

– Штурм! – сказал офицер с бледным лицом, отдавая трубку моряку.

Казачи проскакали по дороге, офицеры верхами, главнокомандующий в коляске и со свитой проехал мимо. На каждом лице видны были тяжелое волнение и ожидание чего-то ужасного.

– Не может быть, чтоб взяли! – сказал офицер на лошади.

– Ей-Богу, знамя! посмотри! посмотри! – сказал другой, задыхаясь и отходя от трубы: – французское на Малаховом.

– Не может быть!

25.

Козельцов старший, успевший отыгаться в ночь и снова спустить всё, даже золотые, зашитые в обшлаге, перед утром спал еще нездоровым, тяжелым, но крепким сном, в оборонительной казарме 5-го бастиона, когда, повторяемый различными голосами, раздался роковой крик:

– Тревога!..

– Что вы спите, Михайло Семеныч! Штурм! – крикнул ему чей-то голос.

– Верно, школьник какой-нибудь, – сказал он, открывая глаза и не веря еще.

Но вдруг он увидел одного офицера, бегающего без всякой видимой цели из угла в угол, с таким бледным испуганным лицом, что он всё понял. Мысль, что его могут принять за труса, не хотевшего выйти к роте в критическую минуту, поразила его ужасно. Он во весь дух побежал к роте. Стрельба орудийная кончилась; но трескотня ружей была во всем разгаре. Пули свистели не по одной, как штуцерные, а роями, как стадо осенних птичек пролетает над головами. Всё то место, на котором стоял вчера его батальон, было застлано дымом, были слышны недружные крики и возгласы. Солдаты, раненые и нераненые, толпами

попадались ему навстречу. Пробежав еще шагов 30, он увидел свою роту, прижавшуюся к стенке и лицо одного из своих солдат, но бледное, бледное, испуганное. Другие лица были такие же.

Чувство страха невольно сообщилось и Козельцову: мороз пробежал ему по коже.

– Заняли Шварца, – сказал молодой офицер, у которого зубы щелкали друг о друга. – Всё пропало!

– Вздор, – сказал сердито Козельцов и, желая возбудить себя жестом, выхватил свою маленькую железную тупую сабельку и закричал:

– Вперед, ребята! Ура-а!

Голос был звучный и громкий; он возбудил самого Козельцова. Он побежал вперед вдоль траверса; человек 50 солдат с криками побежало за ним. Когда они выбежали из-за траверса на открытую площадку, пули посыпались буквально как град; две ударились в него, но куда и что они сделали, контузили, ранили его, он не имел времени решить. Впереди, в дыму видны были ему уже синие мундиры, красные панталоны, и слышны нерусские крики; один француз стоял на бруствере, махал шапкой и кричал что-то. Козельцов был уверен, что его убьют; это-то и придавало ему храбрости. Он бежал вперед и вперед. Несколько солдат обогнали его; другие солдаты показались откуда-то сбоку и бежали тоже. Синие мундиры оставались в том же расстоянии, убегая от него назад к своим траншеям, но под ногами попадались раненые и убитые. Добежав уже до внешнего рва, все смешались в глазах Козельцова, и он почувствовал боль в груди и, сев на банкет, с огромным наслаждением увидел в амбразуру, как толпы синих мундиров в беспорядке бежали к своим траншеям, и как по всему полю лежали убитые и ползали раненые в красных штанах и синих мундирах.

Через полчаса он лежал на носилках, около Николаевской казармы, и знал, что он ранен, но боли почти не чувствовал, ему хотелось только напиться чего-нибудь холодного и лечь попокойнее.

Маленький, толстый, с большими черными бакенбардами доктор подошел к нему и расстегнул шинель. Козельцов через подбородок смотрел на то, что делает доктор с его раной, и на лицо доктора, но боли никакой не чувствовал. Доктор закрыл рану рубашкой, отер пальцы о полы пальто и молча, не глядя на раненого, отошел к другому. Козельцов бессознательно следил глазами за тем, что делалось перед ним. Вспомнив то, что было на 5 бастионе, он с чрезвычайно отрадным чувством самодовольства подумал, что он хорошо исполнил свой долг, что в первый раз за всю свою службу он поступил так хорошо, как только можно было, и ни в чем не может упрекнуть себя. Доктор, перевязывая другого раненого офицера, сказал что-то, указывая на Козельцова священнику с большой рыжей бородой, с крестом, стоявшему тут.

– Что, я умру? – спросил Козельцов у священника, когда он подошел к нему.

Священник, не отвечая, прочел молитву и подал крест раненому.

Смерть не испугала Козельцова. Он взял слабыми руками крест, прижал его к губам и заплакал.

– Что, выбиты французы везде? – твердо спросил он у священника.

– Везде победа за нами осталась, – отвечал священник, говоривший на о, скрывая от раненого, чтобы не огорчить его, то, что на Малаховом кургане уже развевалось французское знамя.

– Слава Богу, слава Богу – проговорил раненый, не чувствуя, как слезы текли по его щекам, и испытывая невыразимый восторг сознания того, что он сделал геройское дело.

Мысль о брате мелькнула на мгновение в его голове. «Дай Бог ему такого же счастья», подумал он.

26.

Но не такая участь ожидала Володю. Он слушал сказку, которую рассказывал ему Васин, когда закричали: «французы идут!» Кровь прилила мгновенно к сердцу Володи, и он почувствовал, как похолодели и побледнели его щеки.

С секунду он оставался недвижим; но, взглянув кругом, он увидел, что солдаты довольно спокойно застегивали шинели и вылезали один за другим; один даже – кажется, Мельников – шутливо сказал:

– Выходи с хлебом-солью, ребята!

Володя вместе с Влангой, который ни на шаг не отставал от него, вылез из блиндажа и побежал на батарею. Артиллерийской стрельбы ни с той, ни с другой стороны совершенно не было.

Не столько вид спокойствия солдат, сколько жалкой, нескрываемой трусости юнкера возбудил его. «Неужели я могу быть похож на него?» подумал он и весело подбежал к брустверу, около которого стояли его мортирки. Ему ясно видно было, как французы бежали к бастиону по чистому полю и как толпы их с блестящими на солнце штыками шевелились в ближайших траншеях. Один, маленький, широкоплечий, в зуавском мундире, с шпагой в руке, бежал впереди и перепрыгивал через ямы. «Стрелять картечью!» крикнул Володя, сбегая с банкета; но уже солдаты распорядились без него, и металлический звук выпущенной картечи просвистел над его головой, сначала из одной, потом из другой мортиры. «Первое! второе!» командовал Володя, перебегая в дыму от одной мортиры к другой и совершенно забыв об опасности. Сбоку слышалась близкая трескотня ружей нашего прикрытия и суетливые крики.

Вдруг поразительный крик отчаяния, повторенный несколькими голосами, послышался слева: «Обходят! Обходят!» Володя оглянулся на крик. Человек 20 французов показались сзади. Один из них, с черной бородой, в красной феске, красивый мужчина, был впереди всех, но, добрав шагов на 10 до батареи, остановился и выстрелил и потом снова побежал вперед. С секунду Володя стоял, как окаменелый и не верил глазам своим. Когда он опомнился и оглянулся, впереди его были на бруствере синие мундиры и даже один спустившись заклепывал пушку. Кругом него, кроме Мельникова, убитого пулей подле него, и Вланга, схватившего вдруг в руки хандшуг и с яростным выражением лица и опущенными зрачками бросившегося вперед, никого не было. «За мной, Владимир Семеныч! за мной! Пропали!» кричал отчаянный голос Вланга, хандшугом махавшего на французов, зашедших сзади. Яростная фигура юнкера озадачила их. Одного, переднего, он ударил по голове, другие невольно приостановились, и Вланг, продолжая оглядываться и отчаянно кричать: «За мной, Владимир Семеныч! что вы стоите! Бегите!» подбежал к траншее, в которой лежала наша пехота, стреляя по французам. Вскочивши в траншею, он снова высунулся из нее, чтобы посмотреть, что делает его обожаемый прапорщик. Что-то в шинели ничком лежало на том месте, где стоял Володя, и всё это пространство было уже занято французами, стрелявшими в наших.

27.

Вланг нашел свою батарею на 2-й оборонительной линии. Из числа 20 солдат, бывших на мортирной батарее, спаслось только 8.

В 9-м часу вечера Вланг с батареей на пароходе, наполненном солдатами, пушками, лошадьми и ранеными, переправлялся на Северную. Выстрелов нигде не было. Звезды так же, как и прошлую ночь, ярко блестели на небе; но сильный ветер колыхал море. На 1-м и 2-м бастионе вспыхивали по земле молнии; взрывы потрясали воздух и освещали вокруг себя какие-то черные странные предметы и камни, взлетающие на воздух. Что-то горело около доков, и красное пламя отражалось в воде. Мост, наполненный народом, освещался огнем с Николаевской батареи. Большое пламя стояло, казалось, над водой на далеком мыске Александровской батареи и освещало низ облака дыма, стоявшего над ним, и те же, как и вчера, спокойные, дерзкие огни блестели в море на далеком неприятельском флоте. Свежий ветер колыхал бухту. При свете зарева пожаров видны были мачты наших утопающих кораблей, которые медленно глубже и глубже уходили в воду. Говору не слышно было на палубе: из-за равномерного звука разрезаемых волн и пара слышно было, как лошади фыркали и топали ногами на шаланде, слышны были командные слова капитана и стоны раненых.

Часть 4-й полосы 7-й формы корректуры рассказа «Севастополь в августе». Размер подлинника.

Вланг, не евший целый день, достал кусок хлеба из кармана и начал жевать, но вдруг, вспомнив о Володе, заплакал так громко, что солдаты, бывшие подле него, услышали.

– Вишь, сам хлеб ест, а сам плачет, Вланга–то наш, – сказал Васин.

– Чудно! – сказал другой.

– Вишь, и наши казармы позажгли, – продолжал он, вздыхая: – и сколько там нашего брата пропало; а ни за что французу досталось!

– По крайности сами живые вышли, и то слава ти, Господи, – сказал Васин.

– А всё обидно!

– Да что обидно–то? Разве он тут разгуляется? Как же! Гляди, наши опять отберут. Уж сколько б нашего брата ни пропало, а, как Бог свят, велит император – и отберут. Разве наши так оставят ему? Как же! На вот тебе голые стены; а шанцы–то все повзорвали... Небось, свой значок на кургане поставил, а в город не суется. Погоди, еще расчет будет с тобой настоящий – дай срок, – заключил он, обращаясь к французам.

– Известно, будет! – сказал другой с убеждением.

По всей линии севастопольских бастионов, столько месяцев кипевших необыкновенной энергической жизнью, столько месяцев видевших сменяемых смертью, одних за другими умирающих героев, и столько месяцев возбуждавших страх, ненависть и наконец восхищение врагов, – на севастопольских бастионах уже нигде никого не было. Всё было мертво, дико, ужасно, – но не тихо: всё еще разрушалось. По изрытой свежими взрывами обсыпавшейся земле везде валялись исковерканные лафеты, придавившие человеческие русские и вражеские трупы, тяжелые, замолкнувшие навсегда чугунные пушки, страшной силой сброшенные в ямы и до половины засыпанные землей, бомбы, ядра, опять трупы, ямы, осколки бревен, блиндажей, и опять молчаливые трупы в серых и синих шинелях. Всё это часто содрогалось еще и освещалось багровым пламенем взрывов, продолжавших потрясать воздух.

Враги видели, что что–то непонятное творилось в грозном Севастополе. Взрывы эти и мертвое молчание на бастионах заставляли их содрогаться; но они не смели верить еще под влиянием сильного, спокойного отпора дня, чтоб исчез их непоколебимый враг, и, молча, не шевелясь, с трепетом, ожидали конца мрачной ночи.

Севастопольское войско, как море в зыбливую мрачную ночь, сливаясь, развиваясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Северной, медленно двигалось в непроницаемой тесноте прочь от места, на котором столько оно оставило храбрых братьев, – от места, всего облитого его кровью – от места, 11 месяцев

отстаиваемого от вдвое сильнее врага, и которое теперь велено было оставить без боя.

Непонятно тяжело было для каждого русского первое впечатление этого приказа. Второе чувство было страх преследования. Люди чувствовали себя беззащитными, как только оставили те места, на которых привыкли драться, и тревожно толпились во мраке у входа моста, который качал сильный ветер. Сталкиваясь штыками и толпясь полками, экипажами и ополчениями, жалась пехота, проталкивались конные офицеры с приказами, плакали и умоляли жители и денщики с клажею, которую не пропускали; шумя колесами, пробивалась к бухте артиллерия, торопившаяся убираться. Несмотря на увлечение разнородными суетливыми занятиями, чувство самосохранения и желания выбраться как можно скорее из этого страшного места смерти присутствовало в душе каждого. Это чувство было и у смертельно раненого солдата, лежащего между пятьюстами такими же ранеными на каменном полу Павловской набережной и просящего Бога о смерти, и у ополченца, из последних сил втиснувшегося в плотную толпу, чтобы дать дорогу верхом проезжающему генералу, и у генерала, твердо распоряжающегося переправой и удерживающего торопливость солдат, и у матроса, попавшего в движущийся батальон, до лишения дыхания сдавленного колеблющейся толпой, и у раненого офицера, которого на носилках несли четыре солдата и, остановленные спершимся народом, положили наземь у Николаевской батареи, и у артиллериста, 16 лет служившего при своем орудии и, по непонятному для него приказанию начальства, сталкивающего орудие с помощью товарищей с крутого берега в бухту, и у флотских, только-что выбивших закладки в кораблях и, бойко гребя, на баркасах отплывающих от них. Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился.* Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимую горечью в сердце вздыхал и грозился врагам.*

27 декабря.

Петербург.

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ.

СЕВАСТОПОЛЬ В ДЕКАБРЕ МЕСЯЦЕ.

Основной текст по изд.: «Военные рассказы графа Л. Н. Толстого»; Спб. 1856, стр. 141–174 (сокращенно: изд. 1856 г.). Варианты текста – «Современника», 1855, № 6 (сокращенно: «Совр.»).

Заглавие рассказа сохранено то, которое было во всех изданиях до 5–

го; в 6-м прибавлена годовая дата: «в декабре месяце 1854 г.», и в 9-м издании и след. выброшено слово «месяце».

Стр. 3, строка 3–4.

Вместо: уже сбросила с себя (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: сбросила с себя уже

Стр. 3, строка 9.

Вместо: 8-я стклянка. – в «Совр.»: осьмая склянка.

Стр. 3, строка 18.

Вместо: к пристани – особенный – в «Совр.»: к пристани и особенный

Стр. 3, строка 20.

Вместо: и т. п. (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: и т. д.

Стр. 4, строка 3.

Со слов: Вы выбираете – в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.

Стр. 4, строка 5.

После слов: проходите к рулю. – в «Совр.»: (Ежели вы даже не умеете управлять лодкой, я уверен, что вы всё-таки с наслаждением сядете на руль – я заметил, что это почему-то общая всем людям слабость – править).

Стр. 4, строка 6.

Вместо: блестящее уже – в «Совр.»: уже блестящее

Стр. 4, строка 13.

После слов: на той стороне, – в «Совр.»: бухты

Стр. 4, строки 18–19.

Слов: звуки ударов вёсел, – нет в изд. 1856 г. (исправлено по «Совр.»).

Стр. 4, строка 22.

Со слов: Не может быть, – в «Совр.» не красная строка.

Стр. 4, строка 23,

Вместо: чувство (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: чувства

Стр. 4, строка 26.

Со слов: – Ваше благородие! – в «Совр.» не красная строка.

Стр. 4, строка 26.

Вместо: Кистентина – в «Совр.»: «Константина»

Стр. 4, строка 27.

Вместо: оборотившись (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: оборотясь

Стр. 4, строка 31.

Со слов: – А то как же: – в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.

Стр. 4, строка 33.

Со слов: – Вишь ты, где – в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.

Стр. 4, строка 35.

Вместо: высоко–высоко (по «Совр.»), – в изд. 1856 г. высоко

Стр. 4, строка 37.

Со слов: – Это он (курсив Толстого) – в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.

Стр. 5, строки 3–4.

Слов: и неровно гребут неловкие солдаты, – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 5, строки 6–7.

Вместо: толпы серых солдат, черных матросов и пестрых женщин. – в «Совр.»: толпы солдат, матросов и женщин.

Стр. 5, строка 8.

Слова: кричат – нет в «Совр.».

Стр. 5, строка 9.

Вместо: валяются – в «Совр.»: лежат

Стр. 5, строка 9.

Вместо: заржавевшие – в «Совр.»: заржавленные

Стр. 5, строка 9.

Вместо: ядра (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: ядры

Стр. 5, строка 13.

Вместо: кóзла (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: кóзлы

Стр. 5, строка 15.

Вместо: кой–где – в «Совр.»: кое–где

Стр. 5, строка 15.

Вместо: проедет (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: проедут

Стр. 5, строка 15.

Вместо: и офицер – в «Совр.»: или офицер

Стр. 5, строки 20–21.

Слов: везде вы видите неприятные – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 5, строка 23.

Слóва: грязного – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 5, строка 24.

Вместо: не только не красиво, но кажется отвратительным беспорядком; – в «Совр.»: непривлекательно; повсюду страшный беспорядок;

Стр. 5, строка 25.

Вместо: перепуганы, – в«Совр.»: перепутаны,

Стр. 5, строка 26.

Вместо: что делать. – в «Совр.»: что делают.

Стр. 5, строка 27.

Вместо: вы поймете – в«Совр.»: вы увидите

Стр. 5, строка 30.

Вместо: что, очевидно, он не заблудится – в «Совр.»: он, очевидно, не заблудится

Стр. 5, строка 31.

Вместо: которой – в «Совр.»: которая

Стр. 5, строки 31–32.

Вместо: но что он – в «Совр.»: он

Стр. 5, строка 33.

Вместо: и самоуверенно, – в «Совр.»: самоуверенно,

Стр. 5, строка 35.

Вместо: и на лице – в «Совр.»: на лице

Стр. 5, строка 39.

Слово: Собrania – в изд. 1856 г. не с прописной буквы.

Стр. 6, строка 1.

Вместо: ежели (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: если

Стр. 6, строки 7–10.

Слов: усомнитесь кончая: описаниям и вида, и звуков с Северной стороны. – нет в «Совр.». Исключено цензурой; вместо них многоточие.

Стр. 6, строка 13.

Вместо: и у крыльца (по«Совр.») – в изд. 1856 г.: и на крыльце

Стр. 6, строка 14.

Слов: увидите там защитников Севастополя, – нет в «Совр.».

Стр. 6, строка 15.

Слов: и забавные, но – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 6, строка 16.

Вместо: возвышающие – в «Совр.»: и возвышающие

Стр. 6, строки 19–20.

Вместо: одних на койках, большей частью на полу, – в «Совр.»: – на койках, а большей частью на полу,

Стр. 6, строка 26.

Вместо: по середине (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: по середине.

Стр. 6, строка 28.

Слова: чтобы – нет в «Совр.».

Стр. 6, строка 34.

Вместо: оскорбить и – в «Совр.»: оскорбить того и

Стр. 6, строка 34.

Вместо: кто перенес их. («Совр.») – в изд. 1856 г.: кто перенесет их. В изд., начиная с 5-го: переносит.

Стр. 7, строка 3.

Вместо: погода (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: непогода

Стр. 7, строка 5.

Вместо: На 5-м баксионе, – в «Совр.»: – На пятом бастионе,

Стр. 7, строки 13–14.

Вместо: не думать много: (курсив Толстого, по «Совр.» и изд. 1856 г.)–в следующих изданиях: не думать ничего:

Стр. 7, строка 17.

Вместо: повязанная (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: и повязанная

Стр. 7, строка 18.

Вместо: ваш разговор – в «Совр.»: наш разговор

Стр. 7, строка 18.

Слов: про него, – нет в «Совр.».

Стр. 7, строка 20.

Вместо: остановил – в «Совр.»: он остановил

Стр. 7, строка 24.

Вместо: уже сам – в «Совр.»: уж он сам

Стр. 7, строка 29.

Вместо: замечает – в «Совр.»: говорит

Стр. 7, строка 30.

Слов: как будто извиняется за нее перед вами, – нет в изд. 1856 г.: берем из «Совр.».

Стр. 7, строка 32.

Слов: глупые слова говорит». – нет в «Совр.».

Стр. 8, строка 1.

Вместо: тебе поскорее – в «Совр.»: поскорее

Стр. 8, строка 5.

Со слов: Это белокурый, – в «Совр.» не красная строка.

Стр. 8, строка 25.

Слово: вылучена – исправлено вместо неправильной формы «Совр.» и изд. 1856 г.: выщелущена

Стр. 8, строки 29–30.

Вместо: бледное–бледное (по«Совр.») – в изд. 1856 г.: бледное

Стр. 8, строка 40.

Вместо: занятых около койки, – в «Совр.»: занятых благотельным делом – ампутаций, около койки

Стр. 9, строка 3.

Слов: Доктора заняты отвратительным, но благотельным делом ампутаций. Вы – нет в«Совр.».

Стр. 9, строка 5.

Вместо: нож – в «Совр.»: нож хирурга

Стр. 9, строка 11.

Вместо: ожидания, – в «Совр.»: отчаяния и ожидания.

Стр. 9, строки 14–15.

Вместо: а увидите войну – в«Совр.»: а войну

Стр. 9, строки 21–22.

Вместо: без нерешимости пойдете на бастионы... – в «Совр.»: без нерешительности пойдете на бастион.

Стр. 9, строка 30.

Со слов: Навстречу попадутся – в «Совр.» не красная строка.

Стр. 9, строка 31.

Вместо: гробом и музыкой – в «Совр.»: гробом, музыкой

Стр. 9, строка 35.

Вместо: весьма красивыми в «Совр.»: весьма приятными

Стр. 9, строка 36.

Вместо: и вы не – в «Совр.»: вы не

Стр. 9, строка 37.

Вместо: мысли ясной, перенесенной на себя, о страданиях – в «Совр.»: ясно перенесенной на себя мысли о страданиях

Стр. 9, строка 39.

Со слов: Пройдя церковь – в «Совр.» не красная строка.

Стр. 10, строка 6.

Вместо: нынешнюю (по «Совр.») – в изд 1856 г.: нынешню

Стр. 10, строки 6–7.

Вместо: дорого и нехорошо подают котлетки, – в «Совр.»: дороги и нехороши котлетки

Стр. 10, строка 10.

Вместо: белобрысенький, безусый морской офицерик – в «Совр.»: молоденький морской офицерик

Стр. 10, строка 13.

Вместо: офицер, – в «Совр.»: офицерик.

Стр. 10, строки 13–14.

Со слов: и вы непременно – в «Совр.» красная строка.

Стр. 10, строка 15.

Вместо: посмотрите на белобрысенького офицера – в «Совр.»: посмотрите на него,

Стр. 10, строки 17–18.

Слов: казавшиеся вам нахальством, – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 10, строка 18.

Слова: бретерским – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 10, строка 19.

Слова: иные – нет в «Совр.»

Стр. 10, строка 22.

Со слов: «Пройти на батарею – в «Совр.» красная строка.

Стр. 10, строка 24.

Со слов: «А у меня – в «Совр.» красная строка.

Стр. 10, строка 25.

Со слов: «Кого это? – в«Совр.» красная строка.

Стр. 10, строка 25.

Вместо: Митюхина?» – в «Совр.»: Миткохина?

Стр. 10, строки 25–26.

Вместо: «Нет... Да что, дадут ли мне телятины? Вот каналы! – в «Совр.» с красной строки: – Нет... Да что, дадут ли мне телятины, подлецы!

Стр. 10, строка 27.

Вместо: Митюхина, – в «Совр.»: Миткохина,

Стр. 10, строка 30.

Вместо: бутылкой кислого крымского вина, называемого «бордо», – в «Совр.»: бутылкой так называемого «Бордо»

Стр. 10, строки 31–33.

Вместо: один молодой, с красным воротником и с двумя звездочками на шинели, рассказывает другому, старому, (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: один, с красным воротником, молодой и с двумя звездочками на шинели, рассказывает другому,

Стр. 10, строки 33–34.

Вместо: альминское (по«Совр.») – в изд. 1856 г. – алминское

Стр. 10, строка 34.

Слов: Первый уже немного выпил, и – нет в«Совр.»». Исключено цензурой.

Стр. 10, строки 34–35.

Слов: которые бывают – нет в«Совр.»».

Стр. 10, строки 36–39.

Вместо: что слишком велика роль, кончая: истины. – в «Совр.»: по слишком большой роли, которую он играл и потому что уж слишком всё страшно в его рассказе, ясно, что он сильно отклоняется от строгой

истины.

Стр. 11, строка 13.

Вместо: белобрысенький – в «Совр.»: молоденький

Стр. 11, строки 21–22.

Вместо: Пройдя еще одну баррикаду, кончая поднимаетесь вверх – в «Совр.»: Вы выходите из дверей направо, и пройдя еще одну баррикаду, поднимаетесь вверх.

Стр. 11, строка 29.

Вместо: встречаете вы – в «Совр.»: встречаете

Стр. 11, строка 30.

Вместо: встречается (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: встречаются

Стр. 11, строки 32–33.

Вместо: спустившись (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: спустись

Стр. 11, строка 35.

Вместо: глины, – в «Совр.»: тины,

Стр. 11, строка 36.

Вместо: черное, грязное – в «Совр.»: черно-грязное

Стр. 11, строка 37.

Вместо: народу – в «Совр.»: народа

Стр. 12, строка 13.

Вместо: нерешимости – в «Совр.»: нерешительности

Стр. 12, строки 19–20.

Вместо: скользкую – в «Совр.»: склизкую

Стр. 12, строки 20–21.

Вместо: взобрались на гору, (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: выбрались в гору,

Стр. 12, строка 21.

Вместо: справа и слева начинают (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: справа и слева вас начинают

Стр. 12, строка 22.

Вместо: по траншее, – в «Совр.»: по тропинке,

Стр. 12, строка 32.

Вместо: по середине площадки, (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: по середине площади,

Стр. 12, строки 34–35.

Вместо: из липкой грязи; везде, (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: из липкой грязи. Но везде,

Стр. 12, строка 39.

Вместо: слышите – в «Совр.»: раздаются

Стр. 12, строка 39 – стр. 13, строка 2.

Вместо: звуки пуль, – жужжащие, кончая: ужасно страшным. – в «Совр.»: звуки пуль, жужжащих, как пчелы, свистящих или визжащих как струна, слышите ужаснейший гул нашего выстрела, потрясающий всех вас и кажущийся вам чем-то ужасно страшным.

Стр. 13, строка 3

Со слов: «Так вот он, – в «Совр.» не красная строка и без ковычек.

Стр. 13, строка 7.

Слова: сравнительно, – нет в «Совр.».

Стр. 13, строки 11–12.

Вместо: землянки в грязи, в которые, согнувшись, могут влезать (исправлено по 5-му изданию) – в «Совр.»: землянки в грязи, в которых согнувшись могут влезть – в изд. 1856г., 2-м, 3-м и 4-м изд.: землянки, в грязи которых, согнувшись, могут влезать

Стр. 13, строка 13.

Слов: и там увидите – нет в «Совр.».

Стр. 13, строка 14.

Вместо: там – в «Совр.»: тут

Стр. 13, строка 14.

Вместо: переобуваются, (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: перебуваются,

Стр. 13, строка 15.

Слов: ту же вонючую грязь, – нет в «Совр.».

Стр. 13, строка 18.

Вместо: обставленную – в «Совр.»: обстановленную

Стр. 13, строка 19.

Вместо: увидите – в «Совр.»: найдете

Стр. 13, строка 33.

Вместо: осталось 8 человек, и как всё-таки на другое утро 6-го он – в «Совр.»: осталось только восемь человек, и как на другое утро 6 числа он

Стр. 13, строка 37.

Вместо: как в 30–40 сажнях. – в «Совр.»: как тридцать – сорок сажен.

Стр. 14, строка 4.

Вместо: белые дымки, (по 7-му и след. изд.) – в «Совр.»: дымы, – в изд. 1856 г.: домики, – в изд. 2-м и 6-м: дымики

Стр. 14, строка 4.

Вместо: этот-то белый вал и есть неприятель – в «Совр.»: это-то и есть неприятель

Стр. 14, строки 6–8.

Вместо: Даже очень может быть, кончая: захочет при вас пострелять немного. – в «Совр.»: При этом офицер вдруг очень хладнокровно скажет:

Стр. 14, строка 8.

Вместо: комендора и прислугу – в «Совр.»: комендора, прислугу

Стр. 14, строка 13.

Вместо: морщине (по «Совр.»)– в изд. 1856 г.: морщице

Стр. 14, строка 17.

Вместо: простоты и упрямства. – в «Совр.»: простота и твердость;

Стр. 14, строка 17.

После слов: простоты и упрямства – в «Совр.» и изд. 1856 г. (за точкой с запятой): но здесь на каждом лице кажется вам, что опасность, злоба и страдания войны (последнего слова в «Совр.» нет),

кроме этих главных признаков (в «Совр.» прибавлено: войны), проложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства.

Стр. 14, строки 24–25.

Вместо: которого вы не ожидали видеть, может быть, – в «Совр.»: которого, может быть, вы не ожидали видеть,

Стр. 14, строка 26.

Вместо: «В самую абразуру (курсив Толстого) попала; (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: «В самую амбразуру попало:

Стр. 14, строка 33.

Вместо: брызги грязи и камни. (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: брызги и камни.

Стр. 14, строки 35–36.

Слов: интересные чувства, услышите и увидите – нет в «Совр.».

Стр. 15, строка 1.

Вместо: с трудом – в «Совр.»: трудно

Стр. 15, строки 4–5.

Вместо: удар о землю, ощутительный, звенящий разрыв бомбы. – в «Совр.»: удар о землю и разрыв.

Стр. 15, строка 6.

Вместо: забрызгает вас грязью. – в «Совр.»: забрызгают вас грязью.

Стр. 15, строка 15.

Вместо: жизнью и смертью; – в «Совр.»: с жизнью и смертью,

Стр. 15, строки 15–16.

Вместо: еще и еще и поближе упало (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: еще и еще поближе упали

Стр. 15, строка 23.

Вместо: виден один испуг (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: видны один испуг

Стр. 15, строка 27.

Вместо: сменяется – в «Совр.»: изменяется

Стр. 15, строка 27.

Слова: какой-то – нет в «Совр.».

Стр. 15, строка 30.

Вместо: с трудом, дрожащим голосом – в «Совр.»: дрожащим голосом, с трудом

Стр. 15, строка 33.

Слова: только – нет в «Совр.».

Стр. 15, строка 35.

Слов: спокойно, равнодушно, – нет в «Совр.».

Стр. 15, строка 36.

Со слов: «Это вот – в «Совр.» красная строка.

Стр. 15, строки 36–37.

Вместо: «Это вот каждый день этак, (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: «Это каждый день этак

Стр., 15, строка 37.

Вместо: семь или восемь», – в «Совр.»: семь и восемь»,

Стр. 15, строка 38.

Вместо: выражающегося – в «Совр.»: явившегося

Стр. 15, строки 38–39.

Вместо: на вашем лице, зевая и свертывая папиросу – в «Совр.»: на вашем лице. Он говорит это, впрочем, зевая и свертывая папиросу

Стр. 15, строка 40.

Строчки точек нет в «Совр.».

Стр. 16, строка 1.

Вместо: Итак, вы – в «Совр.» И так вы

Стр. 16, строка 3.

Вместо: ядра (по «Совр.») – в изд. 1856 г.: ядры

Стр. 16, строки 6–7.

Слов: взять Севастополь и не только взять Севастополь, но (по

«Совр.») – нет в изд. 1856 г.

Стр. 16, строка 8.

Вместо: русского народа, – в «Совр.»: России.

Стр. 16, строка 9.

Слов: хитро сплетенных – нет в «Совр.».

Стр. 16, строки 12–15.

Слов: То, что они делают, кончая: они всё могут сделать. – нет в «Совр.».

Стр. 16, строка 19.

Слов: так же – нет в «Совр.».

Стр. 16, строка 24.

После слов: побудительная причина. – в изд. 1856 г.: И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, – любовь к родине. В «Совр.» эта же фраза, за исключением слов: стыдливое в русском, – стоит после запятой и кончается восклицательным знаком. См. в Комментарии, стр. 386.

Стр. 16, строка 28.

Вместо: о временах, когда этот герой, (по 3-му и след. изд.) – в «Совр.», изд. 1856 г. и 2-м изд.: времена, когда этот герой,

Стр. 16, строка 34.

Вместо: фактом. Вы ясно поймете, – в «Совр.»: фактом; вы ясно поймете всё,

Стр. 16, строка 36.

Вместо: возвышались – в «Совр.»: возвысились

Стр. 16, строка 37.

После слов: не за город, а за родину. – в «Совр.»: Велико, Севастополь, твое значение в истории России! Ты первый служил выражением идеи единства и внутренней силы русского народа.

Стр. 16, строка 39.

Вместо: которой героем – в «Совр.»: героем которой

Стр. 16, строка 39.

После слов: народ русский.... – в «Совр.» строка точек.

Стр. 16, строка 40 – стр. 17, строка 1.

Слова: серых – нет в «Совр.».

Стр. 17, строки 1–2.

Вместо: осветило – в «Совр.»: озарило

Стр. 17, строка 7.

Слова: странно – нет в «Совр.».

СЕВАСТОПОЛЬ В МАЕ.

Ниже приводятся разночтения основного текста (рукопись), напечатанного на стр. 18–59 с текстом:

1) в корректурных гранках, хранящихся в Ленинградском отделении Центрального Исторического архива (дело № 28 за 1855 г.) (сокращенно называется корр.).

2) В «Современнике», 1855, № 9, стр. 5–30 (сокращенно «Совр.»).

3) В книге: «Военные рассказы графа Л. Н. Толстого», Спб. 1856, стр. 175–256 (сокращенно изд. 1856 г.).

Стр. 18. строка 1.

Название рассказа: Севастополь в мае. – взято по изд. 1856 г. – в рукописи рассказ называется: «Весенняя ночь 1855 года в Севастополе»; в корр. и «Совр.» – «Ночь весной 1855 года в Севастополе». В позднейших изданиях, начиная с 6-го, это заглавие дополнено еще обозначением года – «1855 года».

Гл. 1.

Стр. 18, строка 6.

Вместо: и с траншей – в «Совр.» и изд. 1856 г.: и из траншей

Стр. 18, строка 9.

Слова: надуться, – нет в «Совр.».

Стр. 18, строки 10–11.

Слов: Сколько звездочек надето, сколько снято, сколько Анн, Владимиров, – нет в корр., в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 18, строка 13.

Слѡва: суеверным – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 18, строки 14–15.

Вместо: на черную изрытую – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: на желтоватую, изрытую

Стр. 18, строка 18.

Вместо: штурманский – в корр. штурманской

Стр. 18, строка 20.

Слово: Зеленой (с прописной буквы З, исправлено по корр. и «Совр.») – в рукописи и изд. 1856 г. с строчной буквы.

Стр. 18, строка 24.

Со слов: А вопрос, – в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.

Стр. 18, строка 24.

Вместо: дипломатами, еще меньше решается – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: дипломатами все еще не решается

Стр. 18 строка 26 – стр. 19, строка 18.

Слов: Мне часто кончая: принято думать. – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 19, строки 5–6.

К словам: разумными представителями разумных созданий, – в рукописи подстрочный вариант: разумными созданиями.

Стр. 19 строка 8.

Со слов: Это рассуждение – в рукописи не красная строка.

Стр. 19, строка 20.

С абзаца: В осажденном городе Севастополе, – в корр. и «Совр.» начинается 1-я глава, предшествующие же два абзаца (по корр. и «Совр.») не имеют нумера главы.

Гл. 2.

Стр. 19, строка 20.

Вместо: В осажденном городе Севастополе, – в «Совр.»: В Севастополе,

Стр. 19, строка 23.

Вместо: солнце взошло – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: солнце вышло

Стр. 19, строка 25.

Вместо: спускалось – в корр. и «Совр.»: опускалось

Стр. 19, строки 28–29.

Вместо: натягивая на руку не совсем белую, но опрятную перчатку, – в «Совр.»: надевая на руку перчатку, – Изменено цензурой.

Стр. 19, строки 30–31.

Вместо: нагороженных – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: настроенных

Стр. 19, строка 31.

Слово: Морской – в «Совр.» с строчной буквы.

Стр. 19, строки 32–34.

Вместо: Выражение некрасивого с низким лбом лица этого офицера изобличало тупость умственных способностей, но при том рассудительность, – в корр.: Выражение некрасивого с низким лбом лица этого офицера изобличало простодушие, но притом рассудительность, – в «Совр.»: Выражение лица этого офицера изобличало простодушие, рассудительность, – в изд. 1856 г.: Выражение некрасивого лица этого офицера не изобличало больших умственных способностей, но простодушие, рассудительность, – Изменено цензурой.

Стр. 19, строки 35–36.

Вместо: Он был дурно сложен – длинноног, неловок – в «Совр.»: Он был не совсем ловок и – в изд. 1856 г.: Он был дурно сложен, не совсем ловок – Изменено цензурой.

Стр. 19, строка 37.

Вместо: была незатасканная фуражка, – в «Совр.»: была немного поношенная фуражка, – в изд. 1856 г.: была мало поношенная фуражка, – Изменено цензурой.

Стр. 19, строка 38.

Вместо: лиловатого – в «Совр.»: лилового.

Стр. 20, строки 2–3.

Слов: хотя и с немного стоптанными в разные стороны каблуками, – нет

в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 20, строки 3–7.

Слов: но не столько кончая: а немного повыше. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 20, строка 8.

Вместо: его чисто русское – в изд. 1856 г.: его чистого русского

Стр. 20, строка 9.

Вместо: квартирмистр – в «Совр.»: квартирмейстер

Стр. 20, строка 12.

Вместо: был перешедший – в изд. 1856 г.: был офицер, перешедший

Стр. 20, строка 16.

Вместо: большой приятельницы. – в рукописи описка: большей приятельницы.

Стр. 20, строка 16.

Вместо: вспоминал – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: вспомнил

Стр. 20, строка 17.

Вместо: товарищ пишет: – в «Совр.»: товарищ писал:

Стр. 20, строка 18.

Вместо: то Пупка (курсив Толстого) (так отставной улан называл жену свою) бросается – в «Совр.»: то жена бросается – Изменено цензурой.

Стр. 20, строка 20.

Вместо: газеты и бежит с ним на эс (курсив Толстого) в изд. 1856 г.: газету и бежит с ней на эс (курсив Толстого).

Стр. 20, строка 36.

Вместо: такая для нас ресурс, (курсив Толстого) – в «Совр.»: такой для нас ресурс,

Стр. 20, строки 39–40.

Слов: и что у нас при этом убито 200 человек, а у французов до 15 тыс. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 21, строки 4–12.

Слов: по которым высокомерный и кончая: презренном для него круге, – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 21, строки 9–10.

Слова: (может быть, кончая: с грязными ногтями), – в корр. без скобок.

Стр. 21, строка 11.

Вместо: провинциальным – рукоп.: провинциальном

Стр. 21 строка 17.

Слов: по копейке, – нет в «Совр.».

Стр. 21, строка 21.

Вместо: отраднo-розовом цвете, – в изд. 1856 г.: отраднo-розовом свете,

Стр. 21, строки 23–38.

Слов: Эти воспоминания имели кончая: рассудительности его характера. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 21, строки 35–36.

Вместо: на 5-ти рублевый банк, – в подстрочном примеч. рукописи вариант: по 1/4 копейки в старые карты – так и. в корр.

Стр. 21, строка 40.

Вместо: надеждам. «Каково будет – в «Совр.»: надеждам. «и каково будет – в изд. 1856 г.: надеждам. «И каково будет

Стр. 22, строка 1.

Слов: на своих стоптанных сапогах – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 22, строка 2.

Вместо: переулку, – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: переулочку,

Стр. 22, строка 4.

Вместо: Капитана же я – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Капитана я

Стр. 22, строки 6–7.

Со слов: потому что много кончая: в эту кампанию. – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 22, строка 11.

Вместо: когда звуки – в «Совр.»: вдруг звуки

Стр. 22, строки 13–14.

Вместо: на бульваре прежним пехотным (по изд. 1856 г.) – в корр. и рукописи: на бульваре пехотным – в «Совр.»: на бульваре опять только пехотным

Стр. 22, строка 14.

Слов: ничего незначущим, неловким и робким. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Гл. 3.

Стр. 22, строка 15.

Вместо: 3. – в корр. и «Совр.»: II.

Стр. 22, строка 18.

Вместо: раскрывши держали – в изд. 1856 г.: раскрыв, держали

Стр. 22, строка 20.

Слов: и офицеры в старых (курсив Толстого) шинелях. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 22, строка 22.

Слов: и новых шинелях. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 22, строка 23.

Слов: всяких сортов (перед словами: офицеры) – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 22, строка 25.

Слова: (были кончая: без шляпок), – в «Совр.» без скобок.

Стр. 22, строка 25.

Вместо: были и без платочков – в изд. 1856 г.: были без платочков.

Стр. 22, строки 25–26.

Вместо: не было старой, а все молодые, (слова: а все в рукописи зачеркнуты) – в «Совр.» и изд. 1856 г.: не было старой, а замечательно, что все молодые.

Стр. 22, строки 29–30.

Вместо: капитана Обжогова и прапорщика Сусликова, которые – в «Совр.»: капитана и прапорщика, которые – в изд. 1856 г.: капитана Обжогова и капитана Сусликова, которые

Стр. 22, строка 31 – стр. 24, строка 20.

Слов: но первый был в верблюжьих штанах, кончая: бесконечная повесть «Снобсов» и «Тщеславия»? (До абзаца, начинающ. словами: Штабс-капитан) – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 22, строка 32.

Вместо: обтрепанной – в изд. 1856 г.: обношенной

Стр. 22, строка 35.

Слова: из которых кончая: общего знакомого. – в изд. 1856 г. заключены в скобки.

Стр. 22, строка 35.

Вместо: с одним – с адъютантом – в изд. 1856 г.: с одним адъютантом

Стр. 23, строка 1.

Со слов: Притом же, – в изд. 1856 г. не красная строка.

Стр. 23, строка 1.

Вместо: веселого ему было – в изд. 1856 г.: веселого было ему

Стр. 23, строки 6–7.

Вместо: чтобы капитан Обжогов и прапорщик Сусликов – в изд. 1856 г.: чтобы капитаны Обжогов и Сусликов

Стр. 23, строки 7–8.

Фамилия: Пиштецкий – в корр. и изд. 1856 г.: Паштетский

Стр. 23, строка 10.

Со слов: Но отчего же штабс-капитан – в изд. 1856 г. красная строка.

Стр. 23, строка 11.

Вместо: они вдруг мне не поклонятся? (по изд. 1856 г) – в рукописи и корр.: вдруг он мне не поклонится?

Стр. 23, строки 14–16.

Слов: (в смысле высшего отборного круга, в каком бы то ни было

сословию) – по изд. 1856 г. – в рукописи и корр. нет.

Стр. 23, строки 16–17.

Слов: (где бы кончая: быть его) – нет в корр. В соответствии с этим к данным словам в рукописи примечание: выключить. В изд. 1856 г. скобок нет.

Стр. 23, строки 16–17.

Вместо: кажется, не должно бы было быть – в изд. 1856 г.: кажется, вовсе не должно было быть

Стр. 23, строки 19–20.

Вместо: (а в какие условия времени, и обстоятельств не проникает эта гнусная страстишка?) – в изд. 1856 г.: (а в какие условия времени и обстоятельства не проникает эта жалкая склонность?).

Стр. 23, строка 21.

Вместо: Мамадыши – в корр.: Мамадыш.

Стр. 23, строка 26.

Со слов: Для капитана Обжогова – в изд. 1856 г. красная строка.

Стр. 23, строки 27–28.

Слов: потому что у него кончая: хотя уважает немного, нет в изд. 1856 г.

Стр. 23, строки 30–32.

Вместо: адъютантом; и за это он не совсем хорошо расположен к нему, хотя и боится его. Для адъютанта – в корр.: адъютантом: от этого он сам не знает любит или ненавидит его. Для адъютанта – в изд.: 1856 г.: адъютантом. Для адъютанта

Стр. 23, строки 32–33.

Вместо: Нордов аристократ, (курсив Толстого) и он его всегда ругает и презирает в душе за то, что он флигель-адъютант. – в корр.: Нордов аристократ (курсив Толстого) и он его всегда ругает и презирает в душе за то, что он далеко ушел в почестях, чего бы ему самому очень хотелось. – в изд. 1856 г.: Нордов аристократ (курсив Толстого) потому, что он флигель-адъютант. В рукописи в подстрочном примечании к слову: флигель-адъютант дан вариант: далеко ушел в почестях.

Стр. 23, строка 33 – Стр. 24, строка 7.

Слов: Ужасное слово аристократ. (курсив Толстого) – нет в корр. Начиная с этих слов и кончая: в аристократах (курсив Толстого) не нуждается и т. д. и т. д. и т. д. – нет в изд. 1856 г.

Стр. 23, строки 34–35.

Вместо: принужденно смеется, проходя – в корр.: принужденно смеется, хотя нет ничего смешного, проходя.

Стр. 23, строки 36–37.

Слов: Чтобы доказать кончая: не хуже их. – нет в корр.

Стр. 23, строка 38.

Вместо: лениво–грустным голосом?–в корр.: лениво–грустным не своим голосом?

Стр. 24, строки 2–4.

Слов: Чтоб показать всем офицерам, кончая: ему очень весело. – нет в корр.

Стр. 24, строки 5–6.

Вместо: с добродушным ординарцем? – в корр.: с добродушным офицером?

Стр. 24, строки 6–7.

Слов: Чтобы доказать всем, кончая: и т. д. и т. д. и т. д. – нет в корр.

Стр. 24, строки 8–20.

Слов: Тщеславие, тщеславие кончая: повесть «Снобсов» и Тщеславия?» (по корр. и изд. 1856 г.) – нет в рукописи. Прописные буквы из корр.

Стр. 24, строка 19.

Вместо: и про страдания, – в изд. 1856 г.: про страдания,

Стр. 24, строка 21.

Вместо: Штабс–капитан Михайлов два раза – в изд. 1856 г.: Штабс–капитан два раза

Стр. 24, строка 21 – стр. 25, строка 3.

Вместо абзаца: Штабс–капитан Михайлов кончая: слегка поклонился ему. – в «Совр.» абзац: Штабс–капитан подошел к одному кружку, который составляли четыре офицера: адъютант Калугин – знакомый Михайлова, – адъютант князь Гальцын, полковник Нефердов и ротмистр Праскухин. Переделано цензурой.

Стр. 24, строка 25.

Фамилия: Гальцин, – в«Совр.» пишется: Гальцын – в корр. Гальцин.

Стр. 24, строка 26.

Вместо: подполковник Нефердов, – в изд. 1856 г.: полковник Нефердов,

Стр. 24, строки 27–28.

Вместо: на службу из отставки – в изд. 1856 г.: на службу в эту кампанию из отставки),

Стр. 24, строки 28–29.

Слов: под влиянием отчасти кончая: это делали; – нет в изд. 1856 г.

Стр. 24, строки 29–32.

Слов: старый клубный московский холостяк, кончая: все распоряжения начальства, – нет в корр. и изд. 1856 г.

Стр. 24, строки 32–33.

Вместо: один из 122-х героев. – К счастью – в изд. 1856 г.: один из этих ста двадцати двух. К счастью

Стр. 24, строка 9.

Вместо: Михайловым, – в рукописи ошибочно: Белугиным,

Стр. 25, строки 4–5.

Вместо: на баксиончик? – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: на бастиончик?

Стр. 25, строка 5.

Вместо: встретились – в корр. и«Совр.»: встречались

Стр. 25, строки 7–9.

Вместо: Михайлов, с прискорбием вспоминая о том, какая у него была печальная фигура, когда он в ту ночь, согнувшись пробираясь – в«Совр.» и изд. 1856 г.: Михайлов, вспоминая о том, как он в ту ночь, пробираясь – Переделано цензурой.

Стр. 25, строка 10.

Слов: который шел таким молодцом, бодро побрякивая саблей. – нет в«Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 25, строки 12–13.

Со слов: Он хотел рассказать, – в«Совр.» и изд. 1856 г. красная строка.

Стр. 25, строка 15.

Вместо: своей обязанностью предложить – в «Совр.» свою обязанностью, своим долгом предложить

Стр. 25, строка 16.

Фамилия Непшитшетцкий изображается в рукописи различно: Непшитшетцкий, Непшитшецкий, Непшишетский и Непшитшетский. В корр.: Непшишеский и Непшишетский. В сноске корр. вариант фамилии: Непшитшетцкого – Гнилокишкин «на тот случай ежели цензура скажет, что офицер не может от флюса отказываться от службы» (Письмо Л. Н. Толстого к Панаеву 4 июля 1855 г.). – в изд. 1856 г.: Непшисецкий. Оставляем: Непшитшетский.

Стр. 25, строки 16–17.

Слов: Калугин не дослушал его. – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 25, строки 18–19.

Вместо: сказал он кн. Гальцину. – в «Совр.»: сказал Калугин князю Гальцину.

Стр. 25, строка 20.

Вместо чего-нибудь? – робко спросил – в «Совр.»: чегонибудь? спросил Изменено цензурой.

Стр. 25, строки 21–22.

Слов: Никто не отвечал ему. – нет в «Совр.». В изд. 1856 г. красная строка.

Стр. 25, строка 22.

Вместо: Гальцин – в корр., «Совр.» (с красной строки) и изд. 1856 г.: Князь Гальцин.

Стр. 25, строка 22.

Слов: только сморщился как-то, – нет в «Совр.»

Стр. 25, строки 30–32.

Слов: вперед уверенный, кончая: было справедливо. – нет в «Совр.».

Стр. 25, строка 33.

Слов: был суеверен и – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 25, строки 34–37.

Вместо: но в этом случае кончая: платочке, которая не раз – в «Совр.» переделано цензурой: но увлеченный таким приятным обществом, пошел, смело поглядывая на девушку в красном платке, что чрезвычайно удивило ее. Она не раз

Стр. 25, строки 34–35.

Вместо: притворился большим развратником, – в корр.: притворился большим шалуном, – в изд. 1856 г.: притворился развратником,

Стр. 25, строка 38 – стр. 26, строка 13.

Слов: Праскухин шел сзади кончая: не обратил на Сервягина никакого внимания. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 25, строка 40.

Слова: он – нет в рукописи (взято по корр., «Совр.» изд 1856 г.).

Стр. 26, строка 2.

Вместо: известно – в изд. 1856 г. – известного

Стр. 26, строка 5.

Вместо: мускулистую руку, – в корр. и изд. 1856 г.: мускулистую честную руку

Стр. 26, строки 5–6.

Слов: не раз коловшую французов, – нет в корр. и изд. 1856 г.

Стр. 26, строка 6.

Слова: Сервягину хорошо – в изд. 1856 г. курсивом.

Стр. 26, строка 7.

Слово: хорошего – в изд. 1856 г. курсивом.

Стр. 26, строка 7.

Слова: Праскухину нет в корр. (взято по «Совр.» и изд 1856 г.); – в рукописи: Праскухина.

Стр. 26, строки 7–8.

Вместо: Но когда Праскухин, – в изд. 1856 г.: Когда Праскухин,

Стр. 26, строки 15–16.

Вместо: из Т., про мрачные – в изд. 1856 г.: из Т. я про мрачные

Стр. 26, строки 15–17.

Вместо: про мрачные мысли, осаждавшие его при предстоящем отправлении на бастион – в «Совр.» изменено цензурой: про близкое отправление на бастион,

Стр. 26, строки 17–18.

Слов: и, главное, про то, что в 7 часов ему надо было быть дома. – нет в изд. 1856 г.

Стр. 26, строки 18–26.

Вместо: Он пробыл с ними кончая: снял перед ним фуражку. – в «Совр.» изменено цензурой: Но вдруг вспомнив свою обязанность, он оставил приятное общество и немедленно отправился к себе.

Стр. 26, строка 25.

Вместо: подозрительно–высокомерным выражением, (по изд. 1856 г.); – в рукописи и корр.: подозрительно–высокомерному выражению,

Гл. 4.

Стр. 26, строка 27.

Вместо: 4. – в «Совр.»: III.

Стр. 26, строка 28.

Вместо: Но едва – в «Совр.»: Едва

Стр. 26, строки 31–32.

Вместо: с прибитым над ней – в «Совр.» ошибочно: с прибитым на ней

Стр. 26, строка 33.

Слов: грязную, с ситцевым одеялом – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 26, строка 35.

Вместо: с взбудораженными, – в изд. 1856 г.: со взбудораженными.

Стр. 26, строки 37 – стр. 27 строка 1.

Вместо: узелок, из которого торчали конец мыльного сыра и горлышко портерной бутылки с водкой, приготовленные для него на бастьон, – в «Совр.» изменено цензурой: узелок, с приготовленною для него на бастион закускою, –

Стр. 26, строка 37.

Вместо: мыльного сыра – в изд. 1856 г.: сыра

Стр. 26, строка 38.

Вместо: приготовленные – в изд. 1856 г.: приготовленной

Стр. 26, строка 38 – стр. 27, строка 1.

Вместо: бастьон – в изд. 1856 г.: бастион. Написание этого слова у Толстого вообще колеблется: бастион и бастьон. Ниже не отмечено.

Стр. 27, строка 1.

Вместо: и с чувством, похожим на ужас, он вдруг вспомнил, – в корр.: и с чувством тяжелым он вдруг вспомнил, – в «Совр.» и изд. 1856 г. изменено цензурой: и вдруг вспомнил.

Стр. 27, строки 4–11.

Слов: И главное, что кончая: Владимира наверно. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 27, строка 7.

Вместо: человека, а непременно – в изд. 1856 г.: человека, непременно

Стр. 27, строка 11.

Вместо: то уж Владимира – в изд. 1856 г.: то Владимира

Стр. 27, строки 15–16.

Вместо: зависит. Мой долг был итти... да долг (курсив Толстого) – в «Совр.» зависит, мой долг был идти. Да, святой долг. – в изд. 1856 г.: зависит. Мой долг был итти... да, святой долг.

Стр. 27, строки 16–17.

Вместо: Штабс-капитан забывал, что это – в изд. 1856 г.: штабс-капитан забывал, что подобное

Стр. 27, строки 17–20.

Вместо: это предчувствие, кончая: идет в дело. – в «Совр.»: это предчувствие испытывает более или менее всякий, кто идет в дело.

Стр. 27, строка 18.

Вместо: приходило ему каждый раз, как нужно – в изд. 1856 г.: приходило ему не в первый раз, когда нужно

Стр. 27, строки 20–21.

Вместо: Немного успокоив себя этим понятием – в «Совр.»: Успокоив себя этим понятием – в изд. 1856 г.: Успокоив себя понятием.

Стр. 27, строки 21–22.

Вместо: у штабс-капитана, как и вообще у всех людей недалеких, было – в рукописи вариант: у штабс-капитана, как и вообще у всех людей простодушных, было – так и в корр. В «Совр.» переделано цензурой: у честного штабс-капитана было ло – в изд. 1856 г.: у штабс-капитана было.

Стр. 27, строка 24.

Вместо: письмо отцу, – в «Совр.»: письмо к отцу.

Стр. 27, строки 24–25.

Слов: с которым последнее кончая: по денежным делам. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 27, строки 27–28.

Слов: (потому что ему кончая: молиться Богу), – нет в корр. «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 27, строки 29–33.

Слов: Еще очень хотелось кончая: не расстегиваясь, на улице. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 27, строка 30.

Вместо: покойницы – в корр.: покойной

Стр. 27, строка 30.

Вместо: и в который – в корр.: в который.

Стр. 27, строки 31–33.

Вместо: но так как он кончая: на улице. Пьяный – в корр.: но он не хотел сделать этого при Никите. Пьяный.

Стр. 27, строки 33–34.

Вместо: Пьяный и грубый слуга лениво (в рукописи вместо: слуга первоначально было: деньщик Никита а потом Никита зачеркнуто, а деньщик осталось незачеркнутым по ошибке, – в «Совр.» изменено цензурой: Пьяноватый слуга лениво – в изд. 1856 г.: Пьяноватый и грубый слуга лениво.

Стр. 28, строка 3.

Вместо: Молчи, скотина! – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: Молчи, болван!

Стр. 28, строки 3–4.

Слов: готовый ударить человека, – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 28, строки 8–9.

Вместо: Скотина? скотина? – повторял слуга: – и что ругаетесь скотиной, сударь? – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: Болван? болван? повторял слуга: – и что ругаетесь болваном, сударь?

Стр. 28, строка 15.

Вместо: выпил «на свои деньги» (курсив Толстого), – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: выпил, как говорил, на свои деньги,

Стр. 28, строка 18.

Слѳва: принужденными – нет в корр. и «Совр.».

Стр. 28, строка 21.

Со слов: Старуха матроска, (по «Совр.») – в рукописи и в изд. 1856 г. не красная строка.

Стр. 28, строка 27.

Слов: на слободке – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 28, строки 28–29.

Вместо: и т. д. и т. д. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: и т. д.

Стр. 28, строка 30.

Слов: и весьма скоро – нет в «Совр.»

Стр. 28, строки 31–32.

Вместо: а, напротив, побранился с старухой за какую–то ведерку, которую она – в корр. и «Совр.»: а побранился с старухой за какое–то ведерко, которое она

Стр. 28, строка 31.

Вместо: с старухой – в изд. 1856 г.: со старухой

Стр. 28, строки 33–38.

Слов: «А может быть, кончая: да осколком – кончено!» – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 28, строки 36–37.

Слова: он думал о верхней часто ноги – в изд. 1856 г., в скобках.

Стр. 28, строки 37–38.

Слов: всё–таки должно быть больно. – нет в корр. и изд. 1856 г.

Стр. 28, строки 39–40.

Вместо: Штабс–капитан, однако, сгибаясь, по траншеям благополучно – в «Совр.» изменено цензурой: Штабс–капитан благополучно – в изд. 1856 г.: Штабс–капитан по траншеям благополучно

Стр. 29, строки 1 и 6.

Слов: в ямочку и: в ямочке – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 29, строки 6–7.

Вместо: штабс–капитан, так что он успокоился отчасти, выпил водки, закусил мыльным сыром, закурил (по корр.) – в рукописи: штабс–капитан; так что он успокоился отчасти, закурил – в«Совр.»: штабс–капитан. Он выпил водки, закусил, закурил – в изд. 1856 г.: штабс–капитан. Он выпил водки, закусил сыром, закурил.

Стр. 29, строка 8.

Вместо: помолившись Богу, – в изд. 1856 г.: помолясь Богу,

Гл. 5.

Стр. 29, строка 9.

Вместо: 5. – в «Совр.»: IV.

Стр. 29, строки 10–11.

Слов: юнкер барон Пест, который встретил их на бульваре, – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 29, строки 11–13.

Слов: которого никто не звал, кончая: все с бульвара – нет в «Совр.»

Стр. 29, строка 13.

Вместо: пошли пить чай – в«Совр.»: пошли все пить чай

Стр. 29, строка 16.

Вместо: крахмальной – в «Совр.»: накрахмальной

Стр. 29, строка 19.

Вместо: смеясь Гальцин, – в«Совр.» и изд. 1856 г.: смеясь князь Гальцин,

Стр. 29, строка 21.

Вместо: подле Калугина: – в изд. 1856 подле окна Калугина: –

Стр. 29, строка 22.

Со слов: И он весело, – в изд. 1856 г. красная строка.

Стр. 29, строка 25.

Со слов: Но замечательно то, – в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.

Стр. 29, строки 26–27.

Вместо: на окне, кто задралши ноги, кто за фортепьянами, – в «Совр.» на окне, кто за фортепьянами, – в изд. 1856 г.: на окне, кто задрал ноги, кто за фортепьянами,

Стр. 29, строки 28–29.

Слов: не было этой смешной надутости, высокомерности, которые они выказывали пехотным офицерам; – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 29, строка 30.

Вместо: в натуре, особенно – в корр. и в «Совр.»: в натуре, и особенно

Стр. 29, строка 31.

Вместо: милыми, простодушными, веселыми – в «Совр.» и изд. 1856 г.: милыми, веселыми

Стр. 29, строка 33.

Вместо: Маслоцкой? – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: Масловский?

Стр. 30, строка 4.

Вместо: Потом Гальцин – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: Потом князь Гальцин

Стр. 30, строки 4–5.

После слов: цыганскую песенку. – в подстрочном примечании в рукописи: «Вышла радость на крыльцо».

Стр. 30, строка 5.

Слов: хотя никто не просил его, – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 30, строки 6–7.

Слов: и так хорошо, что его уже просили вторить, чему он был очень доволен. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 30, строка 8.

Со слов: Человек вошел (по изд. 1856 г.) – в рукописи и в «Совр.» не красная строка.

Стр. 30, строка 8.

Слово: крендельками (взято из корр., «Совр.» и изд. 1856 г.) – в рукописи пропущено.

Стр. 30, строка 13.

Вместо: фортаплясы – в «Совр.»: фортоплясы (курсив Толстого).

Стр. 30, строки 16–18.

Слов: просто было бы невыносимо кончая: нет конца, – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 30, строка 19.

Вместо: и не было удобств. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: и не было бы удобств.

Стр. 30, строки 22–32.

Вместо: как им-то?

– Вот этого я не понимаю кончая: а это герои, удивительные люди. – в «Совр.» изменено цензурой: как им-то? ... Они хоть правда по десяти дней белья не переменяют, а герои – удивительные люди! – в изд. 1856 г.: как им-то?

– Как им-то? Они хоть, правда, по десяти дней белья не переменяют, а это герои, удивительные люди.

Стр. 30, строка 24.

Вместо: белье во в[шах] в рукописи: белье во в... – в корр.: белье.

Стр. 30, строка 31.

Слова: во в[шах] и – в рукописи в скобках: во в... и – в подстрочи. примечании: выключить – в корр. этих слов нет.

Стр. 30, строка 34.

Вместо: – Я... мне приказано... я могу ли явиться к ген... к – в «Совр.» изменено цензурой: Мне приказано явиться к.

Стр. 30, строка 35 – стр. 31, строки 7–8.

Вместо: генерала NN? кончая: после минутного молчания. – в «Совр.» изменено цензурой: генерала N.....по крайне нужному делу, сказал офицер после минутного молчания.

Стр. 30, строки 35–36.

Вместо: генерала NN? – спросил он, робея и кланяясь.– в изд. 1856 г.: генерала N? спросил он застенчиво, кланяясь.

Стр. 31, строки 1–2.

Вместо: его сесть и не обращая – в изд. 1856 г.: его сесть, не обращая.

Стр. 31, строки 5–6.

Слов: и руками без перчаток, которые висели перед ним. – нет в изд. 1856 г.

Стр. 31, строки 9–10.

Слов: с той же оскорбительной улыбкой, – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 31, строка 13.

Вместо: – А? что? что? вылазка? – в изд. 1856 г.: А? что? вылазка?

Стр. 31, строки 16–19.

Слов: – Да ты мне скажи, – кончая: иди с Богом. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 31, строки 17–18.

Вместо: на первую вылазку. – в корр. на вылазку.

Стр. 31, строка 20.

Вместо: – И мой принципал на бастионе, – в «Совр.»: – Мой командир на бастионе, – в изд. 1856 г.: – И мой командир на бастионе Изменено цензурой.

Стр. 31, строки 21–22.

Слов: но никто не отвечал ему – он сам должен был знать, итти ли ему или нет. – нет в «Совр.».

Стр. 31, строка 21.

Со слов: но никто не – в изд. 1856 г. Но никто не с красной строки.

Стр. 31, строки 23–27.

Вместо: – Ничего не будет, кончая: к своим местам. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Праскухин и Нефердов вышли, чтобы (в изд. 1856 г.: чтоб) отправиться к своим местам. Изменено цензурой.

Стр. 31, строки 27–28.

Со слов: «Прощайте, господа». – в «Совр.» красная строка и без кавычек.

Стр. 31, строка 30.

Вместо: Пест, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Нефердов.

Стр. 31, строки 30–31.

Слов: должно быть, воображая себя казаками, – нет в корр., «Совр.» и в изд. 1856 г.

Стр. 31, строки 31–35.

Вместо: прорысили по дороге.

– Да, немножко, – прокричал юнкер, который не разобрал, что ему говорили, и топот казачьих лошадок скоро стих в темной улице.

– Non, dites moi, в «Совр.»: прорысили по дороге.

– Non, dites moi, – в изд. 1856 г.: прорысили по дороге. Топот казачьих лошадей скоро стих в темной улице.

– Non, dites moi.

Стр. 32, строка 2.

Вместо: Гальцин – в рукописи ошибочно: Калугин.

Стр. 32, строки 2–3.

Слов: (Гальцин сделал знак согласия, хотя он был только раз на одном 4-м бастионе). – нет в «Совр.».

Стр. 32, строки 2–3.

Вместо: только раз на (по изд. 1856 г.) – в рук.: только на

Стр. 32, строка 3.

Вместо: (на одном 4-м (бастионе). – в изд. 1856 г.:) на 4 бастионе).

Стр. 32, строки 5–6.

Вместо: немного запутанно и перевирая фортификационные – в «Совр.»

немного путая фортификационные

Стр. 32, строка 10.

Вместо: вон лопнула, – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: вот лопнула,

Стр. 32, строки 10–11.

Вместо: они, лежа на окне, глядя – в «Совр.»: они, спокойно лежа на окне и глядя

Стр. 32, строка 11.

Вместо: скрещивающиеся (по корр. «Совр.» и изд. 1856 г.) – в рукописи: скрещивающихся.

Стр. 32, строка 17.

Вместо: – знаешь, звезды не различишь от бомбы – в «Совр.»: – знаешь, не различить звезды от бомбы – в изд. 1856 г.: – Знаешь, не различить звезды от бомбы.

Стр. 32, строки 25–28.

Слов: содрогаясь при одной мысли кончая: послать туда ночью. – нет в «Совр.» и в изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 32, строка 29.

Вместо: да и я тебя не пушу, – в изд. 1856 г.: да я тебя и не пушу,

Стр. 32, строки 30–31.

Слов: очень хорошо зная однако, что Гальцин ни за что не пойдет туда. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 32, строка 32.

Слов: Серьезно? Так думаешь, что не надо ходить? А? – нет в «Совр.».

Стр. 33, строки 7–8.

Вместо: подсказал ординарец – офицер (по корр. и «Совр.») – в рукописи и изд. 1856 г.: подсказал офицер.

Стр. 33, строки 15–16.

Слов: с трудом переводя дух, но совершенно развязно направляясь к двери. – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 33, строка 18.

Слов: сердито отвечал офицер: (по корр. и изд. 1856 г.) – нет в рукописи и «Совр.».

Стр. 33, строка 21.

Вместо: он прошел – в «Совр.» и изд. 1856 г.: он с Калугиным прошел

Стр. 33, строка 22.

Вместо: последуем за ним. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: последуем за ними.

Стр. 33, строка 23.

Вместо: Калугин уже сидел – в «Совр.»: Калугин сидел

Стр. 33, строки 23–24.

Вместо: казачьей лошадке – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: казачьей лошади

Стр. 33, строка 24.

Слова: опять – нет в «Совр.»

Стр. 33, строка 25.

Слов: почему-то – нет в «Совр.»

Стр. 33, строка 26.

Вместо: и рысцой – в изд. 1856 г.: рысцой

Стр. 33, строки 26–27.

Слов: по приказанию генерала – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 33, строка 29.

Слова: тяжелого – нет в «Совр.»

Гл. 6.

Стр. 33, строка 33.

Вместо: 6. – в корр. и в «Совр.»: V.

Стр. 33, строка 34.

Вместо: Толпы солдат – в «Совр.»: Солдат (опечатка вместо: Солдаты) – в изд. 1856 г.: Солдаты

Стр. 33, строка 35.

Вместо: редко, редко где – в «Совр.»: редко-редко кое-где – в изд. 1856 г.: редко кое-где

Стр. 34, строка 1.

Вместо: слышался – в изд.1856 г.: слышались

Стр. 34, строка 4.

Вместо: был и знакомый нам – в «Совр.»: были знакомый наш – в изд. 1856 г.: были и знакомый нам

Стр. 34, строка 6.

Со слов: – Господи, Мати (по «Совр.») – в рукописи и изд.1856 г., не красная строка.

Стр. 34, строка 6.

Вместо: Пресвятая Богородицы! – в «Совр.»: Пресвятая Богородица,

Стр. 34, строка 6.

Вместо: говорила в себя – в корр. и «Совр.»: говорила про себя

Стр. 34, строка 8.

Вместо: с одной – в рукописи ошибочно: из одной

Стр. 34, строка 13.

Вместо: тетиньке – в «Совр.» и изд. 1856 г.: тетеньке

Стр. 34, строки 16–17.

Слов: Он меня бьет, а всё-таки я его ужасно как люблю. – нет в изд.1856 г.

Стр. 34, строка 18.

Вместо: тетинька – в «Совр.» и изд. 1856 г.: тетенька

Стр. 34, строки 20–27.

Слов: Разве с евтими сменить, кончая: который был нездоров флюсом. – нет в«Совр.»..Исключено цензурой.

Стр. 34, строка 21.

Вместо: играют – в изд. 1856 г.: играют?

Стр. 34, строки 24–25.

Вместо: подпоручика Угровича (по корр.и изд. 1856 г.) – в рукописи ошибочно: поручика Угровича

Стр. 34, строки 25–26.

Слов: того самого, которому надо было итти на бастион и – нет в корр.и в изд.1856 г.

Стр. 34, строка 33.

Вместо: мы нонче (народный говор – по «Совр.») – в рукописи корр. и изд. 1856 г.: мы нынче

Стр. 34, строка 35.

Вместо: большущая такая ядро – в«Совр.»: большущее такое ядро

Стр. 34, строка 35.

Вместо: подля шкапа (народный говор – по корр. и «Совр.») – в рукописи и изд.1856 г.: подле шкапа

Стр. 34, строка 36.

Вместо: она сенцы видно пробила – в«Совр.»: оно сенцы видно пробило

Стр. 34, строка 36.

Вместо: и влетела. – в«Совр.»: и влетело.

Стр. 34, строки 36–37.

Вместо: Такая большущая, – в«Совр.»: Такое большущее.

Стр. 34, строка 39.

Слов: – ох горе–то, горе, (по корр.и «Совр.») – нет в рукописи и изд.1856 г.

Стр. 34, строка 40.

Вместо: Вишь как, вишь как палит, – в корр.и«Совр.»: Вишь как палит,

Стр. 35, строка 2.

Вместо: засыпи–и–ит – в«Совр.»: засыплиит – в изд.1856 г.: засыплиит

Стр. 35, строки 4–12.

Со слов: Крест ей за это надо, кончая: веселый юнкер Жвадческий. – нет в«Совр.» и изд.1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 35, строки 5–6

Вместо: на перепалку. – в корр.: на стрельбу.

Стр. 35, строки 9–12.

Две польские фразы взяты из корр. В рукописи написаны русскими буквами: «Выйден на улицу зобачен, цо там новеого». «А мы тем часом напиймы сен вудки, а то цось душа в ленты лезе». В примечании Толстого перевод первой польской фразы восстанавливаем по подстрочному переводу рукописи, второй по корр. Вместо в переходе: очень страшно. – в рукописи: страшно очень. Выражение: «кнаксик сделаем» – в корр. объяснено: «выпьем водки» (т. е. чокнемся, как теперь объясняют эти слова).

Стр. 35, строка 10.

Вместо: лесенки. – в рукописи: лесинки.

Гл. 7.

Стр. 35, строка 13.

Вместо: 7. – в корр. и «Совр.»: VI.

Стр. 35, стр. 15.

Вместо: одних – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: одни.

Стр. 35, строка 16.

Вместо: встречалось – в «Совр.»: встречались

Стр. 35, строки 18–19.

Вместо: подскочили, как крикнут: – в «Совр.»: подскочили, крикнут:

Стр. 35, строка 19.

Вместо: так так друг – в «Совр.»: так таки друг – в изд. 1856 г.: так друг

Стр. 35, строка 21.

Со слов: Но в этом – в «Совр.» и изд. 1856 г. красная строка.

Стр. 35, строка 30.

Со слов: Солдат ошибался – в «Совр.» и изд. 1856 г. красная строка (в изд. 1856 г. скобок нет).

Стр. 36, строки 3–10.

Со слов: В это время поручик Непшитшетский, кончая: обратился к солдату с 2-мя ружьями: – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 36, строка 14.

Слов: Это ужасно! – нет в «Совр.»

Стр. 36, строки 15–23.

Слов: как вам не стыдно! – кончая: добавил он, обращаясь к солдатам. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 36, строка 22.

Слов: Подлый народ! – нет в корр.

Стр. 36, строка 24.

Вместо: сила! (курсив Толстого) – проворчал солдат. – в «Совр.»: сила, ваше благородие, отвечал солдат.

Стр. 36, строка 25.

Вместо: в это время солдат – в «Совр.»: в это время другой солдат

Стр. 36, строка 27.

Вместо: Кабы наша – в корр., «Совр.» (с строчной буквы). и изд. 1856 г.: Когда бы наша

Стр. 36, строка 31.

Слов: в самом деле, – нет в «Совр.»

Стр. 36, строки 35–36.

Слов: закричал он на него строго. – Него... – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 36, строка 36.

Со слов: но в это время, – в «Совр.» и изд. 1856 г. красная строка.

Стр. 36, строки 36–37.

Вместо: он заметил, – в «Совр.»: Гальцын заметил

Стр. 37, строка 2.

Вместо: прошибло, – в «Совр.»: прошибли.

Стр. 37, строка 3.

Слова: он, – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 37, строка 3.

Вместо: волоса – в «Совр.»: волосы

Стр. 37, строки 11–14.

Слов: А ты где (курсив Толстого) идешь, кончая: Солдат тоже был ранен. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 37, строки 15–16.

Вместо: за поручика Непшитшетского и еще больше за себя. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: за свои несправедливые подозрения. Изменено цензурой.

Стр. 37, строка 17.

Слов: что редко с ним случалось – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 37, строки 17–18.

Слов: от поручика – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 37, строки 21–22.

Вместо: входившими с ранеными и выходившими с мертвыми, – в «Совр.»: вносящими раненых и выносящими мертвых,

Стр. 37, строка 23.

Вместо: повернулся – в «Совр.»: повернул

Стр. 37, строка 24.

Слов: Это было слитком ужасно! – нет в «Совр.».

Гл. 8.

Стр. 37, строка 25.

Против начала 8-й главы в корр. (VII гл.) отмечено Мусин-Пушкиным: «И вы это г. цензор пропустили. М. П.» В «Совр.» эта глава сильно сокращена цензурой и составляет конец предыдущей 6-й главы.

Стр. 37, строка 26.

Со слов: Большая, высокая – в «Совр.» не красная строка.

Стр. 37, строка 26.

Вместо: высокая темная зала – освещенная только 4 или 5-ю свечами, (Слово зала ошибочно пропущено в рукописи) – в «Совр.»: высокая зала, освещенная свечами, – в изд. 1856 г.: высокая темная зала, освещенная только четырьмя или пятью свечами,

Стр. 37, строка 27.

Слово: подходили (по корр., «Совр.» и изд. 1856 г.) – в рукописи ошибочно зачеркнуто.

Стр. 37, строки 30–35.

Слов: на котором уже было так тесно, кончая: на различных концах залы. – нет в «Совр.».

Стр. 37, строка 35.

Вместо: 4 свечи – в корр., и изд. 1856 г.: свечи

Стр. 38, строка 2.

Слов: то там, то сям, шагая через раненых, – нет в «Совр.».

Стр. 38, строка 4.

Слов: мрачными лицами и – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 38, строки 6–8.

Вместо: держали свечи, всовывали кончая: стоны и мольбы страдальцев. – в «Совр.»: держали свечи, осматривали раны. – в изд. 1856 г.: держали свечи, осматривали, ощупывали и зондировали раны, несмотря на ужасные стоны и мольбы страдальцев.

Стр. 38, строки 9–10.

Вместо: за столиком и в ту минуту, как в комнату вошел Гальцин, записывал уже 532–го. – в «Совр.»: за столиком и записывал число раненых... (На этом кончается глава в «Совр.»).

Стр. 38, строка 10.

Вместо: 532–го. – в изд. 1856 г.: 532.

Стр. 38, строки 11–30.

Со слов: Иван Богаев, рядовой – до конца главы – нет в «Совр.».

Стр. 38, строка 15.

Вместо: чтоб его – в изд. 1856 г.: чтобы его

Стр. 38, строка 17.

Вместо: Н. – в изд. 1856 г.: N.

Стр. 38, строка 21.

Вместо: скорей, скорей, – в изд. 1856 г.: скорее, скорей

Стр. 38, строка 22.

Вместо: а-а-а-а! – в изд. 1856г.: а-а-а-а-а!...

Стр. 38, строки 25–26.

Вместо: хрипел уже – в изд. 1856 г.: хрипел уже.

Гл. 9.

Стр. 38, строка 31.

Вместо: 9. – в корр.: VIII. – в«Совр.»: VII.

Стр. 39, строка 8.

Вместо: Ад! ужасно! – в изд. 1856 г.: Ах, ужасно!

Стр. 39, строка 9.

Со слова: Действительно, – в изд. 1856 г. красная строка.

Стр. 39, строка 11.

Вместо: «Ах, скверно!» – в «Совр.» – Ах, нехорошо!

Стр. 39, строки 12–13.

Слов: испытывая какое-то неприятное чувство, – нет в«Совр.»

Стр. 39, строки 14–17.

Вместо: Но Калугин был не штабс-капитан Михайлов, он был самолюбив и одарен деревянными нервами, то, что называют, храбр, одним словом. – Он не поддался – в«Совр.» с красной строки (сокращено цензурой): Калугин не поддался – в изд. 1856 г.: Но Калугин был самолюбив и одарен деревянными нервами, то, что называют, храбр, одним словом. Он не поддался

Стр. 39, строка 21.

Со слов: – Je vous demande – в «Совр.» не красная строка.

Стр. 38, строка 21.

Вместо: je suis tué, – в изд. 1856 г.: je suis mort,

Стр. 39, строка 21.

Со слов: и адъютант – в «Совр.» красная строка.

Стр. 39, строка 24.

Вместо: Ему показалось – в «Совр.» не красная строка: Калугину показалось

Стр. 39, строка 24.

Вместо: это прекрасным, – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: это очень хорошо,

Стр. 39, строки 24–25.

Слов: и он вообразил себя даже немножко этим адъютантом, – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 39, строка 25.

Вместо: потом ударил – в «Совр.»: он ударил

Стр. 39, строки 31–35.

Со слов: – Что вы здесь делаете? кончая: марш к своим местам, – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 39, строки 35–36.

Слов: вот я полковому командиру скажу. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 39, строка 37.

Вместо: И он вместе – в «Совр.» в строку: и вместе

Стр. 39, строка 38, – стр. 40, строка 1.

Слов: в траншею – нет в изд. 1856 г.

Стр. 40, строка 4.

Слов: Ему вдруг сделалось страшно: – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 40, строка 5.

Слова: рысью – нет в «Совр.».

Стр. 40, строка 5.

Вместо: упал – в «Совр.» и изд. 1856 г.: прилег

Стр. 40, строки 5–15.

Вместо: Когда же бомба лопнула кончая: не покушался преодолеть своего чувства. – в «Совр.» (с красной строки), изменено цензурой: Досадуя на самого себя, Калугин, который никогда не нагибался, ускоренными шагами пошел по траншее.

– Ах, нехорошо! подумал он, споткнувшись: – непременно убьют!

Стр. 40, строка 12.

Вместо: спотыкнувшись, – в «Совр.» споткнувшись:

Стр. 40, строка 15.

Вместо: не покушался – в корр. и изд. 1856 г.: не пытался.

Стр. 40, строка 19.

Вместо: с встретившимся – в «Совр.» и изд. 1856 г.: со встретившимся

Стр. 40, строка 23.

Слова: испуганного – нет в «Совр.»

Стр. 40, строки 29–33.

Слов: Уже несколько шагов кончая: пробежать до блиндажа. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 40, строка 31.

Вместо: нашло – в изд. 1856 г.: нашли

Стр. 40, строка 32.

Вместо: к голове, – в изд. 1856 г.: в голову,

Стр. 40, строки 32–33.

Вместо: было усилие над собою, чтобы (по корр. и изд. 1856 г.) – в рукописи: было взять на себя чтобы

Стр. 40, строки 34–35.

Вместо: он ему передал – в«Совр.»: Калугин передал ему

Стр. 40, строка 40.

Вместо: сидел – в «Совр.» и изд. 1856 г.: сидели

Стр. 40, строка 40.

Вместо: генерал NN, командир (по корр.) – в рукописи: генерал <NN>, командир – в«Совр.» и изд. 1856 г.: генерал N, командир

Стр. 41, строка 3.

Вместо: комнатке, – в изд. 1856 г.: комнате,

Стр. 41, строка 4.

Вместо: лежат – в корр. и «Совр.»: лежали

Стр. 41, строка 5.

Вместо: горит – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: горела.

Стр. 41, строка 5.

Вместо: лампадка, – в изд. 1856 г.: лампада,

Стр. 41, строки 5–6.

Слов: и на толстые аршинные балки, составлявшие потолок, – нет в «Совр.»

Стр. 41, строка 8.

Вместо: он два раза позволил – в «Совр.»: он два раза чуть было не позволил

Стр. 41, строка 10.

Вместо: хотелось опасности, – в «Совр.»: хотелось во что бы то ни стало опасности

Стр. 41, строка 15.

Со слов: Мне генерал приказал – в «Совр.» красная строка.

Стр. 41, строка 20 – стр. 42, строка 9.

Со слов: – Всё-таки пойдёмте, посмотрим, кончая: казался в десять раз храбрее капитана. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 41, строка 26.

Слово: моряками (курсив Толстого) – в изд. 1856 г. не курсив.

Стр. 41, строка 31.

Вместо: он несколько (по изд. 1856 г.) – в рукописи: несколько

Стр. 41, строка 35.

Вместо: всего-на-всего – в корр. и изд. 1856 г.: всего-на-все

Стр. 42, строка 10.

Со слова: Осмотрев – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.

Стр. 42, строка 11.

Вместо: с своими – в корр. и изд. 1856 г.: со своими

Стр. 42, строка 16.

Вместо: присоединился бы к – в изд. 1856 г.: присоединился к

Стр. 42, строка 19.

Со слов: Стрельба – в изд. 1856г. и «Совр.» с красной строки.

Гл. 10.

Стр. 42, строка 21.

Вместо: 10. – в корр.: IX. – в «Совр.»: VIII.

Стр. 42, строка 22.

Вместо: 2-й – в изд. 1856 г. и «Совр.»: второй

Стр. 42, строка 22.

Вместо: спросил Праскухин, – (по корр., изд. 1856 г. и «Совр.»)–в рукописи по ошибке: спроил он,

Стр. 42, строки 23–24.

Вместо: на солдата, который в мешке на спине нес землю. – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: на солдат, которые в мешках носили землю.

Стр. 42, строка 28.

Слов: вылез из своей ямочки – нет в «Совр.».

Стр. 42, строка 28.

Вместо: ямочки – в изд. 1856 г.: ямки

Стр. 42, строки 28–29.

Вместо: начальника, руку к козырьку, – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: начальника, держа руку у козырька,

Стр. 42, строка 32.

Слов: искоса поглядывая по направлению огней неприятеля. – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 42, строка 34.

Слова: весело – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 42, строки 36–37.

Вместо: того наслаждения, которое ощущает человек, – в «Совр.»:
того, что ощущает и самый храбрый человек,

Стр. 42, строка 38.

Слòва: опасного – нет в «Совр.».

Стр. 42, строка 39.

Вместо: несколько раз считавший – в «Совр.» и изд. 1856 г.: несколько
раз не без основания считавший,

Стр. 43, строка 1.

Слово: конец – в изд. 1856 г. курсивом.

Стр. 43, строки 1–4.

Вместо: и несколько раз успевший перецеловать кончая: отчего же
теперь заденет? – в «Совр.» и изд. 1856 г.: успел свыкнуться с
убеждением, что его непременно убьют и что он уже не принадлежит
этому миру.

Стр. 43, строки 4–7.

Слов: Несмотря ни на что кончая: с Праскухиным, вышел из ложементов.
– нет в «Совр.».

Стр. 43, строки 4–5.

Вместо: Несмотря ни на что (по корр.) – в рукописи: Несмотря на что
– в изд. 1856 г.: Несмотря на то

Стр. 43, строка 8.

Слòва: другого – (по корр. и изд. 1856 г.) – нет в рукописи и
«Совр.»

Стр. 43, строки 9–11.

Слов: и с которым они вместе закусывали мыльным сыром, сидя в ямочке
около бруствера: – нет в «Совр.».

Стр. 43, строка 10.

Слòва: мыльным – нет в изд. 1856 г.

Стр. 43, строка 19.

Слòва: мгновенно (по корр., «Совр.» и изд. 1856 г.) – нет в рукописи.

Стр. 43, строка 20.

Слов: и невольно перегоняя друг друга; – нет в «Совр.».

Стр. 43, строка 23.

Слѡва: робкого – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 43, строка 23.

Со слов: – «Господи, Господи! – в «Совр.» красная строка.

Стр. 43, строка 24.

Вместо: поражал стон – в «Совр.»: раздавался стон – в корр. и изд. 1856 г.: слышался стон

Стр. 43, строка 24.

Вместо: крик: – в «Совр.» и изд. 1856 г.: крики:

Стр. 43, строки 26–27.

Со слов: Вспыхивала молния – в «Совр.» красная строка.

Стр. 43, строка 28.

Вместо: «пу–ушка!» – в изд. 1856 г.: «пу–шка!»

Стр. 43, строки 30–38.

Со слов: – «Чорт возьми! как они тихо кончая: летит прямо сюда, кажется». – нет в «Совр.». Исключено цензурой. На поле корректуры Мусин–Пушкин написал: «Здесь все действующие лица труссы».

Стр. 43, строка 33.

Вместо: ведь эта скотина может рассказывать – в корр.: ведь этот господин может рассказывать – в изд. 1856 г.: ведь могут рассказывать – Изменено цензурой.

Стр. 43, строка 34.

Вместо: почти – в корр.: точно.

Стр. 43, строки 34–35.

Слов: почти так же, как я вчера про него рассказывал. – нет в изд. 1856 г.

Стр. 43, строка 36.

Вместо: со мной, – в изд. 1856 г.: за мной –

Стр. 43, строка 38.

Слѡва: еще – нет в изд. 1856 г.

Стр. 43, строка 39.

Вместо: они – в«Совр.»: Михайлов и Праскухин

Стр. 44, строки 2–4.

Слов: чем ему самому под этим страшным огнем идти туда, чего и не было ему приказано, он – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 44, строки 5–6.

Вместо: рассказал про – в«Совр.»: рассказал ему про

Стр. 44, строки 6–12.

Слов: хотя во время рассказа кончая: подшучивая, Калугин и толкая Праскухина. – нет в«Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 44, строка 12.

Со слов: Пройдя еще немного – в «Совр.» красная строка.

Стр. 44, строки 12–13.

Вместо: с ними, он – в «Совр.»: с ними, Калугин – в изд. 1856 г.: с ним, Калугин

Стр. 44, строки 13–15.

Слов: «Нельзя сказать, чтобы он кончая: входя в двери блиндажа. – нет в«Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 44, строка 18.

Вместо: больше не будет. – в изд. 1856 г.: больше дела не будет.

Стр. 44, строка 20.

Вместо: вот она, – в «Совр.»: вот они:

Стр. 44, строка 22.

В рукописи по ошибке: Кованов не переделан на: Калугин.

Стр. 44, строки 23–26.

Со слов: «А мне, по настоящему, кончая: я их лучше тут подожду, – сказал он. – нет в«Совр.»». Исключено цензурой.

Стр. 44, строки 24–25.

Вместо: подвергал себя. Надеюсь, что я нужен не для одной chair à saop». – в корр.: подвергал себя и стрельба ужасная». – в изд. 1856

г.: подвергал себя опасности: стрельба ужасная».

Стр. 44, строка 27.

Вместо: Действительно минут через 5 генерал вернулся – в «Совр.»: И точно ходить было не за чем, потому что генерал скоро вернулся

Стр. 44, строка 27.

Вместо: через 5 – в изд. 1856 г.: через двадцать

Стр. 44, строки 28–29.

Слов: в числе их был и юнкер барон Пест, – нет в «Совр.».

Стр. 44, строка 30.

Со слов: Ложементы – в корр., «Совр.» и изд. 1856г., не красная строка.

Стр. 44, строка 31.

Слов: о деле, – (по корр., «Совр.» и изд. 1856 г.) – нет в рукописи.

Стр. 44, строки 31–32.

Вместо: с Пестом, – в «Совр.» с несколькими офицерами

Гл. 11.

Стр. 44, строка 33.

Вместо: 11. – в корр. X. – в «Совр.» глава исключена цензурой.

Стр. 44, строка 34.

Вместо: – У тебя – в изд. 1856 г.: У вас

Стр. 44, строка 34.

Вместо: ты дрался – в изд. 1856 г.: вы дрались

Стр. 44, строка 36.

Слова: братец, – нет в изд. 1856 г.

Стр. 44, строка 36.

Вместо: можешь – в изд. 1856 г.: можете

Стр. 44, строка 36.

Со слов: И Пест – в изд. 1856 г. красная строка.

Стр. 44, строка 37.

Вместо: как он вел всю роту, – в изд. 1856 г.: как вел свою роту;

Стр. 45, строки 1–2.

Вместо: и что, ежели бы не он, то ничего бы не было и т. д. – в изд. 1856 г.: и как, если бы не он, дело было бы проиграно.

Стр. 45, строка 6.

Вместо: Хвастал невольню, – в изд. 1856 г.: Хвастал он невольню,

Стр. 45, строка 16.

Вместо: построившись – в изд. 1856 г.: построясь

Стр. 45, строка 24.

Вместо: странно [было] подумать, – в изд. 1856 г.: странно было подумать,

Стр. 45, строка 25.

Слова: что-то. (взяты по корр. и изд. 1856 г.) – в рукописи нет.

Стр. 45, строка 30.

Вместо: вынутой – в изд. 1856 г.: вытянутой

Стр. 45, строка 33.

Вместо: штыками е..... их м... – в корр. и изд. 1856 г.: штыками их, каналов.

Стр. 45, строка 34.

Слов: е..... вашу м..... – нет в корр. и изд. 1856 г.

Стр. 45, строки 35–36.

Вместо: За царя, за батюшку! – в корр. и изд. 1856 г.: За Царя–батюшку! В подстрочном примечании к этим словам в рукописи вариант: по русски

Стр. 45, строки 36–37.

Со слов: говорил он, пересыпая кончая: размахивая руками. – нет в изд. 1856 г.

Стр. 45, строки 36–37.

Вместо: пересыпая свои слова ругательствами и ужасно размахивая руками. – в корр.: страшно размахивая руками.

Стр. 46, строка 1.

Слòва: мертвецки – нет в изд. 1856 г. К слову: мертвецки – в подстрочном примечании рукописи вариант: так.

Стр. 46, строка 4.

Слòва: ужаснейший – нет в изд. 1856 г.

Стр. 46, строка 4.

Вместо: оглушил всю роту, и высоко – в изд. 1856 г.: оглушивший всю роту, высоко

Стр. 46, строка 4.

Слов: всю роту, (взяты по корр. и изд. 1856 г.) – в рукописи нет.

Стр. 46, строка 5.

Вместо: зашуршели – в корр.: зажужжали

Стр. 46, строка 7.

Слова: элевационного станка, (курсив Толстого) – в изд. 1856 г. не курсивом.

Стр. 46, строка 9.

Вместо: сук[ин] сын – в корр.: с... с... – в изд. 1856 г. этих слов нет.

Стр. 46, строка 9

Слов: е..... твою м... – нет в корр. и изд. 1856 г.

Стр. 46, строка 16.

Слòва: он – нет в корр. и изд. 1856 г.

Стр. 46, строка 17.

Вместо: кто, на что? – в корр. и изд. 1856 г.: кто, что? Слово на в рукописи не разборчиво.

Стр. 46, строка 20.

Вместо: спотыкнулся – в корр. и изд. 1856 г.: споткнулся

Стр. 46, строки 26–27.

Слов: «A moi, camarades! Ah, sacré b..... – нет в изд. 1856 г.

Стр. 46, строка 29.

Слова: француза. – нет в корр.

Стр. 46, строки 33–34.

Слов: с которого тут же солдат стал снимать сапоги. – нет в изд. 1856 г.

Гл. 12.

Стр. 47, строка 1.

Вместо: 12. – в корр.: XI. – в«Совр.».: IX.

Стр. 47. строка 2.

Вместо: знаешь, – в изд. 1856 г.: знаете,

Стр. 47, строки 2–3.

Вместо: сказал Пест, провожая Калугина, который шел к дому. – в «Совр.»: сказал ему один из офицеров дорогою.

Стр. 47, строка 3.

Вместо: к дому. – в изд. 1856 г.: к нему.

Стр. 47, строка 6.

Вместо: – Прощай, – в изд. 1856 г.: – Прощайте,

Стр. 47, строки 8–10.

Со слов: я (курсив Толстого) – жив и цел, – кончая: я и стою ее». – нет в«Совр.».. Исключено цензурой.

Стр. 47, строки 8–9.

Вместо: я (курсив Толстого) жив – в изд. 1856 г.: я и жив

Стр. 47, строка 9.

Вместо: представления будут отличные, – в корр.: представления будут славные,

Стр. 47, строки 13–14.

Вместо: читая «Splendeur et misères des courtisanes», которую – в изд. 1856 г.: читая книгу, которую

Стр. 47, строка 15.

Вместо: С удивительным наслаждением – в «Совр.»: Не без удовольствия

Стр 47, строки 17–26.

Со слов: передавая их весьма естественно, кончая: не любит ходить на бастионы. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 47, строка 22.

Вместо: покойника ротмистра (по корр.) – в рукописи: ротмистра – в изд. 1856 г.: покойного ротмистра

Стр. 47, строка 23.

Слòва: бывало (по корр. и изд. 1856 г.) – в рукописи нет.

Стр. 47, строка 28.

Вместо: подходя – в«Совр.»: приближался

Стр. 47, строки 28–29.

Слов: начинал уже оживать немного, – нет в «Совр.».

Стр. 47, строка 29.

Вместо: как он увидал – в «Совр.»: как вдруг увидал – в изд. 1856 г.: как он увидел

Стр. 47, строка 31.

Вместо: батальон – в изд. 1856 г.: бастион

Стр. 47, строка 32.

Со слов: Михайлов – в «Совр.» и изд. 1856 г. красная строка.

Стр. 47, строки 40–43.

Подстрочного примеч. (по корр.) нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.

Вместо: милых – в корр. набрано: малых.

Стр. 48, строка 4.

Слòва: испуганный – нет в«Совр.» и изд. 1856 г.

Вместо: испуганный – в корр.: взволнованный

Стр. 48, строки 4–7.

Вместо: Михайлов упал на живот. Праскухин невольно согнулся до самой земли и зажмурился; он слышал только, как бомба – в «Совр.»: Михайлов и Праскухин прилегли к земле. Праскухин слышал, как бомба –

в изд. 1856 г.: Михайлов и Праскухин прилегли к земле. Праскухин, зажмурясь, слышал только, как бомба. Изменено цензурой. Со слов: Михайлов упал – в рукоп. не красная строка.

Стр. 48, строки 8–9.

Вместо: испугался, – в «Совр.»: подумал. Заменено цензурой.

Стр. 48, строка 9.

Вместо: струсил, – в«Совр.»: потревожился. Заменено цензурой.

Стр. 48, строки 10–14.

Со слов: Он открыл глаза кончая: лежал на брюхе. – нет в «Совр.».
Исключено цензурой.

Стр. 48, строка 11.

Слòва: самолюбивым – нет в изд. 1856 г.

Стр. 48, строка 11.

Вместо: увидал, – в изд. 1856 г.: увидел,

Стр. 48, строки 12–13.

Слов: которому он должен 12 р. с полтиной, гораздо ниже и – нет в изд. 1856 г.

Стр. 48, строка 13.

Слов: прижавшись к нему, (взяты по корр.) – нет в рукописи и изд. 1856 г.

Стр. 48, строка 14.

Вместо: на брюхе. – в изд. 1856 г.: на земле.

Стр. 48, строка 14.

Вместо: Но тут же глаза – в «Совр.»: Но в то же время глаза

Стр. 48, строка 15.

Вместо: в аршине – в«Совр.»: на аршин

Стр. 48, строки 16–17.

Со слов: Ужас – холодный, кончая: закрыл лицо руками – нет в «Совр.».
Исключено цензурой.

Стр. 48, строка 18.

Вместо: и упал – в «Совр.» с красной строки: Он упал

Стр. 48, строка 18.

Слов: и упал на колена. – нет в изд. 1856 г.

Стр. 48, строка 23.

Вместо: а ежели – в изд. 1856 г.: а если

Стр. 48, строки 25–27.

Со слов: А может быть кончая: меня кровью забрызгало. – нет в «Совр.».

Стр. 48, строка 28.

Со слов: Тут он – в «Совр.» и изд. 1856 г. с красной строки.

Стр. 48, строка 28.

Вместо: вспомнил про 12 р., – в «Совр.»: вспомнил вместе с тысячами других воспоминаний и про двенадцать рублей

Стр. 48, строки 32–34.

Со слов: человек, которым он был кончая: вспомнился ему – нет в «Совр.».

Стр. 48, строка 35.

Вместо: с этими и тысячами других воспоминаний, – в «Совр.»: с этими воспоминаниями

Стр. 48, строка 36.

Слов: и ужаса – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 48, строка 38.

Слов: с отчаянной решимостью – нет в «Совр.».

Стр. 48, строка 39.

Вместо: его глаза – в «Совр.» и изд. 1856 г.: глаза его

Стр. 48, строка 40.

Вместо: и с страшным – в «Совр.» и изд. 1856 г.: с страшным

Стр. 48, строка 40 – стр. 49, строка 1.

Вместо: в середину – в изд. 1856 г.: в средину

Стр. 49, строка 1.

Вместо: спотыкнулся – в «Совр.»: споткнулся

Стр. 49, строка 5.

Вместо: сдавливали – в изд. 1856 г.: сдавили

Стр. 49, строки 6–25.

Со слов: В глазах его мелькали кончая: давили его больше и больше. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 49, строка 15.

Вместо: напоминало о – в изд. 1856 г.: напоминало ему о

Стр. 49, строка 21.

Вместо: слушаю – в изд. 1856 г.: слушать

Стр. 49, строка 22.

Вместо: и ему – в корр. и изд. 1856 г.: а ему

Стр. 49, строка 25.

Слов: раздвинуть камни, – нет в «Совр.».

Стр. 49, строки 25–26.

Вместо: вытянулся – в «Совр.»: вытянуться.

Стр. 49, строка 26.

Слова: ничего – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Гл. 13.

Стр. 49, строка 28.

Вместо: 13. – в корр.: XII. – в «Совр.»: X.

Стр. 49, строка 29.

Вместо: упал на землю и – в «Совр.»: лежа на земле,

Стр. 49, строки 29–30.

Со слов: зажмурился, кончая: закрывал глаза и так же, – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 49, строка 31.

Вместо: как и – в «Совр.» и изд. 1856 г.: как

Стр. 49, строки 34–38.

Со слов: И зачем я пошел кончая: а теперь вот что!» – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 49, строка 38.

Вместо: И он начал – в «Совр.» с красной строки: Потом начал

Стр. 50, строка 1–2.

Вместо: жив, – в нечет – в «Совр.» и изд. 1856 г.: жив, а в нечет,

Стр. 50, строка 2.

Со слов: «Всё кончено! – в «Совр.» красная строка.

Стр. 50, строка 4.

Со слов: «Господи, – в «Совр.» красная строка.

Стр. 50, строка 5.

Вместо: проговорил – в «Совр.»: повторил

Стр. 50, строка 9.

Со слов: «Это душа отходит, – в «Совр.» красная строка.

Стр. 50, строка 11.

Слов: что, умирая, – нет в «Совр.».

Стр. 50, строка 21.

Слòва: легко – нет в «Совр.».

Стр. 50, строки 24–25.

Слов: с бомбами, траншеями, солдатами и кровью; – нет в «Совр.».

Стр. 50, строка 25.

Слòва: солдатами – нет в изд. 1856 г.

Стр. 50, строки 26–27.

Слов: и третье – страх и желание уйти поскорее с бастиона. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 50, строка 26.

Вместо: и третье – в изд. 1856 г.: а третье

Стр. 50, строка 26.

Слов: страх и – нет в изд. 1856 г.

Стр. 50, строка 27.

Вместо: поскорее – в изд. 1856 г.: скорей.

Стр. 50, строки 32–33.

Со слов: тем более, что кончая: шепнул ему какой-то голос, – нет в «Совр.».

Стр. 50, строка 33.

Слов: шепнул ему какой-то голос, – нет в корр.

Стр. 50, строки 33–34.

Слов: а с раной остаться в деле – непременно награда. – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 50, строки 36–37.

Слов: которому главное самому хотелось поскорее выбраться отсюда, – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 50, строка 36.

Слова: главное – нет в корр.

Стр. 50, строка 38.

Вместо: а останусь – в изд. 1856 г.: я останусь

Стр. 51, строка 1.

Слова: робкий – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 51, строки 4–12.

Со слов: Михайлов остановился кончая: да еще скажут что-нибудь, – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 51, строка 4.

Вместо: нерешительности – в корр. и изд. 1856 г.: нерешимости

Стр. 51, строки 5–6.

Вместо: вспомнилась ему сцена, которую он на-днях видел на перевязочном – в корр. и изд. 1856 г.: вспомнилось как много тяжело

раненых на перевязочном

Стр. 51, строки 7–12.

Вместо: офицер с маленькой царапиной кончая: скажут что-нибудь, – подумал – в корр. и изд. 1856 г.: не с красной строки: «Может быть, доктора улыбнутся моей царапине», подумал.

Стр. 51, строки 12–13.

Вместо: подумал штабс-капитан и решительно, – в «Совр.» с красной строки: Но штабс-капитан решительно

Стр. 51, строки 18–20.

Со слов: который, между прочим, кончая: один офицер остался в роте. – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 51, строка 24.

Вместо: как же вы это, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: как же это вы,

Стр. 51, стр. 24.

Вместо: Михал Иванович – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: Михаил Иваныч.

Стр. 51, строки 26–27.

Слов: как хотите, ведь он ординарец генерала и еще жив, может. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 51, строка 29.

Слов: Помилуйте! только бы своих уносить. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 51, строка 30.

Вместо: Вон стерва! ядрами – в «Совр.» изменено цензурой: Вон! ядрами – в изд. 1856 г.: Вон каналья! ядрами

Стр. 51, строки 30–31.

Слова: присядая. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. В корр.: приседая.

Стр. 51, строки 31–32.

Со слов: Михайлов тоже присел кончая: заболела у него. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 51, строка 31.

Вместо: Михайлов тоже – в изд. 1856 г.: Михайлов (с красной строки).

Стр. 51, строки 34 и 35.

Вместо: Михайло – в изд. 1856 г.: Михаил.

Стр. 51, строки 34–35.

Слов: Михайло Иваныч!

Михайло Иваныч не отвечал. (взято по корр., «Совр.» и изд. 1856 г.) – нет в рукописи (пропущено по ошибке).

Стр. 51, строка 36.

Вместо: «Вот ежели бы он был хороший офицер, он бы взял тогда, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: «Вот он не взял тогда, – Изменено цензурой.

Стр. 52, строка 2.

Вместо: как неприятно – в «Совр.»: как трудно

Стр. 52, строки 3–4.

Слов: и действительно кончая: чтобы исполнить его. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 52, строки 3–4.

Слов: так как он ни к кому именно не обращался, (по корр. и изд. 1856 г.) – нет в рукописи.

Стр. 52, строки 5–7.

Со слов: – Унтер–офицер! поди сюда. кончая: итти на своем месте. – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 52, строка 8.

Вместо: «И точно, может, – в «Совр.»: Но может,

Стр. 52, строка 9.

Вместо: напрасно, а – в изд. 1856 г.: напрасной опасности, а

Стр. 52, строка 11.

Вместо: Михал Иваныч! – в корр. и «Совр.»: Михайло Иваныч, – в изд. 1856 г.: Михаил Иваныч!

Стр. 52, строки 12–13.

Вместо: другой рукой дотрогиваясь беспрестанно до образка Митрофания – в «Совр.»: другую приложив к образку Митрофания – Изменено цензурой.

Стр. 52, строка 13.

Вместо: образка – в корр. и изд. 1856 г.: образа

Стр. 52, строки 13–14.

Слов: в которого он имел особенную веру, – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 52, строки 14–15.

Слов: почти ползком и дрожа от страха, – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 52, строка 15.

Слова: рысью – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 52, строка 16.

Перед абзацем: Убедившись в том, – в «Совр.» с красной строки вставлена цензурой патриотическая фраза: И в эту ночь много совершилось подобных и, может быть, еще более великих и на всегда осужденных остаться безвестными подвигов!

Стр. 52, строка 16.

Вместо: Убедившись – в изд. 1856 г.: Убедеясь

Стр. 52, строка 16.

Вместо: товарищ его – в изд. 1856 г.: Праскухин

Стр. 52, строки 16–17.

Вместо: Михайлов так же пыхтя, присядая и придерживая – в «Совр.» изменено цензурой: Михайлов, придерживая – в изд. 1856 г.: Михайлов, пыхтя и придерживая

Стр. 52, строка 17.

Вместо: присядая – в корр. приседая

Стр. 52, строки 18–19.

Вместо: потащился – в «Совр.»: пошел – Заменено цензурой.

Стр. 52, строка 19.

Вместо: уже был – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: был уже

Стр. 52, строка 20.

Вместо: Михайлов – в «Совр.»: он

Стр. 52, строки 22–23.

Со слов: (осколком одной кончая: в матросской землянке). – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 52, строка 23.

Слова: во время дела – в рукописи заключены в скобки, под строкой отмечено: выключить что в скобках. – очевидно для цензуры.

Стр. 52, строка 24–26.

Со слов: «Однако, надо будет кончая: перевязывал его, – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 52, строки 26–27.

Слов: – «это поможет к представлению». – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Гл. 14.

Стр. 52, строка 28.

Вместо: 14. – в корр.: XIII. – в «Совр.»: XI. – в изд. 1856 г.: XIX (опечатка).

Стр. 52, строка 33.

Слова: часовни Мертвых (по корр.) – в «Совр.» с прописными буквами, в рукописи – с строчными.

Стр. 52, строки 33–34.

Слов: проклятиями и – нет в «Совр.».

Стр. 52, строка 34.

Слова: ползали, – нет в «Совр.».

Стр. 52, строка 35.

Вместо: стонали (по корр., «Совр.» и изд. 1856 г.) – в рукописи: стенали.

Стр. 52, строка 35.

Слов: одни между трупами на цветущей долине, другие – нет в «Совр.».

Стр. 52, строка 36.

Слова: окровавленном – нет в «Совр.».

Стр. 53, строки 4–5.

Вместо: выплыло – в «Совр.» и изд. 1856 г.: выплывало

Гл. 15.

Стр. 53, строка 6.

Вместо: 15. – в корр.: XIV. – в «Совр.»: XII.

Стр. 53, строки 9–10.

Вместо: дорожкам – в изд. 1856 г.: аллеям

Стр. 53, строки 12–16.

Со слов: Главную путеводительную кончая: рассказывающий в деле. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 53, строка 15.

Слов: и храбрость, которую выказал – нет в изд. 1856 г.

Стр. 53, строки 17–22.

Со слов: как будто потери кончая: считали обязанностью выказывать. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 53, строка 17.

Вместо: вчерашнего дела – в корр. и в изд. 1856 г.: вчерашнего дня

Стр. 53, строки 19–20.

Слов: (да и бывают ли в военном быту очень близкие люди?), – нет в изд. 1856 г.

Стр. 53, строка 21.

Вместо: официальное (по корр. изд. 1856 г.) – в рукоп.: официальное

Стр. 53, строки 22–32.

Слов: Напротив, Калугин кончая: треть жалованья. – нет в корр. и «Совр.».

Стр. 53, строка 28.

Вместо: поручика – в изд. 1856 г.: подпоручика

Стр. 53, строка 29.

Вместо: из них – в изд. 1856 г.: из нас

Стр. 53, строка 31.

Вместо: чтоб – в изд. 1856 г.: чтобы

Стр. 53, строка 34.

Слова: Ведь я был там. (курсив Толстого) – в «Совр.» не курсив.

Стр. 53, строки 35–38.

Со слов: я больше был, (курсив Толстого) кончая: Вот где жарко было. (курсив Толстого) – в «Совр.» не курсив.

Стр. 54, строка 2.

Слово: мне (курсив Толстого) – в «Совр.» не курсив.

Стр. 54, строки 4–5.

Вместо: – Потери только, потери ужасные, кончая: 400 человек выбыло. (курсив Толстого) – в «Совр.» изменено цензурой: – Дело было жаркое, сказал полковник.

Стр. 54, строка 5.

Вместо: официальной (по корр.) – в рукоп.: официальной.

Стр. 54, строки 4–5.

Слов: тоном официальной печали; – нет в изд. 1856 г.

Стр. 54, строка 6.

Слова: как я жив вышел оттуда. (курсив Толстого) – в «Совр.» не курсив.

Стр. 54, строка 8.

Слова: лиловатая – нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.: берем из корр.

Стр. 54, строки 8–9.

Слов: на стоптанных сапогах и – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 54, строки 9–17.

Со слов: Он очень сконфузился, увидав их: кончая: Калугин в то время, как они сходились. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 54, строка 10.

Вместо: присядал – в корр.: приседал

Стр. 54, строки 16–17.

Вместо: сходились. – в корр.: садились.

Стр. 54, строки 18–19.

Со слов: с улыбкой, кончая: каков я?» – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 54, строки 20–22.

Со слов: краснея и с выражением кончая: а я очень, очень плох». – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 54, строка 24.

Слов: опять с своим высокомерным выражением, – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 54, строки 24–26.

Со слов: глядя на фуражку кончая: ни к кому в особенности. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 54, строки 27–33.

Со слов: которому хотелось показать, кончая: не лучше ли уж просто?... – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 54, строка 33.

Вместо: И с этим адъютанты отошли от него. – в «Совр.» с красной строки: Адъютанты ушли.

Стр. 54, строка 34 – стр. 55, строка 1.

Со слов: Штабс-капитан так же, кончая: не решаясь подойти – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 54, строка 35.

Вместо: поклонившись – в изд. 1856 г.: поклонясь

Стр. 55, строка 1.

Перед словами: сел около – в «Совр.»: Михайлов

Стр. 55, строка 1.

Вместо: Казарского – в корр. и «Совр.»: Козарского

Стр. 55, строки 3–26.

Вместо: Барон Пест тоже пришел кончая: побуждениями лжи, тщеславия и легкомыслия. – в «Совр.» сокращено цензурой: На бульваре были всё те же вчерашние лица.

Стр. 55, строки 4–5.

Вместо: как-будто бы один – в корр. и изд. 1856 г.: что будто один

Стр. 55, строка 11.

Вместо: очень умного, – в корр.: умного, в изд. 1856 г.: особенного,

Стр. 55, строка 11.

Вместо: ужасно – в корр. и изд. 1856 г.: очень

Стр. 55, строки 12–13.

Слов: (ведь это ужасно весело говорить с французами). – нет в корр.

Стр. 55, строки 18–19.

Вместо: se sacré с.....» – в изд. 1856 г.: se sacre (опечатка)

Стр. 55, строка 22.

Вместо: поручик – в изд. 1856 г.: капитан

Стр. 55, строка 26.

Слов: лжи, тщеславия и легкомыслия. – нет в изд. 1856 г. – Слова: лжи – нет в корр.

Стр. 55, строки 28–30.

Со слов: о которых здесь кончая: убраны и зарыты в землю, – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 55, строка 30 – стр. 55 строка 4.

Со слов: и о которых через месяц до конца главы – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 55, строка 35.

Вместо: глянцевоитым – в корр.: глянцевоым

Стр. 56, строка 1.

Вместо: зрачками, – под спину – в корр.: зрачками. – Под спину

Гл. 16.

Стр. 56, строка 5.

Вместо: 16. – в корр.: XV. – в«Совр.»: XIII.

Стр. 56, строка 8.

Вместо: без сапог, – в изд. 1856 г.: без сапогов,

Стр. 56, строки 9–10.

Слов: Ужасный тяжелый – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 56, строка 10.

Слов: запах мертвого тела наполняет воздух. – нет в «Совр».
Исключено цензурой.

Стр. 56, строка 15 – стр. 57, строка 3.

Со слов: Вот в кружке собравшихся кончая: очень довольными и улыбаются. – нет в«Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 56, строки 28–29.

Вместо: не собственным – в корр. и изд. 1856 г.: не столько собственным

Стр. 56, строка 29.

Вместо: но теми словами, – в корр. и изд. 1856 г.: сколько словами,

Стр. 57, строка 1.

Вместо: подает офицеру (по корр и изд. 1856 г.) – в рукописи: падает

Стр. 57, строка 4.

Вместо: шинели – в рукописи и изд. 1856 г. (описка): шинелью

Стр. 57, строка 8.

Вместо: разжигает и расковыривает – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.:
разжигает, расковыривает

Стр. 57, строка 8.

Вместо: трубочку – в корр. и «Совр.»: трубку

Стр. 57, строки 12–13.

Вместо: chez vous tabac – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: chez vous
autres tabac

Стр. 57, строка 14.

Слòва: солдат (по корр. и изд. 1856 г.) – нет в рукописи и «Совр.».

Стр. 57, строка 15–16.

Слова: Франсе нет бун, бонжур, мусье, – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г. курсивом.

Стр. 57, строка 19.

Вместо: jolis – в изд. 1856 г.: jolies

Стр. 57, строка 21.

Слòва: другой – нет в рукописи.

Стр. 57, строка 23.

Слово: бун, – в «Совр.» курсивом.

Стр. 57, строка 25.

Вместо: – Ne sortez pas de la ligne, – в изд. 1856 г.: Ne sortes pas de ta ligne,

Стр. 57, строка 25.

Вместо: sacré – в изд. 1856 г.: sacre

Стр. 57, строка 29.

Слòва: офицер – нет в рукописи.

Стр. 57, строка 29–30.

Слов: французским парикмахерским жаргоном. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 58, строка 8.

Со слов: Ça chauffait – в «Совр.» красная строка.

Стр. 58, строка 11.

Вместо: contre des – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: avec des.

Стр. 58, строки 13–14.

Слов: и воображая, что он удивительно умен. – нет в корр. и «Совр.».

Стр. 58, строка 44.

Вместо: удивительно умен. – в изд. 1856 г.: очень мил.

Стр. 58, строка 14.

Слова: Но довольно. – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г. с красной строки.

Стр. 58, строка 15 – стр. 59, строка 1.

Со слов: Посмотрите лучше на этого кончая: побежал прочь к крепости. Да, – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 58, строка 18.

Вместо: помощью (по изд. 1856 г.) – в рукописи и корр: помочю

Стр. 58, строка 21.

Слова: роковая – нет в изд. 1856 г.

Стр. 58, строка 25.

Слова: неподвижно (по корр.) – нет в изд. 1856 г. – в рукописи: недвижно

Стр. 59, строка 1.

Вместо: Да, на бастионе – в«Совр.»: На бастионе

Стр. 59, строка 2.

Слова: смрадными – нет в «Совр.».

Стр. 59, строка 2.

Вместо: смрадными – в изд. 1856 г.: мертвыми

Стр. 59, строка 3.

Слов: с прозрачного неба – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 59, строка 4.

Вместо: золотых – в корр. и «Совр.»: золотистых

Стр. 59, строка 6.

Слово: христиане, – в «Совр.» с прописной буквы; в рукописи – христьяне

Стр. 59, строки 7–8.

Вместо: не упадут с раскаянием вдруг на – в корр., «Совр.»и изд. 1856 г.: с раскаянием не упадут вдруг на

Стр. 59, строка 8.

Вместо: колени – в «Совр.»: колена

Стр. 59, строка 10.

Вместо: перед Тем, кто, – в рукописи: перед Тем, Кто

Стр. 59, строка 9.

Вместо: с страхом – в рукописи: со страхом

Стр. 59, строка 11.

После слов: как братья? Нет! – вставка Панаева в корр.: Но отрадно думать, что не мы начали эту войну, что мы защищаем только родной кров, родную землю, – в «Совр.» с красной строки: Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитие. Мы защищаем только родной кров, родную землю и будем защищать ее до последней капли крови... На этом в «Совр.» кончается; дальнейшее исключено цензурой. – В изд. 1856 г.: Но отрадно думать, что не мы начали эту войну, что мы защищаем только родной край, родную землю.

Стр. 59, строка 11.

Вместо: тряпки – в «Совр.» и изд. 1856 г.: флаги

Стр. 59, строка 12.

Слòва: честная, – нет в изд. 1856 г.

Стр. 59, строка 14.

Вместо: сказать; но тяжелое – в изд. 1856 г.: сказать на этот раз. Но тяжелое

Стр. 59, строки 14–22.

Слов: но тяжелое раздумье кончая: все дурны. – нет в корр.

Стр. 59, строка 25.

Вместо: Праскухин пустой, безвредный человек, – в корр.: Праскухин человек так себе,

Стр. 59, строки 25–26.

Слов: хотя и павший на брани за веру, престол и отечество, (курсив Толстого) – нет в корр.

Стр. 59, строки 25–26.

Слова: на брани за веру, престол и отечество (курсив Толстого) в изд. 1856 г. не курсивом.

Стр. 59, строка 26–27.

Вместо: своей робостью и ограниченным взглядом, – в изд. 1856 г.: своей застенчивостью.

Стр. 59, строки 28–29.

Вместо: не могут быть ни злодеями, ни героями повести – в корр.: не герои этого рассказа.

Стр. 59, строка 30.

Вместо: Герой же моей повести, – в корр.: Герой его тот,

Стр. 59, строка 35.

Вместо: прекрасен, – правда, (по корр.) – в рукописи: прекрасен, есть – правда.

СЕВАСТОПОЛЬ В АВГУСТЕ 1855 ГОДА.

Разночтения основного текста (рукопись Толстого) и его поправки в корректуре «Современника» (сокращ. корр.) приводятся:

1) Из «Современника», 1856, № 1, стр. 71–122 (сокращ. «Совр.»).

2) Из книги «Военные рассказы графа Л. Н. Толстого». Спб. 1856, стр. 257–382 (сокращ. изд. 1856 г.).

Гл. 1.

Стр. 60, строки 5–6.

Слово: (та особенная, больше нигде не встречаемая кончая: русской повозкой и корзинкой) – в «Совр.» вынесены в подстрочн. примечан. В корр. против этих слов отмечено рукой Тургенева: «в выноску».

Стр. 60, строки 8–10.

Вместо: денщик в нанковом сюртуке и сделавшейся совершенно мягкой бывшей офицерской фуражке, подергивавший возжами; – в «Совр.»: денщик, подергивавший возжами, в нанковом сюртуке и сделавшейся совершенно мягкой, бывшей офицерской фуражке;

Стр. 60, строка 11.

Вместо: попонкой – в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.: солдатской шинелью,

Стр. 60, строка 20.

Вместо: ежели бы – в«Совр.» и изд. 1856 г.: если бы

Стр. 60, строка 20.

Вместо: одутловатость – в рукописи и «Совр.»: одутловость

Стр. 60, строка 24.

Слов: даже наглые; – нет в«Совр.».

Стр. 60, строка 25.

Слова: были – нет в «Совр.».

Стр. 61, строка 9.

Со слова: Навстречу – в«Совр.» красная строка.

Стр. 61, строка 9.

Вместо: Навстречу шел – в рукописи и «Совр.»: Навстречу ему шел

Стр. 61, строка 11.

Слов: в серых шинелях, – нет в«Совр.».

Стр. 61, строка 12.

Слов: в черных пальто, – нет в «Совр.».

Стр. 61, строка 12.

Слова: греческими – нет в рукописи и изд. 1856 г.

Стр. 61, строки 12–13.

Слов: в красных фесках – нет в «Совр.».

Стр. 61, строка 13.

Слов: с бородами. – нет в«Совр.».

Стр. 61, строка 43.

Вместо: повозочка – в«Совр.» и изд. 1856 г.: повозка

Стр. 61, строки 14–16.

Вместо: остановиться и офицер, щурясь и морщась от пыли, густым, неподвижным облаком поднявшейся на дороге, набивавшейся (поправка в корр.) – в рукописи и изд. 1856 г.: остановиться в густом,

неподвижном облаке пыли, поднятом обозом, и офицер, щурясь и морщась от пыли, набивавшейся

Стр. 61, строка 16–17.

Слов: и липнувшей на потное лицо с озлобленным равнодушием – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 61, строка 18.

Слов: двигавшихся мимо него, – нет в «Совр.».

Стр. 61, строки 20–21.

Слов: наполненную ранеными, – нет в «Совр.».

Стр. 61, строка 25.

Слов: какой-то веревочкой – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 61, строка 26.

Вместо: с шинелью – в корр. и «Совр.»: и шинелью

Стр. 61, строка 26.

Слов: на весьма грязной рубахе, – нет в «Совр.».

Стр. 61, строка 26.

Слов: весьма грязной – нет в изд. 1856 г.

Стр. 61, строка 27.

Вместо: в середине – в «Совр.» и изд. 1856 г.: в середине

Стр. 61, строка 29.

Вместо: что он (поправка Толстого карандашом в рукописи) – в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.: как будто

Стр. 61, строка 31.

Слова: исхудалые (вставки Толстого в корр.) – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 62, строка 2.

Слов: Оловянные, заплывшие – нет в «Совр.».

Стр. 62, строки 2–3.

Слов: он видимо узнал своего офицера. – нет в корр. (исключено) и «Совр.».

Стр. 62, строка 5.

Вместо: крикнул он. – в рукописи и изд. 1856 г.: проговорил он.

Стр. 62, строка 13.

Вместо: доносить; – в изд. 1856 г.: доносит;

Стр. 62, строка 13.

Вместо: бьеть, – в изд. 1856 г.: бьет,

Стр. 62, строки 18–19.

Слов: и делают то-то, – нет в «Совр.».

Стр. 62, строка 19.

Слов: а не делают того-то – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 62, строка 19.

Слов: и делают – нет в «Совр.».

Стр. 62, строки 20–21.

Вместо: делали, что он, и были – в «Совр.» делали то же, что он, и были – в изд. 1856 г.: делали то же самое и были

Стр. 62, строка 21.

Вместо: уверены, – в рукописи описка: уверено,

Стр. 62, строка 21.

Вместо: что это хорошо. – в «Совр.»: что выдет хорошо (поправка в корр. Чернышевского).

Стр. 62, строка 22.

Вместо богата; он был не глуп и вместе с тем талантлив, хорошо пел, (по корр. и «Совр.») – в рукописи и изд. 1856 г.: богата мелкими дарами: он хорошо пел,

Стр. 62, строка 25.

Вместо: полковым адъютантом; – в рукописи и изд. 1856 г.: батальонным адъютантом;

Стр. 62, строка 26.

Вместо: его натура – в «Совр.» эта натура

Стр. 62, строка 26.

Слова: была – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 62, строка 27.

Слова: этой – нет в «Совр.».

Стр. 62, строка 27.

Вместо: мелкой даровитости, – в «Совр.»: мелкой внешней даровитости, (вставка в корр. Чернышевского).

Стр. 62, строка 29.

Вместо: которое до такой степени слилось – в «Совр.»: которые слились

Стр. 62, строки 29–30.

Вместо: которое чаще всего развивается – в «Совр.»: которые чаще всего развиваются

Стр. 62, строка 31.

Слова: что – нет в «Совр.».

Стр. 62, строки 31–32.

Вместо: как первенствовать – в «Совр.»: как только первенствовать

Стр. 62, строка 32.

Слов: и что – нет в «Совр.».

Стр. 62, строка 35.

Слово: Москва – в «Совр.» и изд. 1856 г. курсивом.

Стр. 62, строки 39–40.

В подстрочном примечании слов: полупрезрительно, полуласкательно – в «Совр.» нет.

Стр. 63, строка 6.

Вместо: повозочка – в изд. 1856 г.: повозка

Стр. 63, строка 8.

Вместо: нынче же дальше – в рукописи и «Совр.»: нынче вечером дальше,

Стр. 63, строка 12.

Вместо: Дуванкѡй, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Дуванки,

Гл. 2.

Стр. 63, строка 12.

Слѡва: снова – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 63, строка 13.

Вместо: шедшим – в изд. 1856 г.: шедших

Стр. 63, строка 13 – 14.

Вместо: столпившимся – в изд. 1856 г.: столпившихся

Стр. 63, строка 14.

Слов: Повозка принуждена была остановиться. – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 63, строка 21.

Вместо: губерни, – в изд. 1856 г.: губернии,

Стр. 63, строка 25.

Вместо: Сказывали, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Сказывают,

Стр. 63, строка 26.

Вместо: на прошлой – в «Совр.» и изд. 1856 г.: в прошлой

Стр. 63, строка 29.

Слов: с наслаждением – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 63, строка 30.

Вместо: белѡсом – в корр. и «Совр.»: белесоватом

Стр. 63, строки 30–31.

Вместо: с полдѡн – в «Совр.» и изд. 1856 г.: с полдня

Стр. 63, строки 31–33.

Слов: что и не ходи лучше, а здесь упади кончая: дело–то лучше будет. (по корр.) – нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 63, строки 39 – стр. 64, строка 1.

Вместо: не накладывая ее, расковырял в корр.: не накладывал, расковырял – в «Совр.»: не накладывая, расковырял – в изд. 1856 г.:

не накладывая, а расковырял

Стр. 64, строка 1.

Вместо: прижженный – в корр. сначала было: предрянной – в изд. 1856 г.: пригорелый

Стр. 64, строки 5–7.

Слов: – Эх, обождал бы лучше! кончая: пробормотал прохожий, – нет в «Совр.».

Стр. 64, строка 5.

Слова: протяжно – нет в изд. 1856 г.

Стр. 64, строки 8–9.

Слов: видно, тоже харбуза купить повечерять, вишь что говорят люди. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Гл. 3.

Стр. 64, строки 13–14.

Вместо: который перебранивался – в рукописи и изд. 1856 г.: который продолжал перебраниваться

Стр. 64, строка 20.

Вместо: с стаканом чая – в «Совр.»: с стаканом чаю – в изд. 1856 г.: со стаканом чаю

Стр. 64, строка 23.

Вместо: офицерик, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: офицер:

Стр. 64, строка 24.

Слово: Крамперу – взято по рукописи, где потом было вычеркнуто карандашом; в «Совр.» и изд. 1856 г. его нет.

Стр. 64, строка 29.

Вместо: с ними – в «Совр.» и изд. 1856 г.: с ним

Стр. 64, строки 29–30.

Вместо: он и потерял – в «Совр.»: он потерял

Стр. 64, строка 38 – стр. 65, строка 1.

Слов: когда такие распоряжения: – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 65, строка 13.

Слова: был – нет в рукописи; в корр: дополнено рукою не Толстого.

Стр. 65, строка 15.

Слов: наверное сделанном из женского капота, – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 65, строка 15.

Вместо: доливал – в «Совр.» и изд. 1856 г.: наливал

Стр. 65, строки 24–28.

Слов: Не то, чтобы видно было презрение кончая: даже до желанья скрыть его. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 65, строка 28.

Вместо: доходящее – в рукописи и изд. 1856 г.: доходящего

Стр. 65, строка 29.

Слова: губастый – нет в «Совр.».

Стр. 65, строки 37–38.

Вместо: прибыть – в «Совр.» и изд. 1856 г.: приехать

Стр. 65, строки 38 – стр. 66, строка 4.

Со слов: В офицере же с сумкой, до конца главы – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 66, строка 2.

Слова: Козельцов – нет в изд. 1856 г.

Стр. 66, строка 3.

Вместо: не только не любил, но был возмущен против штабных, – в изд. 1856 г.: не любил он «штабных»

Стр. 66, строка 4.

Слова: он – нет в изд. 1856 г.

Гл. 4.

Стр. 66, Строка 5.

Вместо: 4. – в рукописи ошибочно глава названа 5.

Стр. 66, строка 8.

Вместо: дело будет, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: будет дело.

Стр. 66, строка 16.

Вместо: офицерик – в «Совр.» и изд. 1856 г.: офицер

Стр. 66, строка 20.

Вместо: много этого – в «Совр.» и изд. 1856 г.: много того

Стр. 66, строка 23.

Вместо: ежели бы – в «Совр.» и изд. 1856 г.: если бы

Стр. 66, строка 25.

Слово: своей – в «Совр.» курсивом.

Стр. 66, строка 30.

Вместо: уронил этот, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: уронил тот:

Стр. 67, строки 1–2.

Вместо: нам говорили. Но она крепкая такая. – в «Совр.» изд. 1856 г.: Нам говорили, она крепкая такая.

Стр. 67, строка 9.

Вместо: что в Одессе. – в «Совр.»: что не там.

Стр. 67, строка 10.

Вместо: А в Симферополе – в «Совр.» и изд. 1856 г.: В Симферополе

Стр. 67, строки 12–14.

Слов: Можете себе представить, кончая: как неприятно. – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 67, строка 13.

Перед словом: канцелярию – в рукописи пропущено: в

Стр. 67, строка 13.

Слов: в одну; – нет в изд. 1856 г.

Стр. 67, строка 20.

Вместо: об вас, обо всех – в «Совр.» и изд. 1856 г.: о вас, о всех

Стр. 67, строка 28.

Вместо: ежели – в «Совр.» и изд. 1856 г.: если

Стр. 67, строка 37.

Вместо: дадут так? – в «Совр.» и изд. 1856 г.: дадут там?

Стр. 67, строки 39 – стр. 68, строка 2.

Слов: – И я думаю, до конца главы – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 67, строка 39.

Вместо: что, может быть, так дадут, – в изд. 1856 г.: что там дадут,

Гл. 5.

Стр. 68, строка 3.

Вместо: 5. – в рукописи глава ошибочно названа: 6. Вся глава перечеркнута карандашом. В корр. и во всех изданиях до 12-го отсутствует.

Стр. 68, строка 20.

Вместо: поезжайте – в рукописи описка: приезжайте

Стр. 68, строка 39.

Вместо: патриотизмом. – в рукописи исправлено рукой Толстого: патриотическим героизмом.

Гл. 6.

Стр. 70, строка 1.

Вместо: 6. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: V.

Стр. 70, строка 6.

Вместо: Офицер, ехавший из П., даже – в «Совр.»: Офицер, ехавший из Петербурга, даже – в изд. 1856 г.: Один офицер даже

Стр. 70, строка 7.

Вместо: молодому офицеру. – в изд. 1856 г.: другому.

Стр. 70, строка 11.

Вместо: глазками – в «Совр.» и изд. 1856 г.: глазами

Стр. 70, строки 14–15.

Слов: серебристым звучным голосом – нет в изд. 1856 г.

Стр. 70, строка 34.

Вместо: наши (курсив Толстого) – в рукописи: все наши (курсив Толстого), в изд. 1856 г.: все

Стр. 70, строка 35 – стр. 71, строка 13.

Слов: – Ах, да! – отвечал меньшей, кончая: гадко стало, что я желал – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 71, строка 4.

Вместо: драло – в рукописи: драла

Стр. 71, строки 8–9.

Вместо: ну, и пошло. Выпустили в армию. Потом обещали меня перевести в гвардию, (поправка в корр.)– в рукописи: баллы, ну и не выпустили в гвардию. Мне обещали потом перевести.

Стр. 71, строка 13–14.

Вместо: поскорей в Севастополь. Да впрочем, ведь ежели здесь – в«Совр.»: – Поскорей в Севастополь хотелось, отвечал младший: – ведь если здесь – в изд. 1856 г.: – Поскорей в Севастополь хотелось: ведь если здесь.

Стр. 71, строки 16–17.

Вместо: что же – в«Совр.» и изд. 1856 г.: что ж

Стр. 71, строка 21.

Вместо: просил, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: просился,

Стр. 71, строка 30.

Вместо: привыкаешь – в «Совр.» и изд. 1856 г.: привыкнешь

Стр. 71, строки 38–40.

Слов: Ты знаешь, кончая: я везде бывал в Москве... – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 72, строка 3.

Вместо: те же – в «Совр.» и изд. 1856 г.: тоже

Стр. 72, строки 8–9.

Вместо: открытее и светлее, – в «Совр.»: открытые и светлые.

Стр. 72, строка 10.

Вместо: пробивал – в «Совр.» и изд. 1856 г.: пробивался

Стр. 72, строка 20.

Слова: вообще – нет в рукописи и изд. 1856 г.

Стр. 72, строки 20–21.

Слов: которого, по правде сказать, он и сам не имел, – нет в рукописи и изд. 1856 г.: дополнение в корр.

Стр. 72, строки 23–24.

Вместо: и даже надеялся, ежели можно, образовать его. – в рукописи и «Совр.»: и даже хотел образовать его.

Гл. 7.

Стр. 72, строка 28.

Вместо: 7. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: VI.

Стр. 72, строка 29.

Вместо: Наговорившись – в изд. 1856 г.: Наговорясь

Стр. 72, строка 37.

Вместо: И прекрасно! – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Прекрасно!

Стр. 73, строка 1.

Со слов: Но, не отворяя – в «Совр.» не красная строка.

Стр. 73, строка 3.

Со слов: «Сейчас прямо – в «Совр.» не красная строка.

Стр. 73, строка 3.

Вместо: в этот ад – ужасно! – в изд. 1856 г.: под бомбы... ужасно!

Стр. 73, строки 6–7.

Вместо: севши в тележку, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: сев в тележку,

Стр. 73, строки 9–10.

Вместо: смутился, испугался одной мысли – в «Совр.»: смутился одной мысли – в изд. 1856 г.: смутился при одной мысли

Стр. 73, строка 10.

Вместо: о близости ее, (по изд. 1856 г.) – в рукописи и «Совр.» о близкой опасности,

Стр. 73, строка 12.

Вместо: что старший отворил – в рукописи и изд. 1856 г.: что этот последний отворил. Слово: старший – поправка в корр.

Стр. 73, строка 13.

Слов: в положении провинившегося школьника, (выброшены в корр.) – нет в «Совр.».

Стр. 73, строка 14.

Вместо: с офицером из П. – в изд. 1856 г.: с офицером П.

Стр. 73, строки 24–25.

Вместо: который из П. едет. – в изд. 1856 г.: что ты там видел.

Стр. 73, строка 27.

Слова: ты – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 73, строка 33.

Вместо: ежели бы – в «Совр.» и изд. 1856 г.: если бы.

Стр. 73, строка 39.

Вместо: две – в рукописи: 2.

Стр. 74, строка 2.

Со слов: Сказав, что – в «Совр.» не красная строка.

Стр. 74, строки 2–5.

Слова: Сказав, что кончая: ни за что не трогать. – в «Совр.» поставлены в скобки.

Стр. 74, строка 6.

Вместо: Козельцов 2-й с преферансом – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Козельцов, и с преферансом.

Стр. 74, строка 7.

Слов: офицеру из П. – нет в корр. и изд. 1856 г.

Стр. 74, строка 11.

Вместо: Младший – в изд. 1856 г.: Младший брат

Стр. 74, строки 14–15.

Вместо: произвели в его впечатлительной натуре такое – в «Совр.»:
произвели на впечатлительную натуру Володи такое – в изд. 1856 г.:
произвели на впечатлительную натуру такое

Стр. 74, строка 15.

Вместо: болезненное (поправка в корр.) – в рукописи: болезненно-
слабое

Стр. 74, строка 16.

Вместо: не отвечал, чувствуя, – в изд. 1856 г.: не отвечал.
Чувствуя,

Стр. 74, строки 17–18.

Вместо: к горлу. Он взял – в изд. 1856 г.: к горлу, он взял

Гл. 8.

Стр. 74, строка 19.

Вместо: 8. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: VII.

Стр. 74, строка 20.

Вместо: в Дуванкѡй – в «Совр.» и изд. 1856 г.: в Дуванке

Стр. 74, строка 22.

Вместо: повозочка – в «Совр.» и изд. 1856 г.: повозка

Стр. 74, строки 30–31.

Вместо: со врагом: – в «Совр.» и изд. 1856 г.: с врагом:

Стр. 74, строки 35–36.

Слов: и он ущипнул себя за пушок, показавшийся у краев рта. – нет в
«Совр.»

Стр. 75, строки 3–4.

Вместо: делает вид, что будто – в рукописи: делает, что будто – в
корр. и «Совр.»: делает, как будто

Стр. 75, строка 10.

Вместо: кончено, – в изд.1856 г.: конечно;

Стр. 75, строка 13.

Вместо: подбегу, – в изд. 1856 г.: побегу,

Стр. 76, строка 1.

Вместо: Нет, – так. За то, что у нас было. Так, ничего. (поправка корр.) – в«Совр.»: – Нет, так... За то, что... Так, ничего. – в рукописи и изд.1856 г.: Нет, так... что у нас было так... ничего.

Стр. 76, строка 4.

Вместо: ежели – в «Совр.» и изд. 1856 г.: если

Гл. 9.

Стр. 76, строка 7.

Вместо: 9. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: VIII.

Стр. 76, строка 8.

Вместо: это уж – в«Совр.» и изд. 1856 г.: это уже.

Стр. 76, строки 13–14.

Вместо: стоявшие (по корр.) – в рукописи: стоявши – в изд. 1856 г.: стоявшим.

Стр. 76, строка 16.

Вместо: увидал – в изд. 1856 г.: увидел.

Стр. 76, строки 19–20.

Слов: на это действительно прелестно–оригинальное зрелище, и смотрел – нет в корр.

Стр. 76, строка 25.

Слова: нового городка (курсив Толстого)– в изд.1856 г.не курсивом.

Стр. 76, строка 27.

Вместо: заплетенным – в рукописи и изд.1856 г.: построенным.

Стр. 76, строка 29.

Вместо: складным – в изд.1856 г.: грязным.

Стр. 76, строка 30.

Слов: с папиросной золой и – нет в изд. 1856 г.

Стр. 76, строки 31–32.

Вместо: в одной желтовато-грязной рубашке, – в рукописи: в одной грязной желтоватой-грязной рубашке (слово: грязной в рукописи очевидно случайно не вычеркнуто).

Стр. 76, строка 34.

Вместо: попристальнее – в изд. 1856 г.: пристальнее.

Стр. 76, строки 35–36.

Слова: и знать хоть немного его образ жизни и занятия. – в рукописи карандашом, рукою не Толстого, переделаны в: познакомиться хоть немного с его образом жизни и занятиями – так и в изд. 1856 г. – В«Совр.»: познакомиться хоть немного с его образом жизни и занятиями. Восстанавливаем первоначальный текст по рукописи.

Стр. 76, строка 37.

Вместо: и удобен, – в рукописи и изд. 1856 г.: и удобно построен.

Стр. 76, строка 38.

Вместо: как только строят – в изд. 1856 г.: как строят только.

Стр. 77, строка 4.

Вместо: на нем – в рукописи и изд. 1856 г.: описка: на ней.

Стр. 77, строка 5.

Слова: кожаная – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 77, строка 10.

Вместо: перстня – в изд. 1856 г.: пера.

Стр. 77, строка 11.

Вместо: разбросанные – в изд. 1856 г.: набросанные.

Стр. 77, строка 12.

Слова: портера – нет в изд. 1856 г.

Стр. 77, строка 12.

Вместо: портера – в «Совр.»: потеру.

Стр. 77, строки 14–15.

Слов: занимающийся тоже какими-то операциями – нет в«Совр.».

Стр. 77, строка 15.

Слов: тоже какими-то – нет в изд. 1856 г.

Стр. 77, строка 19.

Вместо: Неприятна была в нем – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Неприятны были в нем.

Стр. 77, строки 20–21.

Вместо: скрывавшая почти – в «Совр.» и изд. 1856 г.: почти скрывавшая.

Стр. 77, строка 28.

Слова: как будто пойманный на воровстве весь – в рукописи зачеркнуты карандашом; их нет в«Совр.» и изд. 1856 г.Исключено цензурой.

Стр. 77, строка 32.

Вместо: упрятывая – в изд.1856 г.: укладывающая.

Стр. 77, строка 33.

Слова: прямо – нет в изд. 1856 г.

Стр. 77, строка 36.

Вместо: вставая и не обращая – в«Совр.» и изд. 1856 г.: вставая, не обращая

Стр. 77, строка 37.

Вместо: гостей, уходя – в«Совр.» и изд. 1856 г.: гостей и уходя

Стр. 77, строка 38.

Слова: оттуда. – нет в«Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 77, строка 39.

Вместо: Михайлыч, – в рукописи: Михайлович

Стр. 77, строка 40.

Слов: Володя был поражен кончая: робко садясь на диван.– нет в«Совр.»Исключено цензурой.

Стр. 78, строки 4–5.

Вместо: простой, очень храбрый и гостеприимный, подумал он, – в

рукописи: простой, но гостеприимный, подумал он – в изд.1856 г.:
простой, но гостеприимный и храбрый, подумал он

Стр. 78, строки 6–7.

Слов: спросил через палатку старший брат. – нет в«Совр.»

Стр. 78, строка 11.

Слова: вчера – нет в«Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 78, строка 15.

Вместо: из палатки. – в«Совр.» и изд.1856 г.: из-за палатки.

Стр. 78, строка 19.

Вместо: осьмой час. – в рукописи и изд. 1856 г.: пятый час

Стр. 78, строка 21.

Слов: приятно картавя на буквах л и р. – нет в изд. 1856 г.

Стр. 78, строка 24.

Вместо: Дай портеру. Симферопольского! – в рукописи,«Совр.» и
изд.1856 г.: Дай портеру симферопольского!

Стр. 78, строки 26–27.

Вместо: вошел в балаган и из-под него, даже толкнув офицера, достал
портер. – в изд. 1856 г.: вошел в балаган и, толкнув Володю, достал
портер из-под лавки.

Стр. 78, строка 26.

Вместо: толкнув офицера, – в рукописи: толкнув его,

Стр. 78, строки 28–39.

Слов: Да, батюшка, сказал обозный офицер, кончая: пьет портер этого
офицера. – нет в «Совр.» и изд. 1856. г. Исключено цензурой.

Стр. 78, строка 33.

Вместо: такой же скряга будет. – в корр.: таким же будет.

Стр. 78, строка 40 – стр. 79, строка 1.

Вместо: продолжался уже довольно – в «Совр.» и изд.1856 г.:
продолжался довольно

Стр. 79, строка 3.

Слòва: атласном – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 79, строка 3.

Вместо: в фуражке – в рукописи описка: и фуражкой

Стр. 79, строка 4.

Вместо: вышел, – в изд. 1856 г.: явился,

Стр. 79, строка 7.

Слòва: он, – в рукописи нет.

Стр. 79, строка 15.

Вместо: ежели бы – в «Совр.» и изд. 1856 г.: если бы

Стр. 79, строка 15.

Вместо: опостыла, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: опостылела,

Стр. 79, строки 15–16.

Вместо: эта собачья жизнь! – в «Совр.»: эта жизнь. (Изменено цензурой). – в изд. 1856 г.: эта жизнь проклятая.

Стр. 79, строка 18.

Слов: еще вам бы не жизнь здесь! – нет в «Совр.».

Стр. 79, строки 20–21.

Слов: («про какую он говорит опасность, сидя на Северной», подумал Козельцов), – нет в изд. 1856 г.

Стр. 79, строка 22.

Слòва: всё – нет в изд. 1856 г.

Стр. 79, строка 28.

Слòва: презрительно – нет в «Совр.».

Стр. 79, строка 33.

Со слов: Что, он хороший человек, до конца главы – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 79, строка 36.

Вместо: – Ничего, только скупая шельма такая, что – в изд. 1856 г.: – Ничего, только так скуп, что

Стр. 79, строки 36–38.

Слов: Ведь он малым числом кончая: ведь ты видел. – нет в изд. 1856 г.

Стр. 79, строка 39.

Слов: Ведь эта каналья до конца главы – нет в изд. 1856 г.

Стр. 79, строка 40.

Слов: И Козельцов стал распространяться до конца главы – нет в корр.

Гл. 10.

Стр. 80, строка 4.

Вместо: 10. – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: IX.

Стр. 80, строка 12.

Вместо: называет – в изд. 1856 г.: называл

Стр. 80, строка 16.

Вместо: подъехав – в «Совр.» и изд. 1856 г.: подъехали

Стр. 80, строка 16.

Вместо: вышли – в «Совр.» и изд. 1856 г.: выйдя

Стр. 80, строка 17.

Вместо: ежели – в «Совр.» и изд. 1856 г.: если

Стр. 80, строка 17.

Вместо: на мосту, – в изд. 1856 г.: по мосту,

Стр. 80, строка 21.

Вместо: уж всё – в изд. 1856 г.: уже всё

Стр. 80, строка 22.

Вместо: ежели – в «Совр.» и изд. 1856 г.: если

Стр. 80, строка 29.

Вместо: орудийных – в изд. 1856 г.: оружейных – в «Совр.»: орудейных.

Стр. 81, строка 5.

В словах: крикнул он – в корр.: он вставка на поле.

Стр. 81, строка 6.

Вместо: у въезда. – в изд. 1856 г.: у выезда.

Стр. 81, строка 9.

Вместо: амунишные – в изд. 1856 г.: амуничные

Стр. 81, строки 9–10.

Вместо: сполностью – в изд. 1856 г.: с полностью

Стр. 81, строка 11.

Вместо: Эк, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Эх,

Стр. 81, строки 14–15.

Слов: не говори лучше, – нет в рукописи и изд. 1856 г.

Стр. 81, строка 20.

Вместо: Направо – в изд. 1856 г., вероятно ошибочно: Напрасно

Стр. 81, строки 21–22.

Вместо: бесконечно–ровной – в «Совр.» и изд. 1856 г.: бесконечной,
ровной

Стр. 81, строка 23.

Вместо: в слиянии – в изд. 1856 г.: в сиянии

Стр. 81, строка 23.

Вместо: и далеко – в «Совр.» и изд. 1856 г.: далеко

Стр. 81, строка 24.

Вместо: чернела темная масса – в рукописи: темнела масса

Стр. 81, строка 26.

Вместо: двигавшийся – в изд. 1856 г.: двигающийся

Стр. 81, строка 27.

Вместо: осветил мгновенно – в «Совр.»: мгновенно осветил

Стр. 81, строка 29.

Вместо: разрезаемых – в рукописи и изд. 1856 г.: разрезанных

Стр. 81, строка 30.

Вместо: спустив – в «Совр.» и изд. 1856 г.: опустив

Стр. 81, строки 30–31.

Вместо: какой-то матрос – в рукописи и изд. 1856 г.: какой-то человек

Стр. 81, строка 31.

Вместо: и топором рубил что-то. – в изд. 1856 г.: и чинил что-то в понтоне.

Стр. 81, строка 32.

Вместо: громче и громче – в «Совр.» и изд. 1856 г.: громче, громче

Стр. 81, строка 37.

Вместо: с свистом – в изд. 1856 г.: со свистом

Стр. 81, строка 38.

Вместо: Михаил – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Михайло

Стр. 81, строка 39.

Вместо: уж совсем – в «Совр.» и изд. 1856 г.: уже совсем

Стр. 82, строки 3–4.

Слов: а по 5 патронов в суме нет. Отличные распоряжения! – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 82, строка 7.

Вместо: его застанете, – в изд. 1856 г.: его знаете?

Стр. 82, строка 7.

Слов: он на перевязочном пункте. – нет в рукописи и изд. 1856 г.

Стр. 82, строка 11.

Вместо: на Морской – в изд. 1856 г.: по Морской,

Стр. 82, строка 18.

В словах: ударит его слово: его – вставка в корр.

Стр. 82, строка 22.

Слова: русскую – нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 82, строка 22.

Вместо: по эту сторону – в рукописи и изд. 1856 г.: по ту сторону

Стр. 82, строка 23.

Вместо: вернулся – в рукописи описка: вернулся бы

Стр. 82, строка 37.

Слòва: Инстинктивно. – нет в«Совр.».

Стр. 82, строка 39.

Вместо: рёву – в «Совр.» и изд. 1856 г.: к рёву

Стр. 83, строка 4.

Со слов: Повернув в коридор – в«Совр.» красная строка.

Гл. 11.

Стр. 83, строка 7.

Вместо: 11. – в рукописи ошибочно: 12. – в «Совр.» и изд. 1856 г.:
X.

Стр. 83, строка 9.

Слòва: этим – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 83, строки 9–10.

Слов: отвратительно–ужасным – нет в«Совр.».

Стр. 83, строка 17.

Слов: обкладывавшего ей лицо, – нет в изд. 1856 г.

Стр. 83, строки 17–18.

Вместо: шла руки в карманах передника, потупившись, подле – в
«Совр.»: шла руки в карманах передничка, подле – в изд. 1856 г.:
руки в карманах передничка, шла подле

Стр. 83, строка 25.

Слòва: Гм! – нет в изд. 1856 г.

Стр. 83, строка. 26.

Вместо: а сама – в «Совр.» и изд. 1856 г.: и сама

Стр. 83, строка 33.

Вместо: – Ах, Боже мой! Ах, Боже мой! – в рук.: – Ах, Боже мой!

Стр. 83, строка 39.

Вместо: на Володю и вдруг – в изд. 1856 г.: на Володю вдруг

Стр. 84, строка 3.

Со слов: Они вошли – в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.

Стр. 84, строка 4.

Вместо: до локтей – в рукописи: до локтя

Стр. 84, строка 11.

Слова: было – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 84, строки 14–15.

Вместо: мне хорошо, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: так хорошо.

Стр. 84, строка 16.

Вместо: Здравствуйте! – в рукописи: Здравствуй!

Стр. 84, строка 16.

Вместо: зовут, извините, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: зовут? Извините.

Стр. 84, строки 19–20.

Слов: без всякого выражения удовольствия, – нет в рукописи, корр. и «Совр.».

Стр. 84, строка 22.

Слово: полный (курсив Толстого) – в рукописи и изд. 1856 г. не курсивом.

Стр. 84, строка 24.

Вместо: вздернул ногу и, промывав что-то, закрыл – в рукописи и изд. 1856 г.: вздернул ноги и, продолжая с усиленной быстротой шевелить пальцами, закрыл

Стр. 84, строка 26.

Вместо: уж он очень плох. – в рукописи первоначально было: у него уж антонов огонь начался. – Этот текст введен только в 12-е издание.

Стр. 84, строка 27.

Слòва: вместе – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 84, строка 29.

Вместо: напрасно – в «Совр.» и изд. 1856 г.: напрасной

Стр. 84, строки 29–30.

Вместо: опасности и итти каждому порознь. – в изд. 1856 г.: опасности и ничего не говоря об этом предмете, решили идти каждому порознь.

Стр. 84, строка 32.

Слòва: тебя – нет в рукописи; взято из корр.

Стр. 84, строки 34–35.

Слов: Больше ничего не было кончая: между двумя братьями. – нет в рукописи и «Совр.».

Гл. 12.

Стр. 84, строка 36.

Вместо: 12. – в рукописи ошибочно: 13. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: XI.

Стр. 84, строка 38.

Вместо: с следовавшим – в изд. 1856 г.: со следовавшим

Стр. 84, строка 39.

Слòва: совсем – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 85, строка 3.

Вместо: шел; изредка (по «Совр.» и изд. 1856 г.) – в рукописи: шел, и изредка

Стр. 85, строка 4.

Вместо: стороне около – в изд. 1856 г.: стороне улицы около.

Стр. 85, строки 4–5.

Слово: адмиралтейства, – в «Совр.» и изд. 1856 г. с прописной буквы.

Стр. 85, строка 6.

Вместо: посаженные – в «Совр.» и изд. 1856 г.: насаженные

Стр. 85, строки 9 – 19.

Вместо: сестра, нога – в изд. 1856 г.: сестра милосердия, нога

Стр. 85, строка 14.

Слов: в то время как он был – нет в рукописи и изд. 1856г.

Стр. 85, строка 16.

Вместо: героической жизни, – в изд.1856 г.: жизни героя.

Стр. 85, строка 18.

Вместо: не нарушал – в корр., «Совр.» и изд. 1856 г.: не нарушая.

Стр. 85, строка 19.

Вместо: через Малый Корабельный мост, он увидал, – в рукописи: через *** мост, он увидал, – в корр.: через малый Корабельный мост, он увидел, – в «Совр.»: через, Малый корабельный мост, он увидел, – в изд. 1856 г.: через мост, ведущий на Корабельную, он увидел,

Стр. 85, строка 23.

Вместо: сказал – в рукоп.и изд. 1856 г.: сказал хрипло (слово: хрипло выброшено в корр.)

Стр. 85, строка 25.

Вместо: тоненьким, тоненьким пискливым – в «Совр.» и изд. 1856 г.: тоненьким, пискливым

Стр. 85, строка 32.

Слов: меня на свете», – нет в рукописи и изд. 1856 г.

Стр. 85, строка 32.

Слов: с ужасом бедный – нет в«Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 85, строка 36.

Слов: Пьяная, растерзанная – нет в«Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 85, строка 38.

Со слов: – Потому, коли бы – в «Совр.» и изд.1856 г.не красная строка.

Стр. 85, строка 39.

Вместо: ваш благородие – в«Совр.» и изд. 1856 г.: ваше благородие

Стр. 85, строка 40.

Со слов: Сердце всё больше – в«Совр.» и изд.1856 г.не красная строка.

Стр. 86, строки 2–3.

Слова: глубоко – нет в изд. 1856 г.

Стр. 86, строка 4.

Вместо: гробовым голосом. – в рукописи: мертвым гробовым голосом – в изд. 1856 г.: испуганно–сдержанным голосом. (Слово: мертвым исключено в корр.)

Стр. 86, строка 5.

Слова: всё – нет в«Совр.».

Стр. 86, строки 6–8.

Слов: Которые умные господа, кончая: что лучше не надо. – нет в«Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 86, строка 10.

Вместо: разогнать чувство, – в рукописи и изд. 1856 г.: разогнать ужасное чувство, (Слово: ужасное исключено в корр.)

Стр. 86, строка 12.

Вместо: настоящие – в рукописи и изд. 1856 г.: настояще

Стр. 86, строки 12–13.

Вместо: и те, которые умные есть, живут в ошпитале – в рукописи: и те, которые умны, живут в ошпитале – в«Совр.» и изд. 1856 г. (поправка цензуры): и тем, лучше бы жить в ошпитале

Стр. 86, строка 16.

Вместо: перечитаешь. – в изд. 1856 г.: перечитываешь.

Стр. 86, строка 20.

Вместо: сполнять; – в«Совр.»: сполнить; – в изд.1856 г.: исполнить;

Стр. 86, строка 20.

Слова: главное – нет в изд. 1856 г.

Стр. 86, строка 32.

Вместо: посереди – в «Совр.» и изд. 1856 г.: посреди

Стр. 86, строки 35–36.

Вместо: за которого я с – в «Совр.» и изд. 1856 г.: которого с

Стр. 86, строка 36.

Слова: так – нет в изд. 1856 г.

Стр. 86, строки 36–37.

Слов: я не могу умереть честно? – нет в изд. 1856 г.

Стр. 86, строки 39–40.

Вместо: и подошел к нему. – в изд. 1856 г.: и пошел по указанному направлению.

Гл. 13.

Стр. 87, строка 1.

Вместо: 13. – в рукописи ошибочно: 14. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: XII.

Стр. 87, строка 3.

Вместо: с двора. – в рукописи и изд. 1856 г.: со двора.

Стр. 87, строка 12.

Вместо: фельдфебель – в рукописи здесь и дальше везде: фельдвобель.

Стр. 87, строка 12.

Вместо: на которой – в изд. 1856 г.: на котором

Стр. 87, строка 23.

Вместо: а батарейный – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Батарейный

Стр. 87, строка 27.

Вместо: человек, – в изд. 1856 г.: человек

Стр. 87, строка 29.

Вместо: закрывавшими – в изд. 1856 г.: закрывшими

Стр. 87, строка 29.

Слова: большими, – нет в изд. 1856 г.

Стр. 87, строка 31.

Вместо: вывернутые, ступавшие – в рукописи и изд. 1856 г.:
вывернутые и ступавшие

Стр. 87, строка 32.

Вместо: доказывавшим, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: показывавшим,

Стр. 88, строка 2.

Вместо: Францук – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Францук

Стр. 88, строка 14.

Со слов: Но подполковник – в «Совр.» не красная строка.

Стр. 88, строки 17–19.

Слов: – Прапорщика–с? – кончая: «ну что это за прапорщик, – нет
в«Совр.»

Стр. 88, строка 19.

Вместо: «ну что это – в изд.1856г.: «что это

Стр. 88, строки 19–20.

Слов: и стоит ли его помещать куда–нибудь?» – нет в «Совр.» и изд.
1856г.

Стр. 88, строка 20.

Со слов: – Да вот–с внизу, – в«Совр.» и изд. 1856г. красная строка.

Стр. 88, строки 21–22.

Вместо: их благородие, – продолжал он, подумав немного: – теперь –
в«Совр.»: их благородие, сказал фельдфебель, еще более смущая Володю
беглым, брошенным на него взглядом: – теперь

Стр. 88, строки 27–28.

Вместо: когда Володя – в рукописи и изд. 1856 г.: когда он –
в«Совр.»: когда Володя

Стр. 88, строка 28.

Вместо: уж – в «Совр.» и изд.1856г.: уже

Стр. 88, строка 34.

Слова: было – нет в изд.1856г.

Стр. 88, строка 36 – 37.

Слов: прибавил он, обращаясь к прапорщику. – нет в рукописи и «Совр.»
Слова: прибавил он – прибавка корр.; обращаясь к прапорщику. –
прибавка изд.1856г.

Гл. 14.

Стр. 89, строка 4.

Вместо: 14. – в рукописи ошибочно: 15. – в «Совр.» и изд. 1856г.:
XIII.

Стр. 89, строка 6.

Вместо: было – в «Совр.»: был (Опечатка).

Стр. 89, строки 6–7.

Вместо: было отвращение к тому беспорядочному безотрадному
состоянию, – в рукописи и изд.1856 г.: был страх того
беспорядочного, безотрадного состояния

Стр. 89, строка 8.

Вместо: а главное, – в рукописи, «Совр.» и изд. 1856г.: и главное,

Стр. 89, строка 10.

Вместо: закрылся о головою, – в изд. 1856 г.: закрылся ею с головою,

Стр. 89, строка 11.

Слов: с детства – нет в рукописи, корр. и «Совр.».

Стр. 89, строка 15.

Со слов: Впрочем, ежели – в «Совр.» не красная строка.

Стр. 89, строка 15.

Вместо: ежели – в «Совр.» и изд. 1856 г.: если

Стр. 89, строка 15.

Слово: он, – в рукописи пропущено.

Стр. 89, строка 23.

Вместо: тяжелому – в «Совр.» и изд. 1856 г.: тяжкому

Стр. 89, строки 26–28.

Вместо: непрерывающих заставлявших дрожать стекла в единственном
окне звуках бомбардирования и снова – в изд. 1856 г.: непрерывающих
звуках, заставлявших дрожать стекла в единственном окне и снова

Стр. 89, строка 28.

Вместо: об опасности: – в рукописи: о опасности:

Стр. 89, строка 34.

Слова: добром, – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 89, строка 34.

Слово: который – в «Совр.» и изд. 1856 г. с прописной буквы.

Стр. 90, строка 1.

Вместо: ежели – в «Совр.» и изд. 1856 г.: если

Стр. 90, строка 2.

Вместо: думал – в изд. 1856 г.: подумал

Стр. 90, строка 4.

Слова: но – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 90, строка 10.

Слова: треска, – нет в изд. 1856 г.

Стр. 90, строки 13–14.

Вместо: раскаяния и страдания, которые – в рукописи: раскаяния, просьбы исцеления страданий, спасения и просветления души, которые – в изд. 1856 г.: раскаяния, просьбы исцеления тела и просветления души, которые

Стр. 90, строка 16.

Слов: завтраке и – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 90, строка 16.

Вместо: но с страхом – в изд. 1856 г.: и со страхом – в корр. и «Совр.»: но со страхом

Стр. 90, строка 17.

Вместо: до измученного, голодного, вшивого солдата, – в корр.: до измученного солдата, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: до простого солдата, Заменено цензурой.

Стр. 90, строка 19.

Слова: скорее – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 90, строка 19.

Слово: Там – в изд.1856 г.с строчной буквы.

Стр. 90, строка 20.

Слòва: незаслуженные – нет в«Совр.» и изд. 1856г. Исключено цензурой.

Стр. 90, строка 20.

Слов: Да, Ты не уставал до конца главы – нет в корр., «Совр.» и изд. 1856г.

Гл. 15.

Стр. 90, строка 24.

Вместо: 15. – в рукописи ошибочно: 16. – в«Совр.» и изд.1856 г.: XIV.

Стр. 90, строка 29.

Вместо: аж через несеть, – в«Совр.» и изд. 1856г.: уж через несет,

Стр. 90, строки 30–31.

Слов: сказал солдат, кончая: по той стороне улицы. – нет в рукописи и«Совр.».

Стр. 90, строка 36.

Слов: когда он был в Севастополе; – нет в рукописи,и«Совр.».

Стр. 90, строка 37.

Слово: было в рукописи пропущено.

Стр. 91, строка 2.

Слòва: теперь – нет в«Совр.» и изд.1856 г.

Стр. 91, строка 4.

Вместо: напряженности. – в рукописи и изд.1856 г.: усиленности.

Стр. 91, строка 7.

Вместо: мгновенно – «Совр.»: на мгновение – в изд. 1856 г.: изредка на мгновение

Стр. 91, строка 10.

Слово: полка – в рукописи, и «Совр.» поставлено в скобки

Стр. 91, строка 15.

Вместо: огонь. – в рукописи, корр. и «Совр.»: свет.

Стр. 91, строка 19.

Вместо: ежели – в «Совр.» и изд. 1856 г.: если

Стр. 91, строки 21–22.

Слов: когда славянские земли ... – нет в «Совр.».

Стр. 91, строка 23.

Слова: прежде – нет в изд. 1856 г.

Стр. 91, строки 25–26.

Вместо: висела – в рукописи и изд. 1856 г.: стояла

Стр. 91, строка 28.

Вместо: стояло – в «Совр.» и изд. 1856 г.: стояли

Стр. 91, строка 32.

Перед словами: он робел, – в корр. вычеркнуто: но – в изд. 1856 г. но осталось по ошибке.

Стр. 91, строки 32–33.

Слов: и поджилки у него затряслись – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 91, строка 34.

Вместо: этот полковник и – в рукописи: этот последний и – в корр. и «Совр.»: этот и (поправка в корр.)

Стр. 91, строки 35–38.

Слов: Притом и адъютант, кончая: и не хочу требовать». – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 91, строки 38–39.

Со слов: странно, – думал – в «Совр.» красная строка.

Стр. 92, строки 2–4.

Слов: эта власть, кончая: на богатстве полкового командира. – нет в «Совр.» и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 92, строка 4–16.

Слов: Давно ли, – кончая: чтобы быть на моем месте. – нет в «Совр.» – в рукописи зачеркнуты карандашом. Исключено цензурой.

Стр. 92, строки 7–11.

Слов: голландская рубашка кончая: квартирмейстера в Симферополе; – нет в корр. и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 92, строки 11–12.

Слов: аристократа богатства, – нет в изд. 1856 г.

Стр. 92, строка 12.

Вместо: которое – в изд. 1856 г.: которая

Стр. 92, строки 13–15.

Слов: не забывай, кончая: через руки, и – нет в изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 92, строка 24.

Вместо: могу–с. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: я могу–с.

Стр. 92, строка 34.

Слова: (не за что) – в рукописи между тире.

Стр. 92, строка 35.

Слов: Дисциплина и условие ее – до конца главы – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Гл. 16.

Стр. 93, строка 12.

Вместо: 16. – в рукописи ошибочно 17. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: XV.

Стр. 93, строка 14.

Слова: свою – нет в «Совр.».

Стр. 93, строка 16.

Вместо: осколки и бомбы, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: осколки, бомбы,

Стр. 93, строка 21.

Вместо: какая–то – в «Совр.» и изд. 1856 г.: но какая–то

Стр. 93, строка 29.

Слово: от – перед: самого входа – в рукописи пропущено.

Стр. 93, строка 29.

Вместо: наполнен – в рукописи: наполненным (Описка).

Стр. 93, строка 31–32.

Вместо: Другой солдатик (поправка в корр.) кончая: около самой свечки. – в «Совр.»: освещая книгу, которую читал другой. Около свечки – в рукописи и изд. 1856 г.: освещая книгу, которую по складам читал другой. Около свечки

Стр. 93, строка 32.

Слѡва: смрадном – нет в «Совр.».

Стр. 93, строки 34–35.

Слов: Книжка была азбука, и, входя в блиндаж, Козельцов услышал следующее: – нет в «Совр.».

Стр. 93, строка 34.

Вместо: и, входя в блиндаж, – в изд. 1856 г.: Входя в блиндажи,

Стр. 93, строка 34.

Слѡва: Козельцов – нет в рукописи и корр.; берем из изд. 1856 г.

Стр. 93, строка 35.

Вместо: услышал – в корр.: слышалось.

Стр. 93, строка 36.

Слова: «Страх ... смер-ти врожден-ное чувство человеку. – в рукописи зачеркнуты и карандашом рукой Толстого написано: Мо-ли-тва после уче-ния. Благодарю Те-бя Соз-дате-лю ... – так в «Совр.» и изд. 1856 г. По смыслу восстанавливаем текст рукописи, замененный в видах цензуры.

Стр. 93, строка 38.

Вместо: Бог... мой ... – в рукоп.: Бог ... есть.

Стр. 94, строка 3.

Вместо: через ноги и по ногам – в «Совр.» и изд. 1856 г.: через и по ногам

Стр. 94, строка 4.

Слово: их, – в рукописи пропущено; взято из изд. 1856 г.

Стр. 94, строка 5.

Вместо: вся – в«Совр.» и изд. 1856 г.: всё

Стр. 94, строка 10.

Вместо: сейчас было, – в«Совр.» и изд. 1856 г.: было сейчас,

Стр. 94, строка 11.

Со слов: В глубине – в«Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.

Стр. 94, строки 14–15.

Со слов: Здорово, ребята! – в«Совр.» красная строка.

Стр. 94, строка 16.

Вместо: желаем! – в изд. 1856 г.: желаю!

Стр. 94, строка 25.

Вместо: – Что же, они точно смелые, их благородие – в«Совр.»: – Что же, их благородие точно смелые ... – в изд. 1856 г.: – Что же, они, точно, смелые?

Стр. 94, строка 25.

Слово: они и расстановка слов и знаков препинания в этой фразе принадлежат корр.

Стр. 94, строки 25–26.

Со слов: ужасно какие смелые! – в«Совр.» и изд. 1856 г. красная строка.

Стр. 94, строки 26–29.

Вместо: сказал барабанщик кончая: хвастливого и неправдоподобного. – в«Совр.»: сказал обращаясь к другому солдату, барабанщик, не громко, но так, что слышно было, что он желал оправдать перед ним слова ротного командира и убедить товарища, что в них нет ничего хвастливого и неправдоподобного.

Стр. 94, строка 26.

Слово: что перед: слышно было – пропущено в рукописи.

Стр. 94, строка 27.

Вместо: как-будто – в рукописи: когда

Стр. 94, строки 28–29.

Вместо: что в них ничего нет – в изд. 1856 г.: что в этих словах ничего не было.

Гл. 17.

Стр. 94, строка 32.

Вместо: 17. – в рукописи ошибочно: 18. – в «Совр.» эта глава выпущена по цензурным соображениям, кроме начала: В большой комнате кончая: больше всего его товарищей. – присоединенного к предыдущей главе.

Стр. 94, строка 36.

Вместо: составляя – в «Совр.» и изд. 1856 г.: составляли

Стр. 95, строка 4.

Вместо: с знакомыми, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: знакомым

Стр. 95, строка 5.

Вместо: группе офицеров, – в изд. 1856 г.: группе, составившейся из нескольких офицеров.

Стр. 95, строки 5–6.

Вместо: между которыми было больше всего его товарищей. – (на этом кончается XV глава в «Совр.») – в изд. 1856 г.: Между ними были тоже его знакомые.

Стр. 95, строка 8.

Вместо: красивыми – в изд. 1856 г.: сухими

Стр. 95, строка 9.

Слова: с гербом, – прибавлены из изд. 1856 г.

Стр. 95, строка 10.

Вместо: скоро – в изд. 1856 г.: прямо

Стр. 95, строка 10.

Вместо: и только – в изд. 1856 г.: только

Стр. 95, строка 12.

Вместо: облокотившись, – в изд. 1856 г.: облокотясь,

Стр. 95, строка 12.

Слов: уже значительно выпивши, – нет в изд. 1856г.

Стр. 95, строка 16.

Вместо: он шевелил – в рукописи: шевелил

Стр. 95, строка 17.

Вместо: и играл – в изд. 1856 г.: Он играл

Стр. 95, строка 20.

Вместо: с огромным злым ртом, – в изд. 1856 г.: с огромным носом, ртом,

Стр. 95, строка 21.

Слòва: безусый – нет в изд. 1856 г.

Стр. 95, строки 34–35.

Вместо: выпив еще 3 рюмки водки и несколько стаканов портера, – в изд. 1856 г.: он выпил еще рюмку водки и несколько портера

Стр. 95, строка 34.

Слòва: водки – нет в рукописи:

Стр. 95, строки 35–36.

Слов: он был уже кончая: забвении действительности, – нет в изд. 1856 г.

Стр. 96, строка 12.

Слов: сильно опьяневший к этому времени и – нет в изд. 1856г.

Стр. 96, строка 18.

Слов: с честными людьми, – нет в изд. 1856г.

Стр. 96, строка 22.

Слов: честные люди – нет в изд. 1856г.

Стр. 96, строка 25.

Слòва: оставьте! – нет в изд. 1856 г.

Стр. 96, строки 26–32.

Слов: Но майор, казалось, кончая: воодушевляясь звуками своего голоса: – подлец! – нет в изд. 1856 г.

Стр. 96, строка 32.

Слово: подлец! – в рукописи вычеркнуто.

Стр. 96, строка 33.

Слов: глубоко-грустной – нет в изд. 1856г.

Стр. 96, строка 35.

Слово: и после слова: смерти – берем из изд. 1856г.

Гл. 18.

Стр. 97, строка 3.

Вместо: 18. – в рукописи ошибочно: 19. – в «Совр.»: XVI. – в корр. и изд. 1856 г.: XVII.

Стр. 97, строка 14.

Слов: будто бы – нет в«Совр.»

Стр. 97, строка 16.

Вместо: подтрунивал – в «Совр.» и изд. 1856 г. подтрунивая

Стр. 97, строка 17.

Вместо: обращался – в корр. и изд. 1856 г.: обращаясь

Стр. 97, строка 19.

Слов: на о и – нет в изд. 1856 г.

Стр. 97, строка 26.

Слова: только – нет в «Совр.» и изд. 1856г.

Стр. 97, строка 27.

Фамилия: Черновицкий, – в рукописи пишется то: Чернивацкий, то: Чернавицкий; сначала было: Иваницкий, потом впереди вместо: И – написано: Сержи, наконец: Черни. – В корр. и «Совр.»: Чернавицкий; – в изд. 1856г.: Черновицкий. Сохраняем написание изд. 1856 г.

Стр. 97, строка 30.

Слов: всё расспрашивал кончая: распоряжения и т. д., вообще – нет в«Совр.».

Стр. 97, строка 31.

Вместо: что делает государь – в изд. 1856 г.: что делают Государь

Стр. 97, строки 33–34.

Вместо: как мало встречаешь патриотизма, и какие делаются
неблагодарные распоряжения и т. д., – в изд. 1856 г.: как мало
было истинных патриотов,

Стр. 97, строка 34.

Слов: и т. д. – нет в рукописи.

Стр. 97, строки 34–35.

Вместо: вообще выказывал – в «Совр.»: Он выказывал

Стр. 97, строка 36.

Вместо: заученным – в изд. 1856 г.: неприятным

Стр. 98, строка 1.

Вместо: вспоминал, – в изд. 1856 г.: вспоминая,

Стр. 98, строка 2.

Вместо: приказывал подать – в изд. 1856 г.: подавал

Стр. 98, строка 4.

Вместо: как с офицером, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: как и с
офицером,

Стр. 98, строка 4–5.

Вместо: и не помыкал им, как мальчишкой – в «Совр.»: а не как с
мальчишкой,

Стр. 98, строка 8.

Слова: глупых – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 98, строка 19.

Вместо: что всё это было слишком хорошо, – в рукописи: что всё это
было так хорошо, – в корр. и «Совр.»: что всё было слишком хорошо, –
в изд. 1856 г.: всё было как-то хорошо.

Стр. 98, строка 20.

Вместо: чего-то в [нем] не доставало. – в «Совр.» и изд. 1856 г.:
чего-то не доставало.

Стр. 98, строка. 20.

В рукописи после слова недоставало вычеркнута следующая характеристика Краута: «В исполнении своего долга он был храбр и стоек как Севастополь, но порыва у него не было. Он никогда никому не бывал должен; но зато уже никто никогда [не] решался занимать у него; в обществе он был самый приятный собеседник, с глаза на глаза [sic] не то чтобы скучно, но как-то неловко было с ним оставаться».

Стр. 98, строка 22.

Вместо: практичен – в рукописи и изд. 1856 г.: praktisch

Стр. 98, строка 25.

Слова: весело – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 98, строка 28.

Вместо: покаместа – в «Совр.»: покаместь – в изд. 1856 г.: покамест

Стр. 98, строка 39.

Слово: починили (курсив Толстого) – в изд. 1856 г. не курсивом.

Стр. 98, строка 39.

Слов: В дребезги разбили станину. – нет в рукописи и «Совр.» (Добавление изд. 1856 г.).

Стр. 98, строка 40.

Вместо: встал – в рукописи: стал

Стр. 99, строки 1–2.

Вместо: вышедшего – в изд. 1856 г.: только что вышедшего

Стр. 99, строки 3–4.

Слова: капитана – нет в рукописи; вставка в корр.

Стр. 99, строка 16.

Вместо: обратился он – в «Совр.» и изд. 1856 г.: сказал он обратясь

Гл. 19.

Стр. 99, строка 20.

Вместо: 19. – в рукописи ошибочно: 20. – в «Совр.»: XVII. – в корр. и изд. 1856 г.: XVIII.

Стр. 99, строки 27–28.

Вместо: покаместа – в «Совр.»: покаместь – в изд. 1856 г.: покамест

Стр. 99, строка 37.

Слово: вы перед: всегда противоречите. – пропущено в рукописи.

Стр. 100, строка 2.

Слов: потому что ему нет расчета. – нет в «Совр.».

Стр. 100, строка 2.

Вместо: нет расчета. – в изд. 1856 г.: нет расчета отказать.

Стр. 100, строки 3–5.

Слов: Как нет расчета, кончая: не держать лишней лошади! – нет в «Совр.». Выпущено по цензурным соображениям.

Стр. 100, строка 9.

Вместо: засмеялся – в «Совр.» и изд. 1856 г.: заметил

Стр. 100, строки 10–13.

Слов: Нет, да что же вы говорите, кончая: ничего не оставалось! – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 100, строка 16 – стр. 101, строка 19.

Слов: Когда я буду батарейным командиром, кончая: молча продолжал слушать, – нет в «Совр.». Исключено цензурой.

Стр. 100, строка 20.

Вместо: брать доход, – в корр. и изд. 1856 г.: также поступать

Стр. 100, строка 20.

Слово: как – пропущено в рукописи, печатается по корр.

Стр. 100, строка 21.

Слов: будут остатки в карман класть, – нет в корр. и изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 100, строка 23.

Вместо: Крестьянович, – в изд. 1856 г.: Крестьяныч

Стр. 100, строки 26–27.

Вместо: покраснев до ушей, сказал Володя, – в изд. 1856 г.: сказал Володя, покраснев до ушей.

Стр. 100, строки 28–29.

Слова: дослужитесь до капитана, не то будете говорить. – в рукописи зачеркнуты карандашом; в корр. и изд. 1856 г. исключены цензурой.

Стр. 100, строка 30.

Вместо: ежели – в изд. 1856 г.: если

Стр. 100, строка 31.

Вместо: то я и не могу – в изд. 1856 г.: то я не могу

Стр. 100, строка 34.

Вместо: то у вас, ежели – в рукописи: то, ежели (у вас – зачеркнуто карандашом) – в корр. и изд. 1856 г.: то вы, если

Стр. 100, строка 34.

Вместо: ведете – в изд. 1856 г.: поведете

Стр. 100, строки 34–36.

Вместо: непременно остается кончая: от одних лошадей. (зачеркнуто в рукописи карандашом) – в корр. и изд. 1856 г.: Ну и ладно.

Стр. 100, строка 36.

Слова: Ну и ладно. – дополнены из изд. 1856 г.

Стр. 100, строка 38.

Вместо: ежели – в изд. 1856 г.: если

Стр. 101, строка 1.

Слова: на канцелярию – три, – дополнение изд. 1856 г.

Стр. 101, строки 2–3.

Слов: а ремонтная цена 50, и требуют. – нет в корр. и изд. 1856 г.

Стр. 101, строка 3.

Слово: четыре – поправка изд. 1856 г.: – в рукописи и корр.: три.

Стр. 101, строки 3–4.

Слов: против положения – нет в корр. и изд. 1856 г.

Стр. 101, строки 4–5.

Вместо: лишнее выйdet, – в изд. 1856 г.: много выходит, – в рукописи: лишнее выходит,

Стр. 101, строки 5–6.

Вместо: Ежели вы батарейный – в изд. 1856 г.: Если батарейный

Стр. 101, строка 7.

Слов: и всякую штуку, – нет в изд. 1856 г. – дополнение корр.

Стр. 101, строки 11–12.

Вместо: 20–ть лет на 200 рублях жалованья в нужде постоянной: – в изд. 1856 г.: двадцать лет сперва на двух, а потом на трехстах рублях жалованья:

Стр. 101, строка 12.

Вместо: так – в изд. 1856 г.: как.

Стр. 101, строки 13–14.

Слов: нажить, когда комиссьонеры в неделю десятки тысяч наживают! – нет в изд. 1856 г. Исключено цензурой.

Стр. 101, строка 16.

Вместо: поживите–ка, – в рукописи: поживите,

Стр. 101, строка 19.

Вместо: как Дяденко – в «Совр.»: Но Дяденко

Стр. 101, строка 19.

Вместо: с... азартом принялся – в «Совр.»: с... азартом тотчас же перебил его и принялся

Стр. 101, строка 20.

Вместо: доказывать – в изд. 1856 г.: доказывал

Стр. 101, строка 23.

Вместо: Аполлон Сергеевичу, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Аполлону Сергеичу,

Стр. 101, строка 24.

Слòва: капитану. – нет в «Совр.».

Стр. 101, строка 26.

Слов: отвечал капитан. – нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 101, строка 27.

Вместо: – Нет уж, вы – в «Совр.»: – Нет уж, отвечал капитан: – вы.

Гл. 20.

Стр. 101, строка 28.

Вместо: 20. – в рукописи ошибочно: 21. – в«Совр.»: XVIII – корр. и изд. 1856 г. XIX.

Стр. 101, строки 33–34.

Со слов: Прапорщики не пьют, – в «Совр.» красная строка.

Стр. 101, строка 34.

Вместо: прибавил он улыбаясь Володе. – в«Совр.»: прибавил, улыбаясь, Володя. – в изд. 1856 г.: прибавил он, улыбаясь.

Стр. 101, строка 37.

Вместо: хозяина и старшего товарища. – в «Совр.»: хозяина, старшего товарища. – в изд. 1856 г.: хозяина и старшего товарища между офицерами.

Стр. 101, строка 38.

Вместо: спорщика – в «Совр.» и изд. 1856 г.: прапорщика

Стр. 102, строка 2.

Слѡва: робко – нет в«Совр.»(Вставка изд. 1856г.)

Стр. 102, строки 2–3.

Слов: придерживаясь стенки, – нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856г.

Стр. 102, строка 3.

Слѡва: большое – нет в рукописи и «Совр.» (Вставка изд. 1856г.).

Стр. 102, строка 4.

Вместо: которых – в изд. 1856 г.: которой

Стр. 102, строка 7.

Слов: жестяные и – нет в рукописи и «Совр.» (Вставка изд. 1856 г.).

Стр. 102, строка 8.

Слòва: серый – нет в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 102, строка 10.

Вместо: о Инкерманском – в «Совр.» и изд. 1856 г.: об инкерманском

Стр. 102, строка 11.

Вместо: участвовала батарея, – в рукописи: участвовали,

Стр. 102, строка 14.

Вместо: разговор – в рукописи описка: разговором

Стр. 102, строка 14.

Вместо: естественно (поправка изд. 1856 г.) – в рукописи и «Совр.»:
явственно

Стр. 102, строка 19.

Слòва: еще – нет в рукописи и «Совр.»; прибавка изд. 1856 г.

Стр. 102, строка 24.

Вместо: упала – в рукописи и «Совр.»: попала

Стр. 102, строка 33.

Слова: весьма нужный (курсив Толстого) – в изд. 1856 г. не курсивом.

Стр. 102, строка 34.

Слòва: невольно – нет в изд. 1856 г.

Стр. 102, строка 37.

Слòва: оттуда – нет в изд. 1856 г.

Стр. 103, строка 3.

Вместо: Об чем, – в изд. 1856 г.: 0 чем,

Стр. 103, строка 7.

Слов: а тут требуют еще. – нет в рукописи и «Совр.»:

Стр. 103, строка 14.

Вместо: – Да, я бы желал, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: – Да, я желал
бы,

Стр. 103, строка 14.

Слово: Володя, – пропущено в рукописи.

Стр. 103, строка 15.

Вместо: по спине – в изд. 1856 г.: на спине

Стр. 103, строка 19.

Вместо: бумажки, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: бумажек,

Стр. 103, строка 21.

Вместо: попросить – в«Совр.» и изд. 1856 г.: просить

Стр. 103, строки 25–26.

Вместо: Он взял один билетик, который был подлиннее, – в«Совр.» и изд. 1856 г.: Он взял одну бумажку, которая была подлиннее,

Стр. 103, строка 27.

Вместо: другой – в «Совр.» и изд. 1856 г.: другую

Стр. 103, строка 27.

Вместо: поменьше и потолще – в «Совр.»: поменьше – в изд. 1856 г.: поменьше и потоньше

Стр. 103, строка 27.

Слово: потолще – берем из поправки в корр. вместо толше – рукописи, но с исправлением: щ – вместо написанного ш – потолще.

Стр. 103, строка 28.

Вместо: на нем: – в«Совр.» и изд. 1856 г.: на ней:

Стр. 103, строка 31.

Вместо: батарейный командир, – в рукописи и изд. 1856 г.: батарейный,

Стр. 103, строка 33.

Вместо: орудийного – в рукописи: орудейного

Гл. 21.

Стр. 103, строка 35.

Вместо: 21. – в рукописи ошибочно: 22. – в «Совр.»: XIX. – в изд. 1856 г.: XX.

Стр. 103, строка 36.

Вместо: живо – в рукописи, «Совр.» и изд. 1856 г.: и живо

Стр. 104, строки 3–4.

Слово: «Руководству» в «Совр.» – напечатано курсивом со строчной буквы; подстрочного примечания нет.

Стр. 104, строка 3.

Вместо: таблицу – в изд. 1856 г.: таблицы

Стр. 104, строка 3.

Слов: углов возвышения. – нет в изд. 1856 г.

Стр. 104, строка 6.

Слѡва: немного, – нет в «Совр.».

Стр. 104, строка 8.

Вместо: главное – в «Совр.»: главнее

Стр. 104, строка 8.

Вместо: то, что – в рукописи и корр.: того что

Стр. 104, строка 13.

Слово: Вланге (курсив Толстого) – в рукописи и «Совр.» не курсив.

Стр. 104, строка 17.

Вместо: подошел – в изд. 1856 г.: подошли

Стр. 104, строки 19–20.

Вместо: – Да и отчего – в «Совр.»: – «Да отчего

Стр. 104, строки 20–21.

Вместо: И он смело – в «Совр.»: и вдруг он смело

Стр. 104, строка 21.

Вместо: голоском: – в «Совр.»: голосом:

Стр. 104, строка 22.

Вместо: молодой, свежий голосок – в рукописи и «Совр.»: молодой, тонкий голосок – в изд. 1856 г.: молодой, свежий голос

Стр. 104, строка 23.

Со слов: Володя бодро – в «Совр.» красная строка.

Стр. 104, строка 23.

Вместо: впереди – в изд. 1856 г.: вперед

Стр. 104, строка 25.

Вместо: походка была – в рукописи и изд. 1856 г.: походка у него была

Стр. 104, строка 30.

Вместо: летели – в изд. 1856 г.: летали

Стр. 104, строка 34.

Вместо: я и на – в изд. 1856 г.: и я на

Стр. 104, строка 35.

Вместо: совершенно напрасно таким страшным! – поправка в корр.; в рукописи и изд. 1856 г.: в тысячу раз страшнее!

Стр. 104, строка 36.

Вместо: трушу – в рукописи: труша

Стр. 104, строка 37.

Слов: даже некоторым – нет в рукописи и «Совр.».

Стр. 105, строка 1.

Слов: бесстрашия и самодовольства – нет в изд. 1856 г.

Стр. 105, строка 3.

Вместо: бастиона. – в изд. 1856 г. опечатка: баталиоиа.

Стр. 105, строки 5–6.

Слов: без сапог и шинели – нет в «Совр.». Вместо: без сапог – в корр. и изд. 1856 г.: без сапогов

Стр. 105, строка 6.

Слова: его, – нет в изд. 1856 г.

Стр. 105, строки 6–9.

Слова: (На второй день кончая: на батареях) – в «Совр.» без скобок.

Стр. 105, строка 7.

Вместо: не успевали – в изд. 1856 г.: не везде успевали

Стр. 105, строка 8.

Слово: не – в рукописи по ошибке пропущено.

Стр. 105, строка 10.

Вместо: на вершину – в «Совр.»: в вершину

Стр. 105, строка 10.

Слова: медленно – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.: вставлено в корр.

Стр. 105, строка 13.

Вместо: Не буду – в «Совр.» и изд. 1856 г.: – Не будем

Стр. 105, строка 14.

Слова: ужасов, – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.; вставлено в корр.

Стр. 105, строка 14.

Вместо: и разочарований – в «Совр.» и изд. 1856 г.: разочарований

Стр. 105, строка 15.

Вместо: в этот – в «Совр.» и изд. 1856 г.: в тот

Стр. 105, строка 17.

Вместо: 2 – в изд. 1856 г.: две

Стр. 105, строка 17,

Слова: разбитые мортирки – берем из изд. 1856 г. – вместо: мортиры – рукописи.

Стр. 105, строка 17.

Слов: без прицелов, – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 105, строка 19.

Вместо: на щепках разбитой платформы; – в «Совр.»: на разбитой платформе.

Стр. 105, строка 19.

Вместо: до утра – в«Совр.»: долго

Стр. 105, строка 20–21.

Вместо: ни один заряд не был – в «Совр.»: не все заряды были
(Изменено цензурой.)

Стр. 105, строка 21.

Слово: Руководстве, – в «Совр.» и изд. 1856 г. не курсив.

Стр. 105, строка 22.

Слово: команды, – в «Совр.» курсив.

Стр. 105, строка 25.

Слòва: еще – нет в изд. 1856 г.(Вставка в корр.).

Стр. 105, строка 27.

Вместо: к завтраму – в«Совр.» и изд. 1856г.: к завтраму.

Стр. 105, строка 28.

Вместо: была – в «Совр.»: был

Стр. 105, строка 32.

Слòва: всех, – нет в рукописи.

Стр. 105, строка 34.

Слово: уже восстановлено по изд. 1856 г.

Стр. 105, строки 39–40.

Вместо: так сильно, что с потолка земля сыпалась. – в рукописи,
«Совр.» и изд. 1856 г.: своим громом.

Стр. 106, строка 2.

Вместо: огню – в «Совр.» и изд. 1856 г.: огоньку

Стр. 106, строка 3.

Вместо: или Вланг, – в «Совр.»: и Вланг

Стр. 106, строка 4.

Вместо: и дико – в рукописи и изд. 1856 г.: еще дико

Стр. 106, строка 6.

Вместо: уголке, освещенном – в рукописи и изд. 1856 г.: тихом уголке и освещенном

Стр. 106, строка 8.

Вместо: юбку – в рукописи и «Совр.»: юпку

Стр. 106, строки 9–10.

Вместо: наслаждался – в рукописи: наслаждаешься

Гл. 22.

Стр. 106, строка 14.

Вместо: 22. – в рукописи глава ошибочно названа 23. – в «Совр.»: XX. – в изд. 1856 г.: XXI.

Стр. 106, строка 24.

Вместо: чудные, – в«Совр.» и изд. 1856 г.: чудные,

Стр. 106, строка 25.

Вместо: слыхивали, – в рукописи: слыхали,

Стр. 106, строка 26.

Вместо: ох, – в«Совр.» и изд. 1856 г.: ах,

Стр. 106, строки 28–29.

Вместо: медленный – в изд. 1856 г.: медленно

Стр. 106, строка 30.

Слòва: числа – нет в«Совр.».

Стр. 106, строка 31.

Вместо: на говне – в«Совр.» и изд. 1856 г.: даром

Стр. 106, строка 33.

Фразы: При этих словах Васина все засмеялись. – нет в «Совр.». В корр. зачеркнуто.

Стр. 106, строка 37.

Вместо: уьбет – в«Совр.» и изд. 1856 г.: уьбют

Стр. 107, строка 4.

Вместо: медлительный – в рукописи и«Совр.»: медленный

Стр. 107, строка 10.

Вместо: не боишься – в «Совр.» и изд. 1856 г.: боишься

Стр. 107, строка 26.

Вместо: заговаривал – в изд. 1856 г.: разговаривал

Стр. 107, строка 28.

Вместо: простой, (курсив Толстого) – в «Совр.»: простой (курсив Толстого) – в изд. 1856 г.: простой – не курсив.

Стр. 107, строки 29–30.

Вместо: как скоро должно кончиться – в рукописи: что скоро кончится – в изд. 1856 г.: как скоро кончится

Стр. 107, строка 30.

Вместо: [в] Севастополе, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Севастополя,

Стр. 107, строка 30.

Вместо: что – в изд. 1856 г.: потому что

Стр. 107, строка 31.

Вместо: Кистентин, царев брат, – в «Совр.»: Константин, Царев Брат, – в изд. 1856 г.: Константин, Царев брат,

Стр. 107, строка 32.

Вместо: нам – в изд. 1856 г.: к нам

Стр. 107, строка 32.

Вместо: еще – в изд. 1856 г.: и еще

Стр. 107, строка 34.

Слова: штрафу – нет в изд. 1856 г.

Стр. 107, строка 39.

Вместо: ради, – в изд. 1856 г.: рады,

Стр. 108, строка 4.

Вместо: легко – в «Совр.» и изд. 1856 г.: весело

Стр. 108, строка 6.

Вместо: расстелив – в«Совр.» и изд. 1856 г.: разостлав

Стр. 108, строка 12.

Вместо: за полу – в «Совр.»: за полы

Стр. 108, строка 14.

Слòва: ведь – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 108, строка 17.

Слòва: переобуваюсь – нет в изд. 1856 г.

Стр. 108, строка 20.

Вместо: слышался – в изд. 1856 г.: слышались

Стр. 108, строка 24.

Вместо: в аршине, – в«Совр.» и изд. 1856 г.: в аршин,

Стр. 108, строка 25.

Вместо: в которое – в«Совр.» и изд. 1856 г.: из которого. В рукописи в переделано из: из.

Стр. 108, строка 26.

Слòва: пьяные – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 108, строка 35.

Вместо: в той же позе – в рукописи: в той же позитуре – в изд. 1856 г.: в том же положении

Стр. 108, строка 40.

Вместо: недвижимо – в изд. 1856 г.: недвижно

Стр. 109, строки 1–2.

Вместо: возвратившись: – в «Совр.» и изд. 1856 г.: возвратясь:

Стр. 109, строка 2.

Вместо: носят, – в «Совр.» и изд. 1856 г.: носят,

Стр. 109, строка 3.

Вместо: к двери – в изд. 1856 г.: в двери

Стр. 109, строка 4.

Со слов: Тогда Володя – в «Совр.» и изд. 1856 г. не красная строка.

Стр. 109, строка 4,

Вместо: прятался – в «Совр.» и изд. 1856 г.: прижимался

Гл. 23.

Стр. 109, строка 10.

Вместо: 23. – в рукописи ошибочно: 24. – в «Совр.»: XXI. в корр. и изд. 1856 г.: XXIII.

Стр. 109, строка 11.

Перед словом: после – в рукописи по ошибке не зачеркнуто слово: утром.

Стр. 109, строка 14.

Слѡва: кубарем – нет в рукописи и изд. 1856 г. – Прибавление корр.

Стр. 109, строка 16.

Вместо: Васин, – в изд. 1856 г.: Вланг,

Стр. 109, строка 18.

Вместо: все повысыпали – в «Совр.» и изд. 1856 г.: все они повысыпали

Стр. 109, строка 21.

Вместо: кто около порога, – в изд. 1856 г.: около порога,

Стр. 109, строка 25.

Слова: по наружности. – поправка в корр. вместо слов рукописи: прикомандированный из пехоты – по ошибке сохранены в изд. 1856 г.

Стр. 109, строка 36.

Вместо: в аршине – в «Совр.» и изд. 1856 г.: в аршин

Стр. 110, строка 3.

Вместо: хрест – в «Совр.» и изд. 1856 г.: крест

Стр. 110, строка 4.

Вместо: и отдавая – в «Совр.»: отдавая

Стр. 110, строка 7.

Вместо: бисприменно – в «Совр.» и изд. 1856 г.: беспрременно

Стр. 110, строка 7.

Вместо: исделают – в «Совр.» и изд. 1856 г.: сделают

Стр. 110, строка 8.

Вместо: в Аршаве (курсив Толстого) – в изд. 1856 г.: в Оршаве (не курсив.)

Стр. 110, строка 11.

После слова: головами – в изд. 1856 г.: разговаривающих

Стр. 110, строка 12.

Слова: в чистую (курсив Толстого) – в рукописи неподчеркнуты; поправлено в корр.; в изд. 1856 г.: в чистую (курсив Толстого.)

Стр. 110, строка 14.

Вместо: И все – в изд. 1856 г.: Все

Стр. 110, строка 18.

Вместо: мортирки – в «Совр.»: мортиры

Стр. 110, строка 25.

После слова: потерял – в изд. 1856г.: несколько

Стр. 110, строка 26.

Вместо: совершенном – в изд. 1856г.: чрезвычайном

Стр. 110, строка 27.

Слова: хорошо – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 110, строка 34.

Слова: свое хозяйство. (курсив Толстого) – в изд. 1856г. не курсив

Стр. 110, строка 34.

Вместо: по его выражению, – в рукописи и изд. 1856 г.: как он выражался,

Стр. 110, строки 34–35.

Вместо: как он ни привык – в изд. 1856 г.: как ни привык

Стр. 110, строка 35.

Вместо: ко всяким – в изд. 1856 г.: ко всем

Стр. 110, строка 37.

Вместо: видна – в изд. 1856 г.: видна была

Стр. 110, строка 40.

Вместо: взбегающего – в изд. 1856 г.: вбегающего

Гл. 24.

Стр. 111, строка 4.

Глава 24 отсутствует в рукописи; печатаем по изд. 1856г., сверяя с корр. Вместо: 24. – в«Совр.»: XXII. – в корр. и изд. 1856г.: XXIV.

Стр. 111, строка 11.

Вместо: теплым – в«Совр.»: темным

Стр. 111, строка 18.

Вместо: освещаемыми – в«Совр.» и изд. 1856 г. опечатка: освещаемых

Стр. 111, строка 21.

После слов: играющим на солнце морем, – в корр. и«Совр.»: как причудливое скопление облаков на чистом вечернем небе.

Стр. 111, строка 37.

Вместо: нешто – в изд. 1856 г.: нечто

Стр. 112, строка 1.

Вместо: Вот опять – в изд. 1856 г.: Всё

Стр. 112, строка 1.

Вместо: попала, а она (по корр.) – в «Совр.»: попало, а она – в изд. 1856 г.: попадают и он

Стр. 112, строка 4.

Вместо: лучше – в «Совр.»: вместе

Стр. 112, строка 5.

Слов: нас ждут – нет в «Совр.».

Стр. 112, строка 7.

Вместо: глядя – в «Совр.»: глядевший

Стр. 112, строка 23.

Вместо: развивающееся – в изд. 1856 г. опечатка: развевающееся

Стр. 112, строка 25.

После слов: все звуки – в изд. 1856 г.: соединились

Стр. 112, строки 30–31.

Слов: чего-то ужасного. – нет в «Совр.» и изд. 1856г.

Стр. 112, строка 34.

После слова: французское – в «Совр.»: знамя

Гл. 25.

Стр. 112, строка 36.

Вместо: 25. – в«Совр.»: XXIII. – в корр. и изд. 1856 г.: XXV

Стр. 112, строка 37.

Слов: успевший отыгаться кончая: в обшлаге, – нет в «Совр.»

Стр. 112, строка 38.

Вместо: даже золотые, зашитые в обшлаге, – в рукописи: даже и золотые в обшлаге, – в изд. 1856 г.: даже и зашитые в обшлаге золотые,

Стр.113, строка 7.

Слòва: еще – нет в «Совр.» и изд. 1856г.

Стр. 113, строка 8.

Слòва: одного – нет в изд. 1856 г.

Стр. 113, строка 9.

Слòва: испуганным (в рукописи вычеркнуто карандашом) –нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 113, строка 12.

Вместо: орудийная – в рукоп.: орудейная

Стр. 113, строки 19–23.

Слов: прижавшюся к стенке кончая: мороз пробежал ему по коже. – нет

в «Совр.».

Стр. 113, строки 19–23.

Слов: и лицо одного кончая: мороз пробежал ему по коже. – нет в изд. 1856 г.

Стр. 113, строка 23.

Вместо: ему – в корр.: у него.

Стр. 113, строки 24–25.

Слов: у которого зубы щелкали друг о друга. – нет в «Совр.»и изд. 1856 г. Сокращено цензурой.

Стр. 113, строка 25.

Вместо: Всё пропало! – в «Совр.»: Плохо! Изменено цензурой.

Стр. 113, строка 26.

Вместо: сказал сердито Козельцов – в рукописи, «Совр.»и изд. 1856 г.: сказал он сердито. Печатаем: сказал сердито Козельцов, потому что в рукописи вычеркнута предыдущая фраза: подумал Козельцов, объясняющая местоимение: он.

Стр. 113, строки 26–27.

Слов: и, желая возбудить себя жестом, – нет в корр., «Совр.»и изд. 1856 г.

Стр. 113, строка 27.

Вместо: маленькую железную тупую сабельку – в «Совр.»: саблю.

Стр. 113, строка 32.

Вместо: побежало – в«Совр.» и изд. 1856 г.: побежали.

Стр. 113, строка 32.

Вместо: Когда они выбежали – в рукописи: Он выбежал – поэтому дальше, вместо: пули – в рукописи и изд. 1856 г.: Пули.

Стр. 113, строка 40 – стр. 114, строка 1.

Вместо: откуда-то сбоку (в «Совр.») – в рукописи: откудова-то сбока.

Стр. 114, строка 2.

Слов: убегая от него назад к своим траншеям, – нет в корр. и«Совр.».

Стр. 114, строка 4.

Вместо: все смешались в глазах Козельцова, и он почувствовал – в рукописи: все смешались, и Козельцов почувствовал – в «Совр.»: все смешались. Козельцов почувствовал (Печатаем по изд. 1856 г.)

Стр. 114, строки 5–8.

Слов: и, сев на банкет, кончая: в красных штанах и синих мундирах. – нет в рукописи и изд. 1856 г. (Берем из корр. и «Совр.»).

Стр. 114, строки 5–6.

Вместо: в амбразуру, – в «Совр.»: в амбразуре,

Стр. 114, строка 18.

Перед словом: бессознательно – в рукописи: который

Стр. 114, строка 18.

Вместо: следил – в рукописи: следя

Стр. 114, строка 19.

Вместо: перед ним. Вспомнив – в рукописи: перед ним, вспоминал – в изд. 1856 г.: перед ним и, вспомнив

Стр. 114, строка 20.

Вместо: он с чрезвычайно – в изд. 1856 г.: с чрезвычайно

Стр. 114, строки 20–21.

Вместо: самодовольства – в «Совр.» и изд. 1856г.: самодовольствия

Стр. 114, строка 22.

Слòва: свою – нет в «Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 114, строка 22.

Слòва: так – нет в изд. 1856 г.

Стр. 114, строка 24.

Слòва: другого – нет в рукописи и «Совр.».

Стр. 114, строка 24.

Слòва: офицера, – нет в рукописи «Совр.».

Стр. 114, строка 25.

Слов: с большой рыжей бородой, – нет в «Совр.».

Стр. 114, строка 33.

Вместо: французы везде? – в «Совр.» и изд. 1856 г.: французы? твердо

Стр. 114, строка 36.

Слов: говоривший на о, – нет в«Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 114, строка 36.

Вместо: скрывая от раненого, чтобы не огорчить его, (по корр.) – в рукописи и изд. 1856 г.: чтобы утешить раненого, скрывая от него

Стр. 114, строка 39.

Вместо: – Слава Богу, слава Богу – в «Совр.» и изд. 1856 г.: – Слава Богу.

Стр. 114, строка 40 – стр. 115, строка 1.

Слов: и испытывая кончая: геройское дело. – нет в изд. 1856 г.

Стр. 115, строка 3.

Вместо: такого же счастья», – в рукописи: того же, – в изд. 1856 г.: такое же счастье,

Гл. 26.

Стр. 115, строка 4.

Вместо: 26. – в«Совр.»: XXIV. – в корр. и изд. 1856 г.: XXVI.

Стр. 115, строка 14.

Слово: Влангой, (курсив Толстого) – в изд. 1856 г. не курсив.

Стр. 115, строка 20.

Вместо: мортирки. – в «Совр.» и изд. 1856 г.: мортиры.

Стр. 115, строка 20.

Вместо: видно было, – в«Совр.» и изд. 1856 г.: было видно,

Стр. 115, строка 21.

Вместо: к бастиону – в рукописи: к нему – в изд. 1856 г.: прямо на него

Стр. 115, строка 21.

Вместо: полю – в изд. 1856 г.: месту

Стр. 115, строки 23–24.

Вместо: с шпагой – в «Совр.»: и с шпагой – в изд. 1856 г.: и со шпагой

Стр. 115, строка 24.

Слов: в руке, (по корр.) – нет в рукописи и изд. 1856 г.

Стр. 115, строка 27.

Вместо: просвистел – в «Совр.» и изд. 1856 г.: просвистал

Стр. 115, строка 28.

Вместо: «Первое! второе!» – в «Совр.» и изд. 1856 г.: «Первая! вторая!»

Стр. 115, строка 29.

Вместо: в дыму – в изд. 1856 г. опечатка: в длину

Стр. 115, строка 30.

Вместо: об опасности. – в рукописи: о опасности.

Стр. 115, строка 30.

Вместо: слышалась – в изд. 1856 г.: слышались

Стр. 115, строка 32.

Со слов: Вдруг поразительный – в «Совр.» не красная строка.

Стр. 115, строка 35.

Слов: в красной феске, (по корр.) – нет в рукописи и изд. 1856 г.

Стр. 115, строки 36–37.

Вместо: до батареи, – в рукописи и изд. 1856 г.: от батареи,

Стр. 115, строки 37–38.

Вместо: и потом снова побежал вперед. – в рукописи и изд. 1856 г.: прямо в Володю и потом снова побежал к нему.

Стр. 116, строки 1–2.

Вместо: были на бруствере – в изд. 1856 г.: на бруствере были

Стр. 116, строки 2–3.

Слов: и даже один спустившись заклепывал пушку. (по корр.) – нет в рукописи. В изд. 1856 г.: даже два француза в десяти шагах от него заклепывали пушку.

Стр. 116, строка 4.

Вместо: подле него, – в изд. 1856 г.: рядом с ним,

Стр. 116, строка 4.

Слѡва: вдруг – нет в«Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 116, строка 4.

Вместо: хандшпуг – в рукописи: гандшпуг

Стр. 116, строка 5.

Вместо: и опущенными – в«Совр.» и изд. 1856 г.: опущенными

Стр. 116, строка 7.

Слова: «Пропали!» – нет в«Совр.» и изд. 1856 г.

Стр. 116, строки 7–8.

Вместо: хандшпугом – в рукописи: гандшпугом

Стр. 116, строка 8.

Вместо: махавшего – в рукописи: махающего

Стр. 116, строка 8.

После слова: Яростная – в рукописи: яростная, ужасная.

Стр. 116, строка 10.

Вместо: продолжая – в изд. 1856 г.: продолжал.

Стр. 116, строка 13.

Вместо: Вскочивши – в«Совр.» и изд. 1856 г.: Вскочив

Стр. 116, строки 14–15.

Вместо: его обожаемый прапорщик. (по корр.) – в рукописи: Володя.

Стр. 116, строка 16.

Вместо: пространство (по корр.) – в рукописи и изд. 1856 г.: место.

Стр. 116, строки 16–17.

Вместо: уже занято (по корр.) – в рукописи и изд. 1856 г.: наполнено

Гл. 27.

Стр. 116, строка 18.

Вместо: 27. – в«Совр.»: XXV. – в корр. и изд. 1856 г.: XXVII.

Стр. 116, строка 23.

Вместо: пушками, – в «Совр.» и изд. 1856 г. и пушками,

Стр. 116, строка 23.

Вместо: и ранеными, – в рукописи и изд. 1856 г.: ранеными,

Стр. 116, строка 26.

Вместо: бастионе – в«Совр.» и изд. 1856 г.: бастионах

Стр. 116, строки 30–31.

Вместо: с Николаевской батареи. – в«Совр.»: в Николаевской батарее.

Стр. 116, строка 32.

Вместо: мыске – в«Совр.» и изд. 1856 г.: мыску,

Стр. 116, строка 34.

Вместо: дерзкие (по корр.) – в рукописи: далекие, в изд. 1856 г.:
дерзкие, далекие

Стр. 116, строка 34.

Слова: далеко (по корр.) – нет в рукописи в изд. 1856 г.

Стр. 116, строки 35–37.

Слова: При свете зарева, кончая: в воду. – вставка на поле в корр.,
вместо слов рукописи: и мачты утопающих кораблей, мимо которых
проходил пароход.

Стр. 116, строка 37.

Вместо: Говору – в «Совр.» и изд. 1856 г.: Говора

Стр. 116, строка 38.

Вместо: на палубе: из-за – в «Совр.»и изд. 1856 г.: на палубе;
только из-за

Стр. 116, строка 38.

Вместо: разрезаемых – в «Совр.» и изд. 1856 г.: разрезанных

Стр. 117, строка 1.

Слов: слышно было, как – нет в рукописи.

Стр. 117, строки 1–2.

Вместо: и топали ногами на шаланде, (по корр.) – в рукописи: на шаланде и топали ногами

Стр. 117, строка 4.

Вместо: жевать, (по корр.) – в рукописи: есть,

Стр. 117, строка 6.

Вместо: Вланга-то (курсив Толстого) – в «Совр.»: Вланга (курсив Толстого) – в изд. 1856 г.: не курсив.

Стр. 117, строки 10–11.

Слов: и сколько там нашего брата пропало; а ни за что французу досталось! – нет в «Совр.» Исключено цензурой.

Стр. 117, строка 12.

Вместо: слава ти, – в изд. 1856 г.: слава те,

Стр. 117, строка 17.

Вместо: амператор – в «Совр.» и изд. 1856 г.: император

Стр. 117, строка 20.

Со слов: Погоди, еще – в «Совр.» и изд. 1856 г. красная строка.

Стр. 117, строка 23.

Словами: Известно, будет! – сказал другой с убеждением. – в рукописи, и «Совр.» кончается рассказ. Дальнейший текст заимствован из изд. 1856 г.

Подпись Л. Н. Т. корректурного текста на поле корр. рукою Толстого заменена полною: Граф Л. Н. Толстой, как стоит и в рукописи, с датой: «27 декабря. Петербург». Даты в корр. нет. В «Совр.» в подписи инициал отчества – Н – отброшен. Дата читается: «27-го декабря, 1855. С.-Петербург».

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ.

СЕВАСТОПОЛЬ В ДЕКАБРЕ МЕСЯЦЕ.

Севастопольские рассказы возникли из задуманного в октябре 1854 г. Толстым и кружком его приятелей офицеров–артиллеристов Южной армии – плана издания военного журнала. Ходатайство инициаторов, поддержанное главнокомандующим кн. М. Д. Горчаковым, не было удовлетворено военным министром; вместо того чтобы дать разрешение издавать собственный самостоятельный журнал, военный министр, передавая распоряжение Николая I, предложил офицерам посылать свои статьи в «Русский инвалид». Расстроенный неудачей и чувствуя, что для такого специально–военного издания собранные кружком материалы не подходят, Толстой предложил Н. А. Некрасову в письме от 11 января 1855 года постепенно передавать военные статьи и материалы в редакцию «Современника». Он предполагал доставлять Н. А. Некрасову ежемесячно от двух до пяти листов и, в случае его согласия, обещал на первый раз прислать статьи: «Письмо о сестрах милосердия», «Воспоминания об осаде Силистрии» и «Письмо солдата из Севастополя», не указывая, кто были авторы этих статей. [44] В ответе на это письмо, [45] достигшем Толстого только в марте, Некрасов просил присылать ему статьи военные, как отмечено в дневнике Толстого под 20 марта 1855 года. [46] Но очевидно, кружок офицеров–инициаторов в то время уже распался, по крайней мере Толстой тут же приписал. «Приходится писать одному – напишу Севастополь в различных фазах и идиллию офицерского быта». Эту запись надо считать первым выражением мысли о будущих очерках защиты Севастополя. В это время Толстой находился со своей батареей на Бельбеке, изредка наезжая в Севастополь: в январе он побывал на хорошо им изученном впоследствии 4 бастионе, в марте, с 10–го на 11–е, участвовал в одной из вылазок в Севастополе.

Скоро после получения письма Некрасова работа над рассказом двинулась, и из записи Дневника 27 марта видно, что к этому дню уже было написано начало «Севастополь днем и ночью»; из этого начала «днем» развился рассказ «Севастополь в декабре»; часть же, названная «ночью», была отброшена и через три месяца написана совершенно заново, как описание определенного события, имевшего место ночью с 10 на 11 мая. 29 марта Толстой отправился в Севастополь квартирмейстером своей батареи, которая вступила туда 2 апреля. С этого дня до 15 мая Толстой не выезжал из Севастополя, неся службу на 4 бастионе, увлеченный своею деятельностью и «духом защитников Севастополя». Настроение Толстого, которое сквозит в его Дневнике, отчетливо отражается в рассказе, и в известной мере рассказ можно считать автобиографическим. В этом отношении интересны следующие слова рассказа: «Главное отрадное убеждение – это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но

поколебать где бы то ни было силу России». Слова эти, для нас так странно звучащие из уст Толстого, которые уже при перепечатке рассказа в 1856 г. он несколько видоизменил и сократил, потому что уже далеко отошел от тех сильных, совсем особых переживаний, которые он испытал в апреле 1855 г., почти совершенно соответствуют мыслям, которые записаны им в Дневнике: «Держимся мы не только хорошо, но так, что защита эта должна очевидно доказать неприятелю [невозможность] когда бы то ни было взять Севастополь». Это было записано как раз во время писания «Севастополя», 2 апреля. Но работа над рассказом повидимому шла не очень спорко: события и служба, а потом нездоровье не давали Толстому писать так, как бы хотелось, а тут еще кроме «Севастополя» одновременно у него шло и писание «Юности». «Кроме того, – писал он 11 апреля, – меня злит особенно теперь, когда я болен, то, что никому в голову не придет, что из меня может выйти что-нибудь кроме *chair à canon*[47] и самой бесполезной». 12 апреля на 4 бастионе он записал: «Писал С[евастополь] д[нем] и ночью, и кажется недурно и надеюсь кончить его завтра». И действительно 13-го на том же 4 бастионе (который ему «начинает очень нравиться»), он «окончил С[евастополь] д[нем] и н[очью]. Это была первая редакция рассказа еще без отделения описания ночи от описания дня. «Постоянная прелесть опасности, – добавляет он в дневнике, – наблюдения над солдатами, с которыми живу, моряками и самым образом войны так приятны, что мне не хочется уходить отсюда, тем более, что хотелось бы быть при штурме, ежели он будет». 14 апреля он назначает себе работу – «начать отделять Севастополь и начать рассказ солдата о том, как его убило». «Боже, – приписывает он, увлеченный и вдохновленный своей работой, – благодарю тебя за твое постоянное покровительство мне. Как верно ведешь ты меня к добру. И каким бы я был ничтожным созданием, ежели [бы] ты оставил меня. Не остави меня, Боже! Напутствуй мне и не [для] удовлетворения моих ничтожных стремлений, а для вечной и великой, неведомой, но сознаваемой мной цели бытия». Начав в это время окончательно обрабатывать рассказ, Толстой выделяет из него изображение ночи, оставив в нем изображение севастопольского дня. В течение недели Толстому удалось написать набело только два листа Севастополя (запись 21 апреля), потом в два дня на бастионе же он отделал несколько листочков (запись 24 апреля); вероятно, тут написано было много, потому что через день, судя по дате при издании, – 25 апр., «Севастополь» уже был закончен и вскоре отослан в Петербург (цензурное разрешение помечено 30 апреля).

«Севастополь в декабре месяце» был напечатан в № 6 «Современника» с подписью Л. Н. Т. и с подстрочным примечанием от редакции об обещании автора ежемесячно присылать картины севастопольской жизни в роде предлагаемой. «Редакция Современника, – говорится в том же примечании, – считает себя счастливою, что может доставлять своим читателям статьи, исполненные такого высокого современного интереса, и притом написанные тем писателем, который возбудил к себе такое живейшее сочувствие и любопытство во всей читающей русской публике своими рассказами: Детство, Отрочество, Набег и Записки маркера». «Севастополь в декабре» в отдельном оттиске, до выхода книжки «Современника» в свет, был представлен П. А. Плетневым Александру II[48] и произвел на него сильное впечатление: [49] он распорядился перевести его на французский язык. [50] Известие о чтении рассказа

государем «польстило» Толстому, как записал он в своем Дневнике [51] 15 июня, получив в Бахчисарае известие об этом от Панаева; в этот же день в числе своих недостатков за ближайшие дни он отметил «тщеславие, что рассказывал Столыпину про свою статью». Рассказ Толстого был вскоре по выходе перепечатан в военной газете «Русский инвалид» в больших извлечениях (№ 122, от 5 июня 1855 г.). В этом извлечении рассказ первый раз был прочтен Тургеневым и уже в этом виде привел его «в совершенный восторг»: «Дай бог таких статей побольше» (письмо к И. И. Панаеву 27 июня 1855 г.); [52] когда же до Тургенева дошел № «Современника» – он писал ему же, что «статья Толстого о Севастополе – чудо», что он «прослезился, читая его и кричал ура!».

«Севастополь в декабре» печатается по тексту, напечатанному в книжке «Военные рассказы гр. Л. Н. Толстого». СПб. 1856 с исправлением некоторых опечаток и поправок, внесенных корректором в текст Толстого, попавших в это издание вследствие того, что автору не пришлось лично просматривать его корректуру. Несмотря на некоторые неисправности текста, считаем это издание заслуживающим предпочтения перед изданием «Современника», так как, с одной стороны, редактор «Современника» из опасения преследований цензуры, с другой стороны, вероятно, сам цензор «Современника», В. Н. Бекетов всячески смягчали выражения, казавшиеся им то слишком резкими, то насмешливыми по отношению к русской армии: напр.: вместо «белобрысенький» мичман напечатано «молоденький», вместо «валяются ядра» – «лежат», выпущены слова «неровно гребут неловкие солдаты», «неприятные следы военного лагеря», «вонючая грязь», «грязный» бивуак и пр., что могло современникам дать мысль о нерадении начальства в Севастополе, или повод к смеху. Но с текстом «Современника» приходится считаться, так как многое там напечатано несомненно правильное. Все допущенные нами поправки опечаток и правок корректора в издании 1856 г., с одной стороны, с другой, исправления текста и разночтения по «Современнику» перечислены в вариантах. Что касается до поправок, которые введены в текст рассказа в «Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого» издания Т-ва И. Д. Сытина под редакцией П. И. Бирюкова, [53] то мы решили их также ввести в текст; основываемся на том, что, когда Э. Моод, издавая перевод Севастопольских рассказов на английский язык, обратился к Толстому «с просьбой разъяснить ему происхождение некоторых фраз, вошедших в рассказы и совершенно не соответствующих ни общему их содержанию, ни отношению самого Льва Николаевича к описанным событиям» (слова И. И. Бирюкова), Толстой ответил ему, что все указанные Моодом места «или изменены или добавлены редактором в угоду цензору и потому лучше исключить их. В рассказе «Севастополь в декабре» эти введшие Моода в сомнение места следующие (по изд. 1856 г.):

1) ... но здесь на каждом лице кажется вам, что опасность, злоба и страдания войны, кроме этих главных признаков, проложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства.

2) И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине каждого, – любовь к родине.

Обе эти фразы уже при пересмотре текста для издания 1856 г. обратили на себя внимание автора. Во второй Толстой прибавил к тексту «Современника» слова «стыдливое в русском», в первой – отнес слово «войны», относившееся в тексте «Современника» к слову «признаки», к слову «страдания» и непосредственно предшествующие этой фразе слова «простота и твердость» заменил словами «простоты и упрямства». Таким образом в указанных местах мы отступаем от общего правила давать начальный Толстовский текст, на котором Толстой остановился, – чтобы с другой стороны не идти против его позднейших указаний. Правда, если мы вспомним, что о переводе в Крым из Кишинева, как Толстой пишет в письме к брату, [54] он просил главным образом «из патриотизма», который в то время «сильно напал» на него, что он «предоставил начальству распоряжаться своей судьбой», [55] что, наконец, как видно из его дневника того времени, его тогда захватывали и война, и военная служба, и боевая жизнь, и опасности, – то можно думать, что и слова, которые так шли в разрез со всеми мыслями его в 1890-ых–1900-ых гг., были естественны в 1855 г.

СЕВАСТОПОЛЬ В МАЕ.

Рассказ «Весенняя ночь в Севастополе» в общей своей мысли, можно предполагать, был задуман Толстым в марте 1855 г. одновременно с рассказом «Севастополь в декабре», который в дневнике долгое время называется «Севастополь днем и ночью»; имея это название, рассказ был вчерне закончен 13 апреля, и с 14 апреля Толстой назначил себе его отделку, которую и закончил 25 апреля. В момент начала отделки произошло очевидно разделение рассказа на две части: изображение Севастопольского дня и Севастопольской ночи. Первая часть была разработана в течение апреля и составила рассказ «Севастополь в декабре»; изображение ночи, написанное в первой половине апреля, повидимому, не удовлетворило автора и было оставлено. Конечно, нельзя думать, что отложенная часть впоследствии была переработана в рассказ «Весенняя ночь в Севастополе»: этот рассказ приурочен автором к совершенно точно определенному времени – ночи на 11 мая и, может быть, даже изображает определенное событие; в нем только вновь воплотилась возникшая в 20-х числах марта мысль Толстого дать изображение Севастопольской ночи. Как основу рассказа Толстой сохранил эту мысль, отбросив ее оболочку, его не удовлетворившую, и дал не переработку старого рассказа о Севастопольской ночи, написанного в первой половине апреля, а создал новый рассказ, однородный по общей мысли, но иной по обстановке, в которой происходит действие, и по настроению, которое было в то время у автора.

Рассказ был начат тотчас после окончания «Рубки леса»: утром 18 июня Толстой кончил «Рубку», а вечером уже написал «проспект маленький 10 мая», как он назвал тут «Весеннюю ночь». Со следующего дня – 19 июня Толстой изо дня в день «с удовольствием» быстро пишет «10 мая», не

отвлекаясь другими работами, только уделяя время на чтение, и уже 23 июня, проработав целый день, «окончил на-черно» и даже принялся за переписку на-бело. На 24-е он назначил себе «пересмотреть все (sic) В[есеннюю] Но[чь] с точки зрения цензуры и сделать изменения и variantes». И действительно 24-го Толстой «целый день работал» и 26-го «кончил... уже не так хорошо, кажется, какъ прежде» – отмечает он, очевидно, вспоминая ту редакцию, которую он назвал черновой, и которая по его мнению еще не была обезврежена в отношении требований цензуры. Этим 26 числом июня 1855 г. «Весенняя ночь» была датирована и при издании. На следующий день Толстой ездил в Бахчисарай и там читал ее своему приятелю Егору Петровичу Ковалевскому, состоявшему тогда в штабе кн. М. Д. Горчакова, и Ковалевский остался ею «очень доволен». Таким образом «Весенняя ночь» была написана очень быстро, всего в восемь дней, с 19-го по 26-е. Если принять во внимание, что первая редакция была закончена 23-го, то значит писанье без пересмотра длилось и того меньше – только пять дней. Очевидно рассказ писался с особенным подъемом и увлечением и против обычая Толстого одиноко, т. е. не сопутствуемый другими литературными работами. После этого энергия сразу упала, и Толстой целую неделю провел «в праздности», как отметил 6 июля, забыв, что 4 июля рассказ снова привлек ненадолго его внимание, и он «с утра» и «после обеда отчасти» его пересматривал, чтоб на следующий день отослать к И. И. Панаеву в редакцию «Современника», что хотел исполнить при содействии Валентина Павловича Колошина, долженствовавшего ехать 5 июля в Петербург, но отложившего отъезд до 11-го. Этот новый пересмотр очевидно был более или менее поверхностный. С Колошиным же Толстой послал И. И. Панаеву письмо[56] об этом Севастопольском рассказе или Севастопольской «статье», как он говорит: «Хотя я убежден, что она без сравнения лучше первой, она не понравится, в этом я уверен. И даже боюсь, как бы ее совсем не пропустили. На счет того, чтобы ее не изуродовали, как вы сами увидите, я принял всевозможные предосторожности. Во всех местах, которые показались мне опасными, я сделал варианты с такого рода знаками (v) или скобками означал что выключить в том случае, ежели не понравятся цензуре. – Ежели же сверх того, что я отметил, стали бы вымарывать что-нибудь, решительно не печатайте. В противном случае это очень огорчит меня. Для заглавия я сделал вариант, потому что «Севастополь в мае» слишком явно указывает на дело 10 мая, а в Современнике не позволено печатать о военных делах. Написецкого я заменил Гнилокишкиным[57] на тот случай, ежели цензура скажет, что офицер не может от флюса отказываться от службы; тогда это 2 различные офицера. Польскую фразу ежели можно поместить, то с переводом в выноске, ежели нельзя, то русскую, которая под знаком (x). И еще ругательства русские и французские нельзя ли означить точками, хотя без начальных букв, ежели нельзя, но они необходимы. Вообще надеюсь, что вы будете так добры защитить сколько можно мой рассказ, – зная лучше взгляд цензуры, вставьте уж вперед некоторые варианты, чтобы не рассердить ее, и какие-нибудь незначительные, непредвиденные изменения сделаете так, чтобы не пострадал смысл». Под только что пережитым впечатлением подъема при создании рассказа, в сознании своего долга писать одну правду и предугадывая протест со стороны тех, кто правду эту желает скрыть, он записал в дневнике своем 5 июля о смущавших его «искушениях тщеславия», с которыми он постоянно боролся, каясь на страницах дневника в своих проступках этого рода:

«теперь только настало для меня время истинных искушений тщеславия, — пишет он — я много бы мог выиграть в жизни, ежели бы захотел писать не по убеждению». И действительно «Весенняя ночь», набранная для «Современника», подняла целую бурю со стороны охранителей, испугавшихся правды, этого героя Толстовской повести, которого автор «старался воспроизвести во всей красоте его», и которого он любил «всеми силами души». Но еще раньше чем попасть к ним в руки, еще в кабинете редакторов «Современника» рассказ должен был подвергнуться первой цензуре. Полученная И. И. Панаевым «Ночь в Севастополе» произвела на лиц, близких к «Современнику», громадное впечатление; все находили этот рассказ «выше первого по тонкому и глубокому анализу внутренних движений и ощущений», [58] по превосходной мастерской работе; после прочтения рассказа Некрасов писал, что не знает «писателя теперь, который бы так заставлял любить себя и так горячо себе сочувствовать», [59] как Толстой; несмотря на это, повесть Толстого показалась им недопустимой к печати в том виде, в каком написал ее Толстой, без смягчающих фраз и выражений. Они боялись даже, что она произведет на публику «весьма неприятное впечатление»: до такой степени всё в ней «облито горечью», [60] «так резко и ядовито, беспощадно и безотраднo». [61] И вот под влиянием этой боязни И. И. Панаев счел необходимым, «не портя, — как он говорит, — сущности рассказа и предвидя за него борьбу с цензурой» «кое что помягчить и погладить» и наконец даже «прибавить в конце» [62] статьи слова, настолько в разрез идущие с мыслями Толстого, настолько Толстому «отвратительные», что он согласился бы, как он писал потом Е. Ф. Коршу, всякий раз как читает их, «лучше получить 100 палок, чем видеть их». [63] В найденной недавно рукописи Толстого действительно нет этой фразы.

Прибавленные И. И. Панаевым слова были следующие: «Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитие. Мы защищаем только родной край, родную землю и будем защищать ее до последней капли крови». На несоответствие этих слов взглядам Толстого впоследствии обратил внимание Эльмер Моод при издании перевода Севастопольских рассказов на английский язык; он просил Толстого разъяснить причины их происхождения. [64] В ответном письме к Мооду Толстой решительно отрекся от этих слов, назвав один отрывок из «Весенней ночи» «особенно отвратительным»; «он, — пишет Толстой, — и в то время мне очень не нравился» и советует все указанные им места исключить, потому что они были «или изменены или добавлены редактором в угоду цензуре». [65] То же еще более определенно говорит Толстой и в упомянутом письме к Коршу, [66] прося его передать С. А. Рачинскому, хотевшему переводить Севастопольские рассказы, что он «умоляет» его «не забыть, что слова» (он точно их цитирует) «принадлежать г-ну Панаеву», а не ему, и что он просит их выкинуть.

С смягчающей выражения Толстого, добавкой Панаева, повесть была послана цензору «Современника» В. Бекетову, который с небольшими поправками пропустил статью. Она была уже отпечатана для помещения в августовской книжке 1855 г., когда цензор, остановив выход номера, вдруг потребовал корректуру из типографии для представления на прочтение председателю Цензурного комитета, грозному и взбалмошному М. Н. Мусину-Пушкину. Гранки «Весенней ночи», доставленные Мусину-Пушкину, привели его в ярость и негодование: сохранившиеся при делах

Цензурного комитета с вычерками целых периодов, раз даже целой главы, с выразительными пометками на полях, они дают яркую картину впечатления, вынесенного Мусиным–Пушкиным от статьи, и определенно указывают, что в особенности было причиной его гнева. «Читая эту статью, – писал своим размашистым неразборчивым почерком Мусин–Пушкин на корректурном листе, – я удивлялся, что редактор решился статью представить, а г. цензор дозволить к напечатанию. Эту статью [за] насмешки над нашими храбрыми офицерами, храбрыми защитниками Севастополя запретить и оставить корректурные листы при деле».

Дело, вероятно, так бы и заглохло и «Весенняя ночь» и не увидела бы света, но тут что-то произошло такое, что внезапно изменило взгляд Мусина–Пушкина: возможно, что о написании нового Севастопольского рассказа после первого, понравившегося Александру II, узнали в тех сферах, с которыми считался и страшный председатель Цензурного комитета; вместо запрещения печатать редактор «Современника» получил приказание печатать рассказ, но с теми переделками, которые были сделаны Мусиным–Пушкиным. Эти переделки привели в ужас Панаева. Личное объяснение его с Мусиным–Пушкиным не привело ни к чему, кроме еще более определенного требования печатать так, как переделано. Так в изуродованном виде, с пропусками и искажениями, которые меняют тон, характер и часто даже смысл рассказа, «Весенняя ночь» появилась в сентябрьской книжке «Современника» за 1855 г., но без букв Л. Н. Т., которых редакторы «Современника» не решились поставить под статью, потерявшей свой облик.

«Возмутительное безобразие, в которое приведена ваша статья, – писал Толстому Н. А. Некрасов, – испортило во мне последнюю кровь. До сей поры не могу думать об этом без тоски и бешенства... Не буду вас утешать тем, что и напечатанные обрывки вашей статьи многие находят превосходными; для людей, знающих статью в настоящем виде, – это не более, как набор слов без смысла и внутреннего значения. Но нечего делать! Скажу одно: что статья не была бы напечатана, если бы это не было необходимо». [67]

17 сентября Толстой записал в Дневнике: «Вчера получил известие, что Ночь изуродована и напечатана. Я кажется сильно на примете у синих за свои статьи. Желая впрочем, чтобы всегда Россия имела таких нравственных писателей; но сладеньким уж я никак не могу быть и тоже писать из пустого в порожнее – без мысли, и главное без цели. Несмотря на первую минуту злобы, в которую я обещался не брать пера в руки, всё-таки единственное, главное и преобладающее над всеми другими наклонностями и занятиями должна быть литература. Моя цель – литературная слава. Добро, которое я могу сделать своими сочинениями».

На вопрос, какой эпизод севастопольской обороны был изображен Толстым в рассказе «Севастополь в мае», дает ответ сам автор. В первый раз, упоминая о рассказе в своем Дневнике, он определенно называет его «10 мая»: отсюда можно заключить, что фоном очерка, названного «Весенней ночью», послужили события, начавшиеся вечером 10 мая и захватившие собой всю ночь до утра 11. В ночь с 10 по 11 мая (22–23 н. ст.) войсками Севастопольского гарнизона под начальством ген. Ст. Ал. Хрулева было предпринято устройство контр–

апрошей впереди 5-го и 6-го бастионов и вблизи высот кладбища у накануне устроенного там плацдарма. Первая стадия сражения была неудачна для русских, как описывает и Толстой: контр-апроши были заняты французами; но двинутые Хрулевым в помощь отступившим части скоро выбили французов и заняли высоту. Бой был чрезвычайно ожесточенный; наряду с артиллерийским огнем, от которого очень пострадали обе стороны, войска несколько раз вступали в рукопашные схватки; контр-апроши, траншеи и ложементы по несколько раз переходили из рук в руки, от русских к французам и обратно. Бой кончился незадолго до рассвета. В ту же ночь происходило сражение и у Карантинной бухты на крайнем правом фланге русских. Потери со стороны русских в эту ночь превысили 21/2 тысячи (Тотлебен Э. И., «Описание обороны Севастополя», т. II, стр. 218–225). Белый переговорный флаг для уборки тел убитых был поднят не 11 мая, как можно было бы думать по рассказу Толстого, а только 12-го днем с батареи Шемякина. Толстой эту ночь, надо думать, провел на 4 бастионе, где находился на службе в течение всего апреля по 14 мая 1855 г., когда выехал на Бельбек с поручением сформировать горный взвод.

В основу издания рассказа мы кладем пересланную через В. П. Колошина И. И. Панаеву рукопись, ныне хранящуюся в архиве Толстого Публичной библиотеки Союза ССР им. Ленина в 4° (22 X 11 сант.) на 38 листах, писанную рукой Толстого. Заглавие на 1 листе. «Весенняя ночь 1855 года въ Севастополѣ». На последнем листе подпись: «Графъ Толстой» и дата «1855 года 26 Іюня». Под строкой приведены те самые варианты, о которых в письме к И. И. Панаеву 4 июля 1855 г. упоминает Толстой, что он помечает в рукописи буквой (в) или скобками, как такие, которые можно выключить в том случае, «ежели не понравятся цензуре». Этих вариантов всего семь; один из них зачеркнут. Кроме того в сносках же имеются пометы: «выключить» по отношению к пяти местам текста. Две из этих помет зачеркнуты. Много вычеркнутых фраз и вписанных между строк исправлений. Кроме семи мест, заключенных автором в скобки как подлежащие изменению в случае придинок цензуры, в рукописи имеется ряд зачеркнутых фраз, устраненных Толстым также по соображениям цензуры. Стр. 50, строка 27. После слова: бастиона зачеркнуто: онъ воображалъ себя героемъ. Стр. 50, строка 30. Вместо: куда и кончая: оставаться зач.: Вотъ когда я желалъ бы, чтобъ меня видѣли, думалъ Бѣлугинъ, въ крови, съ разбитой головой передъ ротой. Впрочемъ, ежели ужъ я хочу быть совершенно героемъ, подумалъ онъ, такъ надо теперь остаться. Стр. 51, строка 20. После слова: ротъзач.: и мысленно называлъ его выскочкой. Стр. 59, строка 1. Вместо: бѣлые флаги первоначально было: палки съ бѣлыми тряпками. Стр. 59, строка 5. После слова: другу зач.: но только до тѣхъ поръ, пока виситъ бѣлая тряпка. Стр. 59, строка 10. После слова: прекрасному зач.: законъ любви, который они попрали такъ жестоко. Кроме того на той же странице, строка 21 вместо: этой повѣсти? первоначально было: моей странной повѣсти? Кроме этого, стр. 19, строка 21 после слов: играла полковая музыка зач.: Б. егерскаго полка, какую то итальянскую штуку. Первоначально фамилии военных были: Белугин, Коханов, Рязанов, Митюхин, Уцмиев, Калугин, Обдуло и Davidoff, затем Толстой зачеркнул эти фамилии и заменил Белугина – Михайловым, Коханова – Ковановым и наконец, Калугиным,

Рязанова – бароном Пестом, Митюхина – Праскухиным, Уцмиева – Нефердовым, Калугина – Гальцыным, Обдуло – Середой, Давыдова – Сазоновым. Между строк в рукописи встречаются пометы (Н. С.), обозначающие красную строку.

Очень близок к описанной рукописи текст, который находится в несверстаных корректурных листах «Современника» 1855 г. (5 лл. по 4 полосы каждый), ныне хранящихся в Ленинградском отделении Центрального исторического архива (Историко–культурный отдел), прежде в «Архиве Комиссариата просвещения» в папке № 28 за 1855 г., озаглавленной: «Дело С.–Петербургского цензурного комитета. 0 сочинениях, представляемых гг. цензорами на разрешение Комитета, и о препровождении некоторых сочинений, на предварительное обсуждение, к гг. профессорам и другим лицам». Перед набором текст рассказа, как сказано выше, подвергся некоторым переделкам в редакции «Современника»; теперь, благодаря найденной рукописи, все редакционные переделки определяются. Есть одно дополнение в корректуре к описанной выше рукописи, вероятно, почему–либо досланное позднее и затем вошедшее в издание 1856 г. Оно начинается словами: «Тщеславие, тщеславие, тщеславие везде» и кончается словами: «литература нашего века есть только бесконечная повесть «Снобсов» и «Тщеславия».

Ставя в основу издания текст рукописи, мы нашли необходимым ввести в печатаемый текст и те добавления и поправки, которые внес автор, готовя рассказ ко второму изданию 1856 г.

Прибавления к тексту в корректуре, находившейся в Архиве Комиссариата просвещения, были напечатаны впервые в 1920 г. в издании «Общества истинной свободы в память Л. Толстого в Киеве» «Братство», № 2, стр. 1–3, под заглавием «Неизданные строки Л. Н. Толстого. Ночь весной 1855 г. в Севастополе», с заметкой В. В. Мияковского. В 1928 г. с исправлением по корректуре Архива Народного комиссариата просвещения рассказ был напечатан в издании «Л. Толстой. Полное собрание художественных произведений», т. II, стр. 65–100 (Ленинград), и в издании «Л. Н. Толстой. Полное собрание художественных сочинений» (Приложение к журналу «Огонек»), т. I, стр. 362–394 (Москва).

«Севастополь в мае» печатался до 5 издания «Собрания сочинений гр. Л. Н. Толстого» по тексту, вошедшему в издание «Военные рассказы гр. Л. Н. Толстого» (Спб. 1856) с сохранением той фразы, которой И. И. Панаев хотел смягчить мысли Толстого (см. выше) и которая, очевидно, потом была забыта автором. С 6 издания 1886 г. фраза И. И. Панаева не печаталась.

СЕВАСТОПОЛЬ В АВГУСТЕ.

Фоном для рассказа «Севастополь в августе» послужили события 25– 27

августа 1855 г. – последние дни осады Севастополя и его штурм союзниками; эти самые дни изображены Толстым и в другом его произведении – официальном Донесении, написанном им по поручению ген. Н. А. Крыжановского в первых числах сентября, тотчас после отступления армии на Северную сторону. Из письма Толстого к его тетушке Т. А. Ергольской от 4 сент. 1855 г. [68] видим, что он приехал в Севастополь 27 августа, в самый день штурма союзниками, и был его свидетелем и участником защиты. Не знаем, в каком он был пункте: успокаивая Татьяну Александровну, он пишет ей, что почти не подвергался опасности, но, конечно, это писалось только для успокоения. По словам полковника П. Н. Глебова [69] на просьбы Толстого дать ему какое-нибудь дело при защите города, Глебов поручил ему «за недостатком офицеров» «в командование пять батарейных орудий». С подробностями тех событий, очевидцем которых он сам не был, Толстой познакомился из ряда донесений артиллерийских офицеров, переданных ему по распоряжению ген. Крыжановского для составления из них экстракта, главным же образом (как он говорит в письме к Н. А. Крыжановскому от 3 сентября) из рассказов очевидцев – полевых артиллеристов, особенно точно описавших ему приступ на Малахов курган, а также, конечно, из массы слышанных им самим тотчас после события самых разнообразных рассказов о впечатлениях, пережитых в последние дни Севастополя всеми участниками обороны от генералов, руководивших войсками, до последнего рядового.

В рассказе мы видим полную художественную картину Севастополя этих последних дней, приступа на Малахов курган, боя на 5 бастионе и проч., отчетливую, ясную, точную в мельчайших подробностях. Точность изображения события сочетается с точностью и в мелочах: так два брата Козельцовы, изображенные в рассказе Толстого – пехотный поручик П-ского полка и только что выпущенный из корпуса артиллерист, настолько приближены к действительности, что можно определенно сказать, что П-ский полк это Подольский полк, в последние дни осады стоявший именно на 5 бастионе, куда направил Толстой Козельцова, при атаке французов сбросивший неприятеля с бруствера и вытеснивший его из рва, как пишет и Толстой. Эта точность доходит до того, что такая мелочь, как ранение Козельцова именно 10 мая, становится совершенно естественной, потому именно, что Подольский полк, 10 мая находившийся в люнете Белкина, один из немногих понес сильный урон: ему были поручены сначала земляные работы впереди люнета под огнем французов, а потом выбитие их из кладбищенского плацдарма. Козельцов младший был зачислен, по словам Толстого, в 5 легкую батарею и отправился ее искать на Корабельную сторону. На Корабельной стороне на площади у Доковой стены действительно стояла 5 легкая батарея 11 артиллерийской бригады; она составляла резерв Корабельной стороны. Но в описании последовательности событий, как они протекали у каждого из двух братьев Козельцовых, в рассказе Толстого допущено отступление от действительных фактов: конец рассказа несомненно относится к вечеру 27 августа; начало рассказа, нужно бы думать, происходило во вторую половину дня 25-го; так оно и было для одного из братьев Козельцовых; Козельцов младший, после того как расстался с старшим братом, провел одну ночь – на 26-е – в доме батарейного командира, другую – на 27-е – в блиндаже Малахова кургана и был убит 27-го при штурме кургана; но для Козельцова старшего прошла в это время только

одна ночь: распростившись с братом, он отправился на 5 бастион, там играл всю ночь, был разбужен тревогой и скоро был смертельно ранен. Через полчаса на перевязочном пункте у Николаевской казармы, где он лежал на носилках, священник ему сказал, чтоб «не огорчить его», что «победа везде за нами осталась», хотя в это время «на Малаховом кургане уже развевалось французское знамя»; это было 27 августа. Чем объяснить это несоответствие, сказать трудно: ни в рукописи, ни в корректуре нет никаких вариантов, которые бы могли дать нить к разгадке и объяснению этой неточности.

Когда был задуман и когда был начат рассказ «Севастополь в августе», Дневник Толстого не дает указаний; можно лишь предполагать, что замысел находился в близкой связи с писанием Донесения, т. е. относится к началу сентября 1855 г.; писание же начато в первой половине сентября. Дело в том, что со 2 сентября, когда писалось Донесение, до 17-го записей в Дневнике нет; 17-го после записи о цели своих литературных работ под впечатлением известия об изуродовании цензурой «Севастопольской ночи» (приведена в комментарии к рассказу «Севастополь въ маѣ»), Толстой записал о предположении уходить в отставку и о намерении на следующий день продолжать писание «Юности» и ничем не упомянул о новом Севастопольском рассказе; между тем под 19 сентября в местечке Керменчик близ Бахчисарая, куда перешел горный взвод Толстого, он отметил в Дневнике о писании «С. въ А.» – очевидно «Севастополь в августе», и не как о начале работы, а как о ее продолжении. Под 21 сентября, определяя себе цели жизни и ставя на первый план «добро ближнего», а на второй «образование себя в такой степени, чтобы я был способен делать его» – «славу литературную, основанную на пользе, добре ближнему», Толстой отмечает, что для второй цели он на завтра себе назначил заняться составлением плана статьи и писанием ее или «Юности», очевидно, под статьей разумея Севастопольский рассказ; и действительно 22-го (ошибкой в рукописи написано 23-го) в дневнике Толстой записал: «для 2 (т. е. для выполнения второй цели) составил план С. в Авг.» и на следующий день назначил себе писать «Юн[ость]» и «Се[вастополь] в А[вгустѣ]», чего впрочем не выполнил, потому что ездил в штаб и отложил на 25-е и тоже не писал из-за недостатка бумаги; и так несколько раз он назначал себе на завтра писать рассказ и «Юность», и всё писать не случалось, хотя и бумага была заготовлена, главной причиной этого было «лениво-апатически-безысходное недовольное положение», как это он отметил 10 октября, видимо уже начиная чувствовать подъем, потому что тут же приписал: «моя карьера – литература – писать и писать! С завтра работаю всю жизнь или бросаю всё – правила, религию, приличия – всё». Но, повидимому, эти слова были только благие пожелания, которые ни к чему не привели, вероятно, в связи с наступившим в это время периодом сильного увлечения карточной игрой. И самый Дневник забылся в это время: с 27 октября по 21 ноября, когда Толстой уже был в Петербурге, нет ни одной записи, нет и дальше, с 21 ноября 1855 до 10 января 1856 г. На рукописи «Севастополь въ августѣ», хранящейся в Библиотеке им. Ленина, есть дата в конце текста рядом с подписью: «27 декабря Петербургъ»; эту дату можно было бы считать определением последнего момента писания рассказа; но в действительности работа была еще продолжена, в известной нам рукописи, которая послужила оригиналом набора, нет главы 24-й («По сю сторону бухты...»),

вошедшей в текст «Современника», и заключения рассказа, начинающегося словами: «По всей линии Севастопольских укреплений...», вошедшего в издание 1856 г., которые были написаны очевидно после; кроме того, последняя отделка была произведена в корректуре, которую Толстой держал сам, будучи в это время в Петербурге. Рассказ был сдан в печать тотчас после написания; части его, как видим из предыдущего, были даже написаны после сдачи в набор. Набиралась рукопись чрезвычайно быстро: по отметкам наборщиков видно, что работали зараз 8 человек; в конце рукописи листы разрезаны на части для ускорения дела общей работою. Набор производился в начале января 1856 г., и рассказ вышел в № 1 «Современника» за 1856 г. с полной в первый раз подписью.

В основу издания рассказа «Севастополь въ августе» взят текст рукописи Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина (б. Румянцевского Музея) № 2905 (в л. – 36 × 22 сант., на 38 л.), писанный рукой Толстого и послуживший оригиналом набора «Современника», с отметками и фамилиями наборщиков, перечерками, сделанными вероятно редактором «Современника», зачеркнутыми карандашом словами, трудно сказать, кому принадлежащими, Толстому или Некрасову; есть поправки в словах, сделанные Некрасовым и еще кем-то. Иногда слова текста дописываются, переходя на соседнюю страницу и, если эта страница отрезана от другой, то кажутся утерянными. На лицевой стороне л. 38 подпись: «Графъ Л. Н. Толстой». На обложке впереди неизвестной рукой 1860 г. написано: «№ 11 Черновья, Севастопольскій рассказъ». Обложка сделана из счетовой книги по имению за подписью Андрея Соболева и Ивана Суворова (яснополянские служащие). Этой рукописью, после издания в «Современнике», воспользовались только в 1911 г. в 12 издании «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», как видно из примечаний (т. II, стр. 350): «исправлено и значительно дополнено по рукописи».

Кроме этой рукописи, в Институте новой русской литературы (ИРЛИ) имеются неверстанные корректуры рассказа в гранках «Современника» (7 форм по 4 полосы каждая), с поправками Чернышевского, Тургенева и более всего Толстого. Исправляя текст рукописи, поправки Толстого являются таким образом как бы окончательной обработкой рассказа. Поэтому при издании рассказа мы сочли необходимым обратить особое внимание на эти поправки (конечно, только Толстовские) и внести их в текст, но только поправки, так как сама по себе корректура не вполне исправна. Все эти поправки мы оговариваем в вариантах, отмечая первоначальный текст рукописи, который был исправлен этими поправками. Корректурный текст был напечатан в «Известиях Общества Толстовского музея» в соединенном номере 3–4–5 1911 г. с критическим комментарием и вводной заметкой Е. А. Ляцкого.

Но, чтобы получить окончательный текст, оказалось недостаточным ограничиться этими двумя основными текстами, а нужно было произвести сверку их и с изданием 1856 г., так как несомненно Толстой перед сдачей его издателю в мае 1856 г. в известной мере просмотрел текст, сделав в нем некоторые дополнения; мы говорим: в известной мере, потому что, повидимому, набор нового издания был произведен с чистых гранок «Современника», не имевших в себе исправлений Толстого (по крайней мере это можно думать по отношению к большей части форм). Эти поправки поэтому миновали текст 1856 г., но зато в него введены

другие дополнения и поправки. Таким образом, чтобы получить окончательный текст, было необходимо воспользоваться и этим изданием, оговорив все поправки, взятые из него, в вариантах. Кроме того, из того же издания пришлось взять и заключительную часть рассказа, не имеющуюся ни в рукописи, ни в корректуре.

СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СЛОВ.70

Амбразура – отверстие в бруствере или крепостного вала для помещения дула орудия.

Анна – орден св. Анны 2 степени, который носили на шее.

Банкетный огонь – стрельба из ружей с банкетов (см. след.).

Банкет – приступок у крепостного вала или бруствера для стрельбы из ружей.

Бастион – особого устройства пятистороннее оборонительное укрепление, состоящее из двух фасов, двух фланков и горжи (передние и боковые стенки и тыльная часть).

Батальный огонь – открытая пальба пехоты.

Блиндаж – постройка в укреплениях для охраны от снарядов людей, не принимающих в данное время участия в бою, сделанная из бревен, фашин (пучков или плетенок из хвороста) и земли.

Бомбардир – старший из канониров (рядовые в артиллерии в прежнее время).

Бон – заграждение в бухте из бревен, цепей или канатов. В Севастополе было два таких бона от Николаевской батареи к мысу на половине расстояния между Константиновской и Михайловской батареями; кроме того было два заграждения из затопленных кораблей – одно ближе к выходу в море, сделанное в сентябре 1854 г., и другое, сделанное позже, в феврале 1855 г.

Бостонные марки – расчетные марки при игре в «бостон».

Бруствер – заградительный от выстрелов неприятеля вал укрепления.

Ва-банк – в карточной игре банк ставка, равняющаяся всему банку.

Васясо – быстрое, скороговорочное произношение обращения «Ваше сиятельство».

Венгерская медаль – медаль за участие в войне имп. Николая I против революции в Венгрии в 1849 г.

Венская коляска – легкая коляска, сделанная по образцу выработываемых в Вене.

Верки – отдельные части ограды укрепления.

Владимир – орден св. Владимира. «Ежели не выйдет майора то Владимира наверно», т. е. если не получу майора, – первый штабфицерский чин, – то орден Владимира 4 степени наверно.

Волоковое оконце – маленькое задвижное оконце в избах, в которое также выволакивает дым в курных избах; окно со ставнями, красное. Встарь избы в деревнях располагались уступами, по ступенчатой черте, так, чтобы в боковое волоковое окно каждый хозяин мог наблюдать за своими воротами и видеть, кто стучится, а также мог глядеть вдоль всей улицы в городскую сторону, оберегая всё селение.

Волчье оконце – небольшое окно в избе, выходящее не на улицу, то же, что «волчий глазок» в двери.

Вошина – сотовый воск, по стечению с него меда или по вытопке меда.

Георгий – Георгиевский крест – военный орден св. Георгия, учрежденный 25 ноября 1769 г. для награждения военных заслуг. Простонародное произношение – Егорий.

Герардовские избы – избы, выстроенные по типу, изобретенному известным в свое время сельским хозяином Ант. Ив. Герардом (ум. 1830 г.).

Гладух – толстяк, дебелий.

Горжа – тыльная часть укрепления.

Дворник – содержатель постоянного двора.

Демонтирование – сбивание неприятельских орудий прицельными выстрелами.

Депозитка или депозитный билет – бумажный денежный знак, который выдавался банном за взносы звонкою монетой. Впоследствии заменены кредитными.

Донское – донское вино.

Егорий. См. Георгий.

Егерский – принадлежащий к егерским, т. е. стрелковым полкам.

Единорог – особый вид крепостного и полевого орудия.

Жид – слово, вышедшее из употребления в русском языке около 1860 – 1870 гг., название еврея, до сих пор сохранившееся у всех славянских народов (польское *żyd*, чешское *žid*, сербское жид, украинское жид), иудей, израильтянин. В ответе на письмо М. Г. Рабкина Толстой говорит: «Слово жид, *Juif*, *Jude*, *Jew* не имеет по существу никакого иного значения, как определение национальности, как француз и т. п. Если же слово это, к сожалению, получило в последнее время какое-то оскорбительное значение, то мною ни в каком случае не могло быть употребляемо в этом значении» (2 янв. 1910 г.).

Занавеска – длинный женский передник.

Золотая сабля – сабля с золотым эфесом и надписью «за храбрость», почетная награда за боевые заслуги.

Играть большой маркой – в карточной игре с большими ставками.

Калошка – цветень, приносимый пчелами на ножках.

Кантонист – солдатский сын, воспитывающийся для постоянной военной службы.

Кармазинный – из тонкого ярко-алого сукна.

Квартермистр (квартирмейстер) полковой – офицер, заведовавший хозяйством и экономической частью полка.

Кивер – военный головной убор.

Кичка – женский головной убор с рогами, род повойника.

Комендор – старший из прислуги у орудий на военных кораблях (соответствовало фейерверкеру в сухопутных войсках).

Контрапроши – земляные работы осаждаемого впереди укреплений.

Концерт – в церкви сложное в музыкальном отношении песнопение,

исполняемое редко, в большие праздники.

Корпус кадетский – военное средне–учебное заведение.

Коты – женские башмаки с высокими передами, либо круглые, будто с отрезными голенищами, с алою суконною оторочкою.

Красные штаны (красные шаровары) – часть генеральской формы, введенной имп. Александром II в самом начале царствования.

Крестец – копна хлеба в снопах на жниве, до уборки; обычно по 13, по 17 и по 20 снопов.

Куртина – защищенное пространство между двумя смежными бастионами.

Лафет – станок под орудие.

Ложемент – окоп для стрельбы по преимуществу пехоты.

Люнет – открытое полевое укрепление.

Магазея – здание для хранения запасов.

Маджара – большая четырехколесная телега. Убитых в Севастополе переправляли в барках на Северную сторону к Куриной балке, откуда на маджарах перевозили на кладбище, ныне известное под названием Братского.

Майор – первый штаб–офицерский чин, упраздненный в 1884 г.

Маркела. См. Мортира.

Мерлон – толща бруствера между двумя соседними амбразурами (см. это слово).

Мичман – первый обер–офицерский чин в русском флоте.

Мортира (маркела) – короткое артиллерийское орудие для навесной стрельбы.

Мшеник – клеть, амбар или срубец, уконопаченный мохом, или такая же теплая напоребица для зимовки пчел.

Новина – земля, никогда еще не паханая.

Оброть – конская узда без удил и с одним поводом для привязи.

Ординарец – военный служащий при начальниках для рассылки приказаний.

Осик – участок земли с ульями.

Осьминник – в Тульской губернии 1/8 десятины.

Ошпиталь – госпиталь (простонародное произношение).

Передвоить землю – вспахать дважды в клетку.

Петрова неделя – неделя Петрова поста, бывающего перед Петровым днем, т. е. 29 июня (старого стиля).

Плацдарм – площадь перед укреплением, удобная для боя.

Погреб – помещение для пороха, охраняемое толстым слоем земли.

Подъемные деньги – деньги, дававшиеся лицам, отправляющимся по казенному поручению.

Покорные – Толстой в «Рубке леса» подразделяет всю совокупность русских солдат на три типа: покорных, начальствующих и отчаянных (см. гл. 2).

Покров богородицы – церковный праздник, празднуемый 1 октября.

Понтировать – ставить в карточной игре ставки против банкмета.

Понтоны – особого устройства суда для наводки пловучих мостов.

Посконный – лучший рубашечный холст.

Поярковая шляпа – сваленная из поярки, шерсти, руна с овцы по первой осени (ярки).

Прапорщик – младший обер-офицерский чин.

Преферанс – карточная игра.

Прикрытие – пехотная часть, защищающая артиллерийскую позицию.

Редут – полевое укрепление, окруженное земляным валом и рвом.

Рогульки – железные шарики или пластинки с остриями, употреблявшиеся в старину у нас для разбрасывания на пути неприятельской конницы.

Ряда – ряд, условие, договор, соглашение.

Сигарочница – мундштук.

Сикурс (франц, secours) – резервные войска.

Снытка – снедь, еда.

Сохи, сошки – столбы, подставки, подпоры.

Станина – основная часть орудийного лафета (станок под орудие).

Стеклянки – морские песочные часы с делениями суток на шесть вахт, каждой вахты на четыре часа. Восьмая стеклянка означает 4, 8 и 12 часов.

Стуцер. См. Штуцер.

Суздальские картинки – лубочные картинки; произошло от грубого кустарного производства дешевых икон в Суздальском уезде.

Сходцы – лесенка.

Траверс – земляная насыпь для закрытия внутренностей укреплений от поражения с фланга и с тыла.

Траншея – ров с насыпью для защиты от огня противника.

Трубка – трубка, вставленная в очко бомбы, наполненная горючим составом и передающая огонь запалу.

Туры – особого устройства плетенки из прутьев, наполненные землей; они употреблялись при устройстве укреплений.

Фасы бастиона – две передние стенки бастиона, находящиеся под углом друг к другу.

Фельдфебель – старший из унтер-офицеров.

Ферма – хутор с молочным хозяйством. Мысль об устройстве фермы одно время очень занимала Толстого. В его бумагах есть заметка 1856 г. «О фермерстве в связи с вопросом об освобождении крестьян». См. 5 т.

Фортоплясы (форты-плясы) – шутивное название фортепьян.

Фуражир – лицо, ведающее сбор припасов для команды.

Фуражные – деньги на корм лошадей.

Фейерверкер – старший из прислуги у орудий в сухопутной армии.

Фурштадский солдат – солдат из военной обозной части.

Хандшпуг – рычаг для поворота орудий и для поднятия грузов.

Цапфы – цилиндрические выступы по бокам орудия, при помощи которых оно лежит на станке.

Чашки – лунки на конских зубах, по коим узнается возраст.

Шаланда – грузовая баржа.

Шанцы – окопы для прикрытия от огня противника.

Шпанская мушка – жучек, из которого приготавливают нарывной пластырь того же названия.

Штурманский унтер–офицер – унтер–офицер, заведующий сигнальной частью.

Штуцерные – стрелки, вооруженные штуцерами.

Штуцер (стуцер) – первоначальное название нарезного ружья.

Штучный стол – составленный из частей, мозаичный, инкрустированный.

Элевационный станок – орудийный станок особого устройства, приспособленный для действия под большими углами возвышения.

Эс – скамейка в форме французской буквы S, на которой сидят, обернувшись друг к другу.

Юнкер – унтер–офицер из дворян.

Ящичные – лошади в артиллерии для перевозки снарядов.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН.

В настоящий указатель введены имена личные и географические; названия исторических событий (войн, сражений, революций и т. п.), учреждений, издательств; заглавия книг, названия статей, журналов, газет, произведений (слова, живописи, скульптуры, музыки); имена героев художественных произведений не Толстого и Толстого, когда последний упоминает их не в тех произведениях, где они выведены. Знак || означает, что цифры страниц, стоящие после него, указывают на страницы текста не Толстого.

Австрия – Австрийская империя, с 1868 г. получившая название Австро-Венгерской империи, после мировой войны 1914–1918 гг. распавшаяся на республики Чехо-Словакию, Венгрию, Австрию, часть королевства Юго-Славского и часть республики Польши. Во время Восточной войны 1853–1856 гг. Австрия 20 апреля 1854 г. заключила с Пруссией договор о взаимной помощи с требованием к России удалить войска из Придунайских княжеств – 91.

Адмиралтейство старое – с двумя эллингами и корабельными мастерскими находилось в Севастополе на западном берегу Южной бухты, между бухтой и Екатерининской улицей – 85.

Академия генерального штаба – || 419.

Александр I Павлович (1777–1825) (с 1801 г.). «С височками Александр I» – обычная прическа Александра I – 297, || 397.

Александр II Николаевич (1818–1881) – (с 1855 г.) – 296, 298, || 385, 414, 422, 425, 430.

Александровская батарея. См. Батареи.

Алексеев Никита Петрович – командир батарейной № 4 батареи 20 артиллерийской бригады, в которой Толстой служил в бытность свою на Кавказе – 284.

Альма – река в Крыму, впадающая в море в 25 верстах севернее Севастополя. См. Альминское дело.

Альманах «Круг». Кн. 6. – || 383.

Аносов Иван Васильевич – офицер 14 артиллерийской бригады, участник Крымской войны 1854–1856 гг. – || 419, 420.

Арсеньева В. В. См. Волкова В. В.

Архив Народного Комиссариата просвещения – теперь одна из частей Ленинградского отделения Центрархива – || 392.

«Архив села Карабихи» – || 383, 410.

Аршава. См. Варшава.

Балаклава – безуездный город Таврической губ. в 13 верст. на юг от Севастополя при небольшой глубокой бухте. Был взят англичанами 14 сент. 1854 г. – 20, 56, || 414, 429.

Балюзек Лев Федорович (1822–1879) – штабс-капитан артиллерии, впоследствии свиты ген.-майор, управляющий областью оренбургских киргизов, затем ген.-лейтенант и военный губернатор Тургайской области – 282, || 408, 421.

Бастионы:

- 1-й бастион – бастион крайнего левого фланга на восточной части Севастопольской оборонительной линии на высоте между Килен-балкой и Ушаковой балкой (Корабельная сторона) – 116, 300–302, 305, 306.
- 2-й бастион – бастион на восточной части Севастопольской оборонительной линии на скале между Ушаковой и Килен-балкой вправо от 1-го бастиона (Корабельная сторона) – 111, 116, 300–302, 304–305.
- 3-й бастион – бастион на средней части Севастопольской оборонительной линии на Бамборской высоте над Лабораторной балкой – юго-восточное укрепление Севастополя (Корабельная сторона) – 111, 301, 303–305.
- 4-й бастион – самое южное укрепление Севастопольской оборонительной линии; расположен на Бульварной высоте между Городским оврагом и Бульварной лощиной (Городская сторона) – 10, 11, 13, 26, 32, 299, 300, 303–306, || 383, 384, 417.
- 5-й бастион – западное укрепление Севастопольской оборонительной линии; расположен на гребне между Городским оврагом и Загородной балкой (Городская сторона) – 7, 26, 78, 82–84, 90, 111, 114, 299, 303–306, ||| 391.
- 6-й бастион – западное укрепление Севастопольской оборонительной линий вправо от 5 бастиона на высоте между Городским оврагом и Загородной балкой (Городская сторона) – 290, 306, || 391.
- 7-й бастион – укрепление крайнего правого фланга Севастопольской оборонительной линии на берегу рейда (Городская сторона) – 306.
- Корниловский бастион – одно из укреплений Малахова кургана; место смертельного ранения адм. Корнилова – 105, 112, 302, || 417.

Батареи:

- Батарея Александровская – береговая батарея на южной стороне Севастополя на мысе между Карантинной и Артиллерийской бухтами – 116.

- Батарея Будищева № 3 – небольшая батарея на восточной части Севастопольской оборонительной линии на север от 3 бастиона у Докового оврага – 305.
 - Батарея Генрихова № 124 – батарея полк. Геннериха на 2 оборонительной линии позади 2 бастиона (построена в самом конце осады в середине августа 1855 г.) – 302, 304.
 - Батарея Жерве № 6 – батарея между Доковой балкой и Малаховым курганом – 302, 304.
 - Батарея Забуцкого (или Забудского) № 8 и № 35 – батарея в траншее городского оврага на восток от редута Шварца–303, 305.
 - Батарея Корниловская. См. Бастион Корниловский.
 - Батарея Михайловская – батарея на Северной стороне Севастопольской бухты у самого моста, ведущего на Южную сторону к Николаевской батарее; обе эти сильные каменные батареи были построены еще до войны с союзниками, в 1852 г. – 80.
 - Батарея Николаевская – батарея на Южной стороне Севастополя по северо-западному берегу мыса, отделяющего Артиллерийскую бухту от Южной. Это было громадное каменное сооружение длиной в 227 саженей в три яруса казематов, единственное на всей Южной стороне, которое не пробивали бомбы; в конце осады сюда перекочевала вся жизнь Севастополя; сюда перенесена церковная служба; здесь было торговое отделение; жил военный губернатор; здесь же был перевязочный пункт – 82–84, 90, 116, 118, 306, || 422, 429, 430.
 - Батарея № 18 (Панфилова) – на Малаховом кургане слева от полукруглого гласиса Малаховой башни – 304, 305.
 - Батарея Парижская № 10 – батарея, находившаяся около 1 бастиона (крайний левый фланг) – 302, 304.
 - Батарея Усова – одна из батарей 2 участка 3 отделения Севастопольской оборонительной линии над Лабораторной балкой правее 3 бастиона– 300, 305.
 - Батарея Шемякина № 26 – батарея на запад от бастиона № 6 – || 391.
 - Батарея № 10 (в начале «Донесения» ошибочно названная бастионом) – батарея на мысу у Карантинной бухты – 299, 306.
- Баумгартен Александр Карлович (1815–1883) – ген.-адъютант, ген.-от-инфантерии. Во время Восточной войны 1853–1856 гг. сначала находился в Южной армии, где командовал полком, затем командовал 1 бригадой 10 пехотной дивизии, входившей в состав Севастопольского гарнизона. Впоследствии был начальником Николаевской академии генерального штаба – 283.
- Бахус – бог вина в греческой мифологии: «в Бахусе» – в состоянии опьянения – 319.

Бахчисарай – город Таврической губ. в 30 верстах от Симферополя. В Крымскую войну там находился госпиталь – 60, || 385, 387, 424, 428.

Безак Александр Павлович (1801–1868) – ген.-адъютант и ген.-от артиллерии. Во время Крымской войны был начальником штаба инспектора всей артиллерии и управляющим артиллерийским департаментом. Впоследствии был командующим отдельным Оренбургским корпусом и оренбургским и самарским ген.-губернатором. Затем (с 1868 г.) назначен командующим войсками Киевского военного округа и ген.-губернатором киевским, подольским и волынским – 283.

Бекетов Владимир Николаевич (р. 1809) – цензор «Современника» – || 385, 389.

Белевцов Дмитрий Николаевич (1800–1883) – генерал-от-инфантерии; в 1841 г. оставил военную службу в чине ген.-майора; в 1855 г., вернувшись на службу, получил начальство над Курским ополчением и принял участие в Крымской войне – || 419, 421, 423.

Белкина редут. См. Редут Белкина.

Бельбек – река на север от Большой Севастопольской бухты, текущая параллельно бухте и впадающая в море; вдоль по реке шел тракт к Северной стороне Севастополя – 74, || 383, 391, 413, 414, 416.

Бессарабия – область между Днестром и Прутом, принадлежавшая России с 1809 по 1917 г. – || 429.

Библиотека морская – библиотека в Севастополе, основанная адмиралом А. С. Грейгом; находилась на самом высоком месте города на Городской стороне – 111.

Бирюков Павел Иванович (1860–1931) – биограф Толстого – || 420.

Бирюков П. И., «Биография Л. Н. Толстого» – || 385, 389, 419, 427.

Боборыкин Константин Николаевич (1829–1904) – в 1854 г. поручик артиллерии, впоследствии генерал-лейтенант, оренбургский военный губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска, затем орловский губенатор с 1876 до 1888 г. До занятия места оренбургского военного губернатора Боборыкин состоял при гр. Н. П. Игнатьеве в Китае, и был консулом в Урге – 282, 283, || 408.

Большая улица. См. Морская улица.

Большой мост. См. Мост Большой.

Большой Редут. См. Редут Новый.

Боткин Василий Петрович (1811–1869) – писатель – || 405, 406.

Бригады:

- Бригада 11 артиллерийская – 302, 304, || 393.
- Бригада 12 артиллерийская – 301, 304.
- Бригада 17 артиллерийская – 304.
- Бригада 14 артиллерийская – || 419.
- Бригада 20 артиллерийская – 284.

Бриммер Эдуард Владимирович (1797–1874) – боевой кавказский генерал. В период Восточной войны был начальником артиллерии Кавказского округа (в 1848–1856 гг.). Его воспоминания напечатаны в «Кавказском сборнике», тт. 15–18. Толстой обращался к нему по служебным делам в ноябре 1852 г., когда был в Тифлисе – 283.

Будищева батарея. См Батарей.

Бульвар – бульвар в центральной нагорной части Севастополя, ныне известный под названием Мичманского, называвшийся тогда Малым в отличие от Большого, до осады находившегося на месте 4 бастиона (А. Н. Ершов, «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера», П. 1891, стр. 109). На нем находится упоминаемый в конце рассказа «Севастополь в мае» памятник Александру Ивановичу Казарскому (1797–1833), в виде римской триремы, в память подвига, совершенного находившимся под его командой бригаом «Меркурием» в сражении с двумя турецкими линейными кораблями 14 мая 1829 г. – 19, 20, 22, 29, 52, 54, 55, 111.

Бутурлин Сергей Петрович (ум. в 1873 г.) – ген.-от-инфантерии. В начале Восточной войны 1853–1856 гг. состоял начальником штаба войск, собранных в Придунайских княжествах, потом был ген.-квартирмейстером армии – 283, || 422.

Бухмейер Александр Ефимович (1802–1860) – инженер, ген.-лейтенант. Известен постройкою понтонного моста через Севастопольскую бухту – || 422.

Валахия – юго-западная часть нынешнего государства Румынии. Во время Восточной войны 1853–1856 гг. называлась княжеством и управлялась господарями; была сначала занята русскими войсками; по договору с Австрией 14 июня 1854 г. военная оккупация была предоставлена Австрии. Валахия находилась под протекторатом Турции – 282, 298.

Варшава – во время Крымской войны столица Царства Польского. – По простонародному выговору Аршава – 110.

Васильчиков кн. Виктор Илларионович (1820–1878) – ген.-майор свиты, начальник штаба Севастопольского гарнизона – 307, || 422.

Веймарн Петр Владимирович (уб. под Федюхиными высотами 4 авг. 1855 г.) – один из очень образованных офицеров того времени; окончил курс Военной Академии, работал по истории войн, занимался живописью у Лампи – 283, 308, || 419, 422.

Венюков Михаил Иванович (1832–1901) – географ, писатель и путешественник – || 419.

Венюков М. И. сообщ. «Песня о Севастополе» – || 419.

Виктория (1819–1901) – королева Великобритании и Ирландии –296.

Винница – уездный город Подольской губ. на р. Буге – 23.

Воейков Александр Сергеевич (р. в 1801 г.) – опекун малолетних Толстых – 364, || 402.

Волкова Валерия Владимировна, рожд. Арсеньева (1836– 1909) – || 405.

Волково поле – стрельбище в Петербурге – 105.

«Воспоминания об осаде Силистрии» – статья неизвестного автора из кружка артиллерийских офицеров, статьи которых Толстой предлагал Н. А. Некрасову для «Современника» – || 383.

Врангель Карл Карлович (ум. 1872 г.) – ген.-от-инфантерии – || 430.

Вревский бар. Павел Александрович (р. 1808 г., уб. 4 авг. 1855 г.) – ген.-лейтенант и ген.-адъютант, директор канцелярии военного министерства. Письма его к военному министру кн. В. А. Долгорукову за время его командировки в Севастополь, в которых он настаивал на необходимости перейти в наступление, были напечатаны Н. К. Шильдером в «Военном сборнике» 1903 г. – 307, || 421, 422.

«Вышла радость на крыльцо» – цыганская песня–198.

Гасфортова гора – гора на левом берегу р. Черной, близ дер. Чаргун – || 422, 423.

Гёзлев – татарское название Евпатории (русское произношение Козлов) – || 431.

Генрихова батарея. См. Батареи.

Георгий – святой, так называемый Победоносец (уб. 303 г.) – 295.

Герцен Александр Иванович (1812–1870) – писатель. См. т. 47 «Дневники» и записные книжки 1854–1857 гг. || 427.

Глебов Порфирий Николаевич– || 393.

Глебов П. Н. «Записки» – || 393, 420.

Гомер – легендарный творец Илиады и Одиссеи – 24.

Гончаров Иван Александрович (1814–1891) – писатель – || 405.

Горчаков – 364.

Горчаков кн. Михаил Дмитриевич (1791–1861) – ген.-адъютант, троюродный дядя Толстого. При начале войны 1853–1856 гг. командовал войсками, действовавшими на Дунае, потом был назначен главнокомандующим Южной армией, а в феврале 1855 г. и главнокомандующим Крымской армией; после смерти кн. Паскевича в январе 1856 г. был назначен наместником Царства Польского и главнокомандующим 1-й армии и занимал эту должность до самой смерти – 75, 283, 295, 296, 307, || 383, 387, 410, 413, 415, 417, 420–423, 426, 427, 430.

Горчаков кн. Петр Дмитриевич (1785–1868) – ген.-от-инфантерии; служил на Кавказе, был генерал-губернатором Западной Сибири. В начале Восточной войны был в распоряжении кн. А. С. Меншикова – || 413, 429.

Графская – пристань на Городской стороне Севастополя вблизи выхода Южной бухты в Большую бухту – 3, 5, 88.

Греция – древняя Греция или Эллада – 16, || 413.

Греческие волонтеры– местные греки из легиона Николая I – 61.

Данненберг Петр Андреевич (1792–1872) – ген.-от-инфантерии, во время Крымской войны командир корпуса; после Инкерманского сражения, которым руководил, был переведен в Петербург и сделан членом военного совета – || 413, 424, 429.

Дворянский полк – военноучебное заведение для подготовки молодых дворян, начиная с 16-летнего возраста, к военной службе; учрежден в 1807 г. под названием волонтерского корпуса, с 1808 г. получил наименование Дворянского полка, под которым и просуществовал до 1855 г., когда был преобразован в Константиновский кадетский корпус – 67.

Дивизии:

– Дивизия 12 пехотная– || 423.

– Дивизия 7 пехотная– || 423.

Доковая стена – стена, ограждающая доки (на Корабельной стороне Севастополя) – || 393.

Доковый овраг – овраг, являющийся продолжением Корабельной бухты, идущий с юго-востока на северо-запад по направлению к докам, отделяющий Малахов курган и смежные укрепления от батарей, примыкающих к 3 бастиону – 303.

Долгоруков кн. Василий Андреевич (1804–1868) – военный министр в 1853–1856 гг., впоследствии шеф жандармов и главный начальник III отделения – || 421.

Дом с римскими цифрами на фронтоне – дом Благородного Соборного Собрания в Севастополе – главный перевязочный пункт, где почти безвыходно

работал Н. Ил. Пирогов – 5, 6.

Доницетти Гаэтано (1797–1848) – итальянский композитор – 79 («Лучия»).

«Достойно» – «Достойно есть» церковное песнопение, 311.

Дубровин Н. Ф., «История Крымской войны и обороны Севастополя». СПб. 1900 – || 429.

Дуванкой – селение и почтовая станция на правом берегу р. Бельбека, иначе Дуванка – 60, 63, 69, 74.

Дудышкин Степан Степанович (1820–1866) – писатель – || 405, 407.

Евпатория – уездный приморский город Таврической губ. на север от Севастополя в расстоянии от него по морю в 50 верстах. В самом начале Крымской войны, 1 сентября 1854 г., город был взят войсками союзников и оставался в их руках до конца – 20, || 412, 414, 428, 430.

Екатерининская улица – одна из главных улиц Севастополя, идущая от Николаевской площади к Театральной площади, параллельно Южной бухте – 84.

Ергольская Татьяна Александровна (1795–1874) – троюродная тетка Толстого – || 393, 409–411, 417.

Ерофеич. См. Остен–Сакен., гр. Д. Е.

Жерве батарея. См. Батареи.

Забуцкого батареи. См. Батареи.

Затлер Федор Карлович (1805–1876) – ген.-интендант Крымской армии; им была дана мысль о постройке моста через Большую Севастопольскую бухту – || 422.

Зацепин Николай Константинович (1819–1855) – полковник, командир 3 саперного батальона. Первоначально служил на Кавказе, потом принимал деятельное участие в укреплении Севастополя. Состоял почетным вольным общником Академии художеств, ученик К. П. Брюллова – 284.

Зеленая гора – высота на юг от Южной бухты между Лабораторной и Сарандинакиной балками; на ней находились английские батареи – 18, 301.

Золотая – улица в Кишиневе, потом называвшаяся Пушкинской – 283, || 408.

Зорин Аполлинарий Александрович – капитан 1 ранга, по предложению которого был загражден Севастопольский рейд потоплением нескольких кораблей – || 428.

Зуавы – особые войска во французской армии (Zouaves), первоначально состоявшие из туземцев Алжира (племя Зуауа) – 57.

«Известия Общества Толстовского музея» – || 396.

«Инвалид». См. «Русский инвалид».

Инкерман – урочище при впадении Черной речки в Большую Севастопольскую бухту с развалинами древней крепости и остатками пещерного города. При Инкермане 24 октября 1854 г. произошло кровопролитное сражение – 60, 111, || 413.

Инкерманская гора – гора, на которой расположен Инкерман. – || 429.

Иннокентий (Борисов) (1800–1857) – архиепископ херсонский, проповедник и богослов – 283.

Институт русской литературы (б. Пушкинский Дом Академии наук) – || 388, 395.

Исаков Николай Васильевич (1821–1891) – свиты ген.-майор – || 422.

Кавказ – || 409.

«Кавказ» – газета – || 409.

Казарский Александр Иванович. См. Бульвар.

«Как восьмого сентября мы за веру, за царя от француз ушли...» – севастопольская песня, в составлении которой принимал участие Толстой – || 418, 421, 424–430.

Камчатская (гора) – 301.

Камчатский редут. См. Редут Камчатский.

Канробер (François Canrobers) (1809–1895) – главнокомандующий французской армии, заменивший Сент-Арно – || 429.

Кантакузен – кн. ген.-майор, состоящий по артиллерии для особых поручений при инспекторе всей артиллерии (1855 г.) – 284.

Карантинная бухта – самое западное ответвление Большой Севастопольской бухты на восток от Стрелецкой Херсонского полуострова – || 391.

Карлгоф Николай Иванович – заведующий штабом войск, на Черноморской береговой линии расположенных, затем обер-квартирмейстер при штабе заместителя Кавказского. В бытность Толстого на Кавказе служил в 20 артиллерийской бригаде, где находился и Толстой – 283.

Кастор – один из мифологических близнецов, прославившихся своей искренней дружбой – 359.

Каца – река на Крымском полуострове, впадающая в Черное море – || 414, 428.

Кебеке Август Фердинандович – капитан генерального штаба (1854 г.), затем подполковник; состоял в распоряжении начальника главного штаба и ген.-квартирмейстера Южной армии и войск, в Крыму находящихся – 282.

Келим–балка. См. Килен–балка.

Керменчик – татарское селение близ Бахчисарая – || 394.

Киев – гор. || 392.

Кизляр – гор. Терской обл. на Тереке – 284.

Килен–балка (Келим–балка) – глубокий овраг с восточной стороны Севастопольских укреплений, оканчивающийся Килен–бухтой Большой Севастопольской бухты – 301, 305.

Кишинев – главный город Бессарабии – || 386, 407, 423.

Кларан – местечко на берегу Женевского озера в Швейцарии – || 406.

Князьки. См. Николай Николаевич и Михаил Николаевич в.к.

Ковалевский Егор Петрович (1811–1868) – государственный деятель, писатель и путешественник. Состоял при штабе кн. М. Д. Горчакова – 282, 284, || 387, 402, 419.

Ковалевский Петр Петрович (1808–1855) – ген.-лейтенант. В 1840–х гг. служил на Кавказе, с 1843 г. командир 20 артиллерийской бригады, в которой с 1852 г. был Толстой; затем с 1853 г. начальник правого фланга Кавказской линии. Умер от раны, полученной при штурме Карса – 283, 284, || 412.

Козлов (тат. Гёзлев) – старинное название Евпатории – || 430.

Козлянинов Николай Федорович (1818–1892) – полковник Ольвиопольского уланского полка, впоследствии ген.-адъютант – || 421, 422.

Колошин Валентин Павлович (уб. в 1855 г.) – прапорщик 11 артиллерийской бригады, приятель Толстого – || 388.

Колюбакин (ошибочно назван Кулебякин) Николай Петрович (1810–1868) – ген.-лейтенант с 1861 г., начальник Черноморской береговой линии во время Восточной войны 1853–1856 гг., затем управляющий Мингрелией, потом Эриванский военный губернатор. Колюбакин был причастен к исторической и военной литературе – 283.

Комстадиус Иосиф Карлович (уб. в 1854 г. в Инкерманском сражении) – штабс-капитан артиллерии – 282, || 408.

«Константин» – корабль – 4.

Константин Николаевич (1827–1892) – великий князь, второй сын Николая I. Один из деятельных помощников Александра II по проведению «великих реформ». С 1855 г. управлял флотом и морским ведомством – 107 («Кистянтин, царев брат»), 296, || 416.

Константинов Константин Иванович (1819–1871) – артиллерист, ген.-лейтенант, известный рядом ученых статей – 419.

Константинов Осип Ильич (1813–1856) – писатель, первый редактор газеты «Кавказ» – || 409.

Корабельная слободка – предместье Севастополя – часть Корабельной стороны, находящаяся между Корабельной бухтой, доками и Ушаковой балкой – 306.

Корабельная (сторона) – восточная часть Южной стороны, Севастополя (расположенная на юг от Большой бухты); она отделяется от западной части Южной стороны, называемой Городскою, Южной бухтой – 63, 83–85, 304.

Корабельный Малый мост. См. Мост Малый Корабельный.

Коржановский. См. Крыжановский.

Корниловская батарея. См. Бастион Корниловский.

Корнилов Владимир Алексеевич (р. 1806, ум. 6 октября 1854 г.) – вице-адмирал, один из главнейших деятелей Крымской войны, главный руководитель устройства оборонительных укреплений Севастополя. Был смертельно ранен при первой бомбардировке Севастополя – 4, 16, || 428.

Корпуса пехотные – 3, 4, 5, 283.

Корш Евгений Федорович (1810–1897) – журналист и переводчик, издатель журнала «Атеней» – || 389.

Костомаровский редут. См. Редут Костомаровский.

Коцебу гр. Павел Евстафьевич (1801–1884) – ген.-адъютант, член Государственного совета. Начал службу на Кавказе; во время Восточной войны сначала служил в Дунайской армии, потом переведен в Севастополь, где был начальником штаба Южной армии и всех сухопутных и морских сил, расположенных на Крымском полуострове. С 1862 г. был новороссийским и бессарабским ген.-губернатором. С 1874 по 1880 г. состоял варшавским ген.-губернатором и командующим войсками варшавского военного округа – 283, || 422.

Краевский Андрей Александрович (1810–1889) – журналист, издатель – || 403–405.

Крыжановский Николай Андреевич (1818–1888) – ген.-адъютант, ген.-от-артиллерии. В начальный период Восточной войны был начальником

артиллерии Южной армии. После назначения кн. Горчакова главнокомандующим занял место начальника штаба артиллерии. По окончании войны был назначен начальником Артиллерийского училища и Академии (до 1860 г.); затем после ряда других должностей назначен оренбургским генерал-губернатором и командующим войсками (с 1865 по 1881г.). Написал несколько руководств и статей по артиллерийскому делу, воспоминания об отдельных эпизодах Севастопольской обороны и роман «Дочь Алаяр-хана» (1884) – 282, 284 (Коржановский), || 393, 412, 417, 418, 422.

Крым – то же, что Таврический или Крымский полуостров – || 386, 417, 426, 430.

Кулебякин. См. Колюбакин.

Курск – губернский город – 162, 354.

Курское ополчение – || 423.

Кушин дом – дом Гушина на Городской стороне Севастополя, между Екатерининской и Морской улицами, близ Малого бульвара, превращенный в госпиталь, где находились смертельно раненые, и гангренозные – 91.

Лебедев Иван Семенович (ум. 1868 г.) – полковник, сапер. Сначала служил на Кавказе; во время Восточной войны 1853–1856 гг. находился сначала в Южной армии, затем служил в Севастополе – 283.

Левин Лев Федорович – командир 20 артиллерийской бригады (с 1852 по 1855 г.), в которой Толстой служил в бытность свою на Кавказе–283.

Лександра адмирал. См. Меншиков кн. А. С.

Ленинград – 392.

Ленинградское отделение Центрального исторического архива – || 392.

Липранди Павел Петрович (1796–1864) – генерал-от-инфантерии. Начал службу в 1813 г., участвовал в походе во Францию, в войне с Турцией 1828–1829 гг., в подавлении восстания поляков 1831 г. В начале войны 1853–1856 гг. командовал особым отрядом в Валахии, потом был переведен в Крымскую армию, где особенно отличился в сражении при Балаклаве, выполненном по его плану – 283, 307, || 420–424, 427, 428.

Лондон – столица Великобритании – || 426.

Лугинин Владимир Федорович (1834–1911) – прапорщик артиллерии, впоследствии профессор Московского университета – || 420.

Луначарский А. В. См. Толстой «Избранные произведения».

«Лучия» См. Доницетти.

Люнет Белкина. См. Редут Белкина.

Ляцкий – Евгений Александрович – || 396.

Малахов курган – одно из главнейших укреплений Севастополя, расположенное на восточной стороне оборонительной линии, между 2-м и 3-м бастионами; в значительной мере это был ключ всей Севастопольской позиции. – 64, 104, 111, 112, 114, 117, 300, 305, || 393, 394, 418.

Малый бульвар. См. Бульвар.

Малый Корабельный мост. См. Мост Малый Корабельный.

Мамадыш – уездный город Казанской губ. на р. Вятке – 23.

Мартинау Карл Александрович (ум. 1863? г.) – ген.-лейтенант. В офицерских чинах с 1817 г. Во время штурма Малахова кургана в августе 1855 г. был тяжело ранен. С 1859 г. директор Финляндского кадетского корпуса– || 419, 422.

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый по устройству Севастопольского музея под ред. Н. Ф. Дубровина. Спб. 1871–1874 – || 429.

Мекензиевы горы – возвышенность в окрестностях Севастополя – || 422.

Меншиков кн. Александр Сергеевич (1787–1869) – ген.-адъютант, адмирал, во время войны 1853–1856 гг. главнокомандующий Крымской армии (до 15 февраля 1855 г.) – || 415, 417, 424 («князь Александра»), 425 («Менщик»), 426 (idem), 427–430.

Менщик. См. Меншиков кн. А. С.

Меньков Петр Кононович (в рукописи ошибочно – Миньков) (1814–1875) – ген.-лейтенант, известный военный писатель и деятель, редактор «Русского инвалида» и «Военного сборника» – 282, || 420.

Мериканский флот. См. Американский флот.

Милошевич Мария Николаевна – дочь Н. С. Милошевича, издательница его воспоминаний – || 418, 419.

Милошевич Николай Степанович (1828–1901) – участник кампании 1853–1856 гг. и обороны Севастополя. Автор воспоминаний: «Из записок севастопольца» Спб., 1904 – || 418–420.

Милютин гр. Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – ген.-адъютант, военный министр, военный писатель и деятель – 283.

Миньков. См. Меньков.

Митрофаней (1623–1703) – епископ воронежский, святой – 27, 52.

Михаил Николаевич (1832–1909) вел. кн. – четвертый сын имп. Николая

I – || 412, 414, 415, 418, 425 (один из «князьков»), 429.

Михайловская батарея. См. Батареи.

Мияковский В. В. «Неизданные строки Л. Н. Толстого. Ночь весной 1855 г. в Севастополе» – || 392.

Мольер (1622–1673) – «Тартюф» – 364 (Тартюф).

Морская улица (Большая улица) – одна из главных улиц Севастополя, идущая от Николаевской площади к Театральной в западной его части – 19, 82.

Моод (Eylmer Mood) – английский писатель, председатель Толстовского Общества в Лондоне, биограф Толстого – || 386, 389.

Москва – 62, 63, 67, 71, 72, 162.

Мост Большой через бухту – пловучий мост, устроенный в конце осады Севастополя между Михайловской (на Северной стороне) и Николаевской (на Южной стороне) батареями; он имел в длину 430 саж. и 20 саж. пристаней, в ширину 3 сажени. По нему совершалось 27 августа 1855 г. отступление Севастопольской армии на Северную сторону – 80, 116, 118, 299.

Мост Малый Корабельный – мост через Южную бухту с Городской стороны на Корабельную – 85.

Мусин–Пушкин Михаил Николаевич (1795–1862) – попечитель Петербургского учебного округа и начальник Цензурного комитета в 1845–1856 гг.– || 390.

Мусин–Пушкин Н. С. – || 421.

Наполеон I (1769–1821) – французский император – 39, 53, || 397.

Наполеон III (1808–1873) – французский император – 20, 296.

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877) – поэт и журналист, издатель и редактор «Современника» – 282, || 383, 389, 390, 395, 410, 411.

Николаев – гор. Херсонской губ. на Черном море при Бугском лимане, впоследствии сильная крепость с большими верфями для постройки военных судов – 296, || 429.

Николаевская батарея. См. Батареи.

Николаевские казармы – казармы на Николаевской батарее – 19, 80, 104, 114, || 394.

Николай I Павлович (1796–1855) (с 1825 г.) – 80, 286, 291, || 383, 410, 412, 414, 425, 426, 428, 430.

Николай Николаевич (1831–1891) вел. кн. – третий сын имп. Николая I

– || 412, 414, 415, 425 (один из «князьков»), 429.

Николай Чудотворец – архиепископ мирликийский – || 414.

Новосильский Федор Михайлович (род. 1808) – командир Севастопольского порта – || 422.

Новый городок – иначе Балаганный городок, на Северной стороне Севастополя. В начале осады он устроился у самой Куриной балки на берегу Большой бухты, потом по мере увеличения досягаемости неприятельских снарядов отодвинулся значительно в глубь материка – 76.

Новый редут. См. Редут Новый.

Одесса (Одест) – первый по торговле русский порт на Черном море – 67, 161, 170, 357, || 412, 429.

Одест. См. Одесса.

Один из участников в составлении Севастопольской песни «Севастопольская песня» – || 421.

«Описание обороны Севастополя». Составлен под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. СПб. 1863 и 1868 гг. – || 391.

Остен Сакен гр. Дмитрий Ерофеевич (1789–1881) (Ерофеич) – ген.-адъютант, ген.-от-кавалерии, начальник Севастопольского гарнизона, участник всех войн России, начиная с 1805 г. – 308. 421 (Ссакин), 422, 425, 428 (Ссакин), 430.

Отделения – вся оборонительная линия Севастопольских укреплений для удобства командования была разделена сначала на три, потом на четыре и наконец на пять отделений: два (1-е и 2-е) приходилось на Городскую сторону и два, а потом три (3-е, 4-е и 5-е) на Корабельную. Войска Городской стороны и войска Корабельной в отношении общего командования были обособлены друг от друга – 301.

«Отечественные записки» журнал, выходивший в Петербурге в 1839–1884 гг. – 103, || 397, 403, 405–407.

«Отче» – молитва «Отче наш» – 170.

Павлов Прокофий Яковлевич (1796–1868) – ген.-лейтенант, командир 11-й, потом 17 пехотной дивизии – || 425, 429.

Павловская набережная – набережная у Павловской береговой батареи, находившейся на Корабельной стороне на мысе, образуемом Корабельной бухтой и Большой Севастопольской бухтой – 48.

Панаев Иван Иванович (1812–1862) – писатель – || 385, 386, 388 – 392.

Панфилова батарея. См. Батареи.

Парижская батарея. См. Батареи.

Пелисье (Pélissier), Жан-Жак (1794–1865) – главнокомандующий французских войск во время Крымской войны с мая 1855 г., сменивший Ф. Канробера. За взятие Малахова кургана он получил звание герцога – duc de Malakof – 75.

Перевязочный пункт – На южной стороне Севастополя было четыре перевязочных пункта; один из них находился в Николаевской батарее – 37, 38, 82–84.

Перекоп – уездный город Таврической губ. на перешейке, соединяющем Крымский полуостров с материком – 68.

Песня про сражение на р. Черной. См. Толстой «Как четвертого числа».

Песчаная бухта – Песочная или Круглая бухта Херсонесского полуострова – на запад от бухты Стрелецкой и на восток от Камышевой – 299.

Петербург (Санкт-Петербург, Питер, Петроград) – 20, 29, 48, 67, 71, 72, 79, 101, 102, 284, || 385, 395, 412, 419, 421, 425 (Питер), 427, 429.

Петр I (1672–1725) – имп. всероссийский – 77.

Пиксанов Н.К. См. Толстой «Избранные произведения».

«Письма Л. Н.Толстого 1848–1910 гг.» Собранные и отредактированные П. А. Сергеевко. (Толстовский Альманах) М. 1910– 1911. – || 386, 393, 409, 410, 413, 419.

«Письмо о сестрах милосердия» – статья неизвестного автора из кружка артиллерийских офицеров, статьи которых Толстой предлагал Н. А. Некрасову для «Современника» – || 383.

«Письмо солдата из Севастополя» – статья неизвестного автора из кружка артиллерийских офицеров, статьи которых Толстой предлагал Н. А. Некрасову для «Современника» – || 383.

Питер. См. Петербург.

Пластуны – название казаков-разведчиков Черноморского казачьего войска. Под Севастополем пластуны входили в состав двух пеших черноморских баталионов – 11, 13.

Плац-бек-Кокум (в тексте «Плац-бек-Кок»), Андрей Петрович – ген.-майор, генерал-полицеймейстер главного штаба Южной армии – 307, || 422.

Плетнев Петр Александрович (1792–1865) – друг Пушкина, историк литературы, профессор и ректор Петербургского университета, академик и председательствующий в Отделении русского языка и словесности

Академии наук – || 385.

Полки:

– Екатеринбургский (10 пехотной див.) – 304.

– Житомирский (14 пех. див.) – 303.

– Кременчугский (8 пех. див.) – 302.

– Минский (14 пех. див.) – 304.

– Подольский (14 пех. див.) – || 393.

– Селенгинский (11 пех. див.) – 303.

Полукс (Полюкс) – один из мифологических близнецов, прославившихся своей искренней дружбой – 359.

Полюкс. См. Полукс.

«Полярная звезда» – || 427.

Пруссия – королевство Прусское – 91.

Публичная библиотека Союза ССР им. Ленина (б. Румянцевский музей). – || 391, 395, 407, 411, 415–418.

Пушкинская улица. См. Золотая улица.

Пушкинский дом Академии наук. См. институт русской литературы.

Пятигорск – город Терской области (Кавказ) – || 7.

Раглан лорд Фицрой–Джемс Генри–Сомерсет (1788–1855) – фельдмаршал, английский главнокомандующий во время Крымской войны – || 428.

Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) – профессор Московского университета, педагог, деятель по народному образованию. – || 389.

Рead Николай Андреевич (р. 1792 г., убит под Федюхиными высотами 4 авг. 1855 г.) – ген.-от-кавалерии, участник кавказских войн – 308, || 422, 423.

Редингер – повидимому в заметке о журнале неточно передана фамилия: возможно Ридигер – Ридигер, Федор Васильевич (1783–1856), участник войны 1812 г., Турецкой войны 1828–1829 гг., Венгерской кампании 1849 г.; в 1855 г. был главнокомандующим гвардейским и гренадерским корпусами – 284.

Редуты:

– Редут Белкина (люнет № 7) – укрепление в три фаса на запад от 5 бастиона – 304, || 393.

– Большой редут. См. Редут Новый.

– Редут Камчатский (люнет) – передовое укрепление Севастопольской оборонительной линии на холме впереди Малахова кургана (устроено в феврале 1855 г.); 27 мая 1855 г. он перешел в руки французов, устроивших в нем несколько сильных батарей – 302, 305.

– Редут Костомаровский – батарея № 38 впереди 4 бастиона – 300, 303.

– Редут Новый – редут на склоне Мекензиевых гор – || 422.

– Редут Шварца № 1 – укрепление Севастопольской оборонительной линии между бастионами 5-м и 4-м на гребне между Городским оврагом и Загородною балкою – 25, 113, 303–305.

– Редут Язоновский – позади 4 бастиона, образованный в конце ноября или начале декабря 1854 г. из батарей №№ 20, 23, 53 и 62. Язоновским назван по имени брига «Язон», команда которого работала над его сооружением (Тотлебен «Описание обороны Севастополя», т. I. 542–543) – 13.

Рогатка – куртина между бастионами Корниловским и 2-м – 103, 300–302, 304, 305.

Ромен – Ромны, уездный город Полтавской губернии – 161, 170, 354, 357.

Россия – 10, 16, 23, 32, 285, 286, 291, 295, || 384, 413, 427.

Ростовцов гр. Николай Яковлевич (1831–1897) – обер-офицер артиллерии Южной армии (1854–1855 гг.), впоследствии военный губернатор и командующий войсками Самаркандской области – || 409, 412.

Руководство для артиллерийских офицеров – «Руководство для артиллерийской службы офицерам». Издано по высочайшему повелению (СПб. 1853), составлено штабом инспектора всей артиллерии под руководством ген.-адъютанта А. П. Безака – настольная книга, воспитавшая несколько поколений артиллеристов – 104, 105.

«Русский инвалид» – газета 1813–1917 гг. – 20 («Инвалид»), 22 (id.), || 383, 385, 410.

Сакен. См. Остен-Сакен гр. Д. Е.

Сапун-гора – возвышенность на юго-восток от Севастополя – 3, 52.

Саранск – уездный город Пензенской губ. – 5.

Саратов – губернский город – 23.

Севастополь – военно-портовый город на юго-западной оконечности Таврического полуострова – 3, 4, 6, 7, 16, 18, 19, 23, 52, 60–62, 65–69, 71–74, 76, 79, 82, 107, 109, 111, 112, 117, 119, 295, 299, ||

383, 384–388, 391–395, 403, 409, 412, 421–423, 426–430.

«Севастопольская песня «Бой на Федюхиных высотах». См. «Как восьмого сентября».

Севастопольская песня про сражение на р. Черной. См. Толстой «Как четвертого числа».

Севастопольское собрание. См. Дом с римскими цифрами на фронте.

Северная (сторона) – местность на северном берегу Большой Севастопольской бухты – 3, 6, 60, 62, 76, 79, 81, 82, 84, 89, 90, 97, 102, 116, 118, 119, 306, || 393, 415, 417, 427.

Северное укрепление – старинное укрепление на Северной стороне Севастополя, перестроенное после Альминского сражения в сентябре 1854 г. Тотлебенем – 111.

Семякин Константин Романович (1802–1867) – ген.-лейтенант. Во время обороны Севастополя начальник 1-го и 2-го отделения Севастопольской оборонительной линии – || 422.

Сент-Арно (Arnaud, Jacques Leroy de Saint-Arnaud) (1798– 1854) – главнокомандующий французской армии в Крыму – || 424, 429.

Сержпутовский Адам Осипович (ум. 1860 г.), – ген.-лейт., начальник артиллерии Южной армии и войск, в Крыму находящихся – || 422.

Сержпутовский Осип Адамович (ум. 1900) – полковник, потом свиты ген.-майор и ген.-от-кавалерии – || 421.

Силистрия – турецкая крепость на правом берегу Дуная – || 383.

Симферополь – губернский город Таврической губ. – 60, 65, 67, 92, 95, 296.

«Снобсы». См. Теккерей В.

Соболев Андрей Ильич – яснополянский бурмистр – 377, || 395.

«Современник» – литературный журнал, издававшийся в Петербурге в 1847–1856 гг. – || 383, 385–390, 392, 395, 396, 411.

Соймонов Федор Иванович (1800–1854) – командующий 10 пехотной дивизии (с октября 1851 г.); был убит в самом начале Инкерманского сражения 24 окт. 1854 г., в котором командовал правой колонной – 283, || 425, 429.

Сороки – уездный город Бессарабской губ. – 100.

Сражения:

– Альминское дело – сражение на р. Альме 8/20 сентября 1854 г., первое столкновение с союзниками, окончившееся поражением русских –

10, || 411, 417, 427.

– Дело 8 сентября. См. Альминское дело.

– Дело 5 октября – первая бомбардировка Севастополя союзными войсками 5/17 октября 1854 г. – 8, 13, 28.

– Дело 13 октября 1854 г. – сражение под Балаклавой – || 427.

– Дело 24 октября – Инкерманское сражение 24 октября 1854 г. – 10, 102, || 413, 428.

– Дело 10 мая (1855 г.) – || 388, 391, 393.

– Дело 24 числа – 24 августа 1855 г. было произведено шестое усиленное бомбардирование Севастополя, направленное преимущественно на Малахов курган, 2 и 4 бастионы – 106.

– Евпаторийское дело – сражение 5 февраля 1855 г. – || 430.

– Сражение на р. Черной – сражение 4 августа 1855 г. (бой на Федюхиных высотах). Сражение на Черной речке Толстой в рассказе «Севастополь в августе» называет «Инкерманским сражением», как захватившее собою часть и скаты Инкерманских высот. Это сражение произошло незадолго до описываемых в рассказе событий, в то время как сражение, известное под названием «Инкерманского», было 24 октября 1854 г. В сражении 4 августа принимал участие и сам Толстой – 102, || 418, 419, 421–423.

Саакин. См. Остен–Сакен гр. Д. Е.

Столыпин Аркадий Дмитриевич (1821–1899) – капитан л.-гв. Конной артиллерии, впоследствии генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант. После Крымской войны был атаманом Уральского казачьего войска; в конце Турецкой войны (1877– 1878) ген.-губернатор Румелии и Адрианопольского санджака. Он был причастен к литературе, музыке и скульптуре; в 1855 г. через посредство Толстого напечатал в «Современнике» (№ 7) описание ночной вылазки в Севастополе – 282, || 385, 403, 408, 409.

Суворов Иван Васильевич – яснополянский служащий – || 395.

Сухонина – || 399.

Сухотин Александр Михайлович (1827–1905) – знакомый Толстого – || 399.

Сухотин Михаил Михайлович (1825–1881) – знакомый Толстого – || 399.

Сухотин Сергей Михайлович (1818–1886) – знакомый Толстого – || 399.

Сухотин Федор Михайлович (1816–1889) – знакомый Толстого – || 399.

Сухотина – || 399.

Сысоев С. П. «Песня о сражении при Федюхиных горах» – || 419, 420.

Тартюф – герой комедии Мольера «Тартюф». См. Мольер.

Теккерей. (William Thackeray) английский романист (1811–1863) – 24 («Снобсы» и «Тщеславие»), || 392 (id.). «Тщеславие» – роман «Ярмарка тщеславия» (Vanity Fair).

Тетеревников (в тексте Севастопольской песни «Тетеревкин»), Николай Кузьмич (1805–1874) – ген.-майор во время Крымской войны – || 419.

Тифлис – главный город Грузии – || 400.

Толстая гр. Мария Николаевна (1830–1912) – сестра Толстого – || 401.

Толстой гр. Валерьян Петрович (1813–1865) – муж гр. М. Н. Толстой, сестры Толстого – || 401.

Толстой Л. Н.

– «Весенняя ночь в Севастополе». См. «Севастополь в мае».

– «Военные рассказы». СПб. Изд. 1856 г. – || 385, 392.

– «Военный листок» («Солдатский вестник») – 281–284, || 383, 408–412.

– «Война и мир» – || 417.

– «10 мая». См. «Севастополь в мае».

– «Детство» («История моего детства») – || 385, 397, 398, 400.

– «Дневник офицера в Севастополе». См. «Отрывок из дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка».

– «Дневник офицера». См. «Отрывок из дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка».

– «Дневник помещика» – || 404.

– Дневники и записные книжки – || 384, 390, 391, 394, 397, 405, 411, 416–419.

– Докладная записка кн. М. Д. Горчакову 1855 г. – 295, || 415 («проект адреса»), 416.

– «Донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками» – 299–306, || 394, 417–418.

– «Заметка по поводу военного журнала» – 284, || 412.

– «Записки маркера» – || 385.

– Записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера – 285–294, || 412–415.

– «Избранные произведения». Ред., вступ. ст. и комментарии М. А. Цявловского – «Русские и мировые классики» под общей редакцией А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова – || 406.

– Идиллия офицерского быта – || 383, 412.

– «История моего детства». См. «Детство».

– «Как четвертого числа нас нелегкая несла» – 307–308, || 418–423.

– «Набег» – || 385.

– Несколько слов по поводу книги «Война и Мир» – || 417.

– «Ночь в Севастополе». См. «Севастополь в мае».

– «Отрочество» – || 385, 400, 401.

– «Отрывок из Дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка» («Дневник офицера в Севастополе», «Дневник офицера») – 296, || 416.

– «Песня про сражение на р. Черной 4 августа 1855 г.» См. «Как четвертого числа».

Письма Толстого:

Ергольской, Т. А. – || 393, 409–411, 417.

Коршу, Е. Ф. – || 389.

Крыжановскому Н. А. –393, || 418.

Милошевич М. Н. – || 418, 419.

Мооду Э. – || 386, 389.

Некрасову Н. А. – || 383, 397, 410, 411.

Панаеву И. И. – || 385, 388.

Толстому гр. С. Н. – || 386, 400. 409, 410, 413, 421.

Письма к Толстому:

Моод Э. – || 389.

Некрасов Н. А. – || 383, 389, 390, 411.

Панаев И. И. – || 385, 389.

- Полное собрание сочинений под ред. и с прим. П. И. Бирюкова. «Библиотека Русского Слова». Изд. Сытина. М. 1913 (в 24 томах) – || 386.
- Полное собрание художественных произведений. Редакция К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Гиз. Лгр. 1928–1930. – || 392.
- Полное собрание художественных произведений. Редакция И. И. Гливенко и М. А. Цявловского. Приложение к журн. «Огонек». Гиз. М. 1928. – || 392.
- «Помещик». См. «Утро помещика».
- «Правила и предположения» – || 401.
- Проект адреса. См. «Докладная записка кн. М. Д. Горчакову».
- Рассказ солдата о том, как его убило – || 384.
- «Роман русского помещика». См. «Утро помещика».
- «Рубка леса» – || 387.
- «Русский помещичий роман». См. «Утро помещика».
- «Севастополь». См. «Севастополь в декабре месяце».
- «Севастополь в августе» – 60– 119, 230–278, || 393–396, 417.
- «Севастополь в декабре месяце» («Севастополь», «Севастополь днем и ночью») – 3–17, 173–184, || 383–387.
- «Севастополь в мае» («Весенняя ночь в Севастополе», «10 мая», «Ночь в Севастополе», «Севастопольская ночь») – 18–59, 184–230, 387–392, 394, 416.
- «Севастополь в различных фазах» – || 383, 412.
- «Севастополь днем и ночью». См. «Севастополь в декабре месяце».
- «Севастопольская ночь». См. «Севастополь в мае».
- «Солдатские разговоры» – 297, 298, || 417.
- «Солдатский вестник». См. «Военный листок».
- «Утро помещика» («Помещик», «Русский помещичий роман», «Роман русского помещика») – 123–171, 309–376, || 397–407.
- «Характеры и лица и кой-что к «Роману русского помещика» – 377–379, || 403, 407.
- «Четыре эпохи жизни» – || 400.

– «Юность» – || 400.

– «Юность и молодость» – || 416.

«Л. Н. Толстой. Юбилейный сборник Московского Толстовского музея. – || 404.

Толстой гр. Сергей Николаевич (1826–1904) – брат Толстого – || 386, 400, 408–410, 413, 421.

Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884) – ген.-адъютант, военный инженер. Во время Крымской войны он был главным руководителем сооружения оборонительных укреплений – 71.

Тотлебен Э. И. См. «Описание обороны Севастополя».

Трактирный мост – мост через р. Черную под Федюхиными высотами – || 423.

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – писатель – || 385, 406.

Турция – 19.

«Тщеславие». См. Теккерей В.

Усова батарея. См. Батареи.

Ушаков Александр Клеонакович (1803–1877) – ген.-лейтенант, начальник 7-й пехотной дивизии в конце Крымской войны, впоследствии ген.-от-инфантерии – || 422.

Ушаков Николай Иванович (ум. 1861 г.) – ген.-лейтенант, дежурный генерал при кн. М. Д. Горчакове с 1853 г., с ним вместе перешедший из Южной в Крымскую армию. Ему принадлежат «Записки очевидца о войне России противу Турции и западных держав (1853–1855)» – 284 || 422.

Ушакова балка – овраг на запад от Килен-бухты и на восток от Корабельной слободки, спускающийся к Большой Севастопольской бухте – 302.

Федюхины высоты – возвышенность над р. Черной на восток от Севастополя – || 421, 422, 429.

«Ферма». См. Vixio.

Филарет (Дроздов) (1782–1867) – митрополит московский, церковный проповедник и писатель – 283.

Фриде Александр Яковлевич (1822–1894) – капитан артиллерии, служил в артиллерийском штабе Южной армии, впоследствии ген.-лейтенант, помощник начальника главного артиллерийского управления, затем начальник окружного артиллерийского управления на Кавказе до 1885 г. – 282, 284, || 408, 421.

Хамудис – домовладелец в Кишиневе – 283 || 408.

Хрулев Степан Александрович (1807–1870) – ген.-лейтенант, с декабря 1854 г. перечислен в Крымскую армию из Южной. Участник обороны Севастополя – || 391, 422, 426, 430.

Царьград – Константинополь, столица Турции – 170.

Цявловский М.А. См. Толстой «Избранные произведения».

Часовня мертвых – в Севастополе было два места, куда складывали умерших; убитых на Городской стороне свозили на Николаевский мысок у Николаевской батареи, убитых на Корабельной – на Павловский мысок. Отсюда тела переправлялись на Северную сторону в Куриную балку, откуда на мажарах свозились в братские могилы на Северном кладбище. Часовней мертвых, кажется, называлось именно место на Николаевском мысе – 52.

Черная речка – река, впадающая в большую Севастопольскую бухту – || 418, 421, 422.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1892) – писатель. См. т. 47. Дневники 1854– 1857 гг. || 395.

Шварц. См. Редут Шварца.

Шварца редут. См. Редут Шварца.

Шварцевский редут. См. Редут Шварца.

Шекспир Вильям (1564–1616) – английский драматург – 24.

Шемякина батарея. См. Батареи.

Шклярский Михаил Валентинович (1826–1891) – капитан конной артиллерии, потом полковник – || 421.

Шуббе – полковник. В 1854 г. был командиром 5 отделения осадного артиллерийского парка на Дунае – 283.

Шубин – поручик конно-артиллерийской легкой № 9 батареи, адъютант начальника артиллерии Южной армии ген.-лейт. Сержпутовского – 282, || 408, 421.

Эски-Орда – татарская деревня в 6 верстах от Симферополя – 413.

Южная армия – часть русской армии во время Восточной войны 1853–1856 гг., действовавшая на Дунае, в Молдавии и Валахии – || 383, 408, 410, 413, 426, 430.

Южная бухта – бухта, отделяющая г. Севастополь от Корабельной стороны – 4.

Язоновский редут. См. Редут Язоновский.

Яков – приказчик в Ясной поляне– || 405.

Якубовский Юрий Осипович (1857–1929) – || 409.

Якубовский Ю. О. «Л. Н. Толстой и его друзья. За 25 лет» – || 409.

Ясная поляна – имение Толстого, Крапивенского уезда, Тульской губернии – || 395.

Balzac O. «Splendeur et misère des courtisanes» («Блеск и ничтожество куртизанок») – 47.

Vixio J.-A. «Maison rustique du XIX siècle». («Ферма XIX столетия»). – Большой трактат по сельскому хозяйству, впервые вышедший в свет в пяти томах в 1837 г. – 125.

«Journal de Francfort» –

«Le Nord» – брюссельская газета – || 385.

«Maison rustique». См. Vixio J.-A.

«Splendeur et misère des courtisanes» – роман (1843 и 1846 г.) Бальзака – 47. См. Balzac O.

Tolstoy L. «Une journée á » – || 385.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ.

Настоящий том составляют, во-первых, произведения Севастопольского периода и, во-вторых, «Утро помещика».

В группу произведений Севастопольского периода входят, кроме трех общеизвестных, так называемых «Севастопольских рассказов» и песни про сражение на р. Черной 4 августа 1885 г., впервые публикуемые писания Толстого (по его автографам), вызванные его пребыванием в осажденном в 1854–1855 гг. Севастополе: 1) проект журнала «Солдатский вестник», 2) заметка по поводу этого журнала, 3) записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера, 4) набросок докладной записки кн. М. Д. Горчакову (?), 5) «Отрывок из дневника штабс-капитана А. пехотного Л. Л. полка», 6) солдатские разговоры и 7) донесение о последней бомбардировке и взятии Севастополя союзными войсками.

В основу печатаемого текста рассказа «Севастополь в мае» впервые положен текст, посланный Толстым из Севастополя в редакцию «Современника».

Кроме обычного текста «Утра помещика», впервые полностью печатается первая редакция этого произведения, носившего первоначально название «Роман русского помещика», и вариант первых глав «Романа».

В подведении вариантов и держании корректур «Севастопольских рассказов» принимали участие О. В. Воронцова–Вельяминова и П. В. Булычев.

В. И. Срезневский.

М. А. Цявловский.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Л. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Л. Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

На месте слов, не допустимых в печати, ставится в двойных прямых скобках цифра, обозначающая число невозпроизводящихся слов: [[1]].

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючек вниз, вместо конечного «ъ», или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «кый», вместо «который», и слова, написанные не полностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении. Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение и зачеркнутых слов в ломаных < > скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом. Дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях. При воспроизведении «многоточий» Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, – самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Обозначения: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации

Фототипия с фотографии: Л. Н. Толстой март 1856 г. (размер подлинника) – между XII и 1 стр.

Автотипия части 4-й полосы 7-й формы корректуры рассказа «Севастополь в августе» (размер подлинника) – между 116 и 117 стр.

Примечания

1

Корабль «Константин».

2

Моряки все говорят палить, а не стрелять.

3

Мортира.

4

[Я вам говорю, что одно время только об этом и говорили в Петербурге,]

5

[Этой прекрасной храбрости дворянина]

6

[Ну, господа, нынче ночью, кажется, будет жарко,]

7

[Нет, скажите: правда, нынче ночью что-нибудь будет?]

8

[Какой красивый вид!]

9

Сходить на улицу, узнать, что там новенького.

10

А мы тем часом кнаксик сделаем, а то что-то уж очень страшно.

11

Наши солдаты, воюя с турками, так привыкли к этому крику врагов, что теперь всегда рассказывают, что французы тоже кричат «Алла!»

12

[Осложненное раздробление бедра,]

13

[Прободение черепа.]

14

[Прободение грудной полости.]

15

[Умирает.]

16

[Вы ранены?]

17

[Извините, государь, я убит,]

18

[пушечное мясо.]

19

[«Ко мне, товарищи! О, чорт! О, Господи!»]

20

[«Роскошь и убожество куртизанок,» роман Бальзака]. Одна из тех милых книг, которых развелось такая пропасть в последнее время и которые пользуются особенной популярностью почему-то между нашей молодежью.

21

[Надо было видеть, в каком состоянии я его встретил вчера под огнем,]

22

[Разве флаг уже спущен?]

23

[Нет еще,]

24

[Если бы еще полчаса было темно, ложементы были бы вторично взяты,]

25

[Я не говорю нет, только чтобы вам не противоречить,]

26

[Какого вы полка?]

27

[Он идет смотреть наши работы, этот проклятый...]

28

[– Почему эта птица здесь?

– Потому что это сумка гвардейского полка; у него императорский орел.

– А вы из гвардии?

– Нет, шестого линейного.

– А это где купили?]

29

[В Балаклаве. Это просто из пальмового дерева.]

30

[Вы меня обяжете, если оставите себе эту вещь на память о нашей встрече.]

31

[Да, хороший табак, турецкий табак, – а у вас русский табак? хороший?]

32

[Они не красивы, эти русские скоты,]

33

[О чем это они смеются?]

34

[Не выходи за черту, по местам, чорт возьми.....]

35

[Графе Сазонове, которого я хорошо знал, сударь,]

36

[Это один из настоящих русских графов, из тех, которых мы любим.]

37

[— Я знал одного Сазонова, — говорит кавалерист, — но он, насколько я знаю, не граф, небольшого роста брюнет, приблизительно вашего возраста.

— Это так, это он. О, как я хотел бы видеть этого милого графа. Если вы его увидите, очень прошу передать ему мой привет. — Капитан Латур,]

38

[Не правда ли, какое ужасное печальное дело мы делаем? Жарко было прошлой ночью, не правда ли?]

39

[— О! это было ужасно! Но какие молодцы ваши солдаты, какие молодцы! Это удовольствие драться с такими молодцами!

— Надо признаться, что и ваши не ногой сморкаются,]

40

Последняя станция к Севастополю.

41

Во многих армейских полках офицеры полупрезрительно, полуласкательно

называют солдата Москва или еще присяга.

42

Руководство для артиллерийских офицеров, изданное Безаком.

43

См. ниже в Словаре трудных для понимания слов.

44

«Архив села Карабихи». М. 1916, стр. 190–193.

45

См. «Альманах Круг», кн. 6, М. 1927, стр. 196–197, письмо Н. А. Некрасова от 27 янв. 1855 г.: «Письмо ваше с предложением военных статей получил и спешу вас уведомить, что не только готов, но и рад дать вам полный простор в Современнике – вкусу и таланту вашему верю больше, чем своему».

46

См. ниже комментарии к «Проекту журнала Солдатский Вестник».

47

[пушечного мяса]

48

Письмо И. И. Панаева к Толстому 31 мая 1855 («Красная новь», 1928 кн. 9).

49

П. И. Бирюков. Биография. Т. I. Берлин. 1921, стр. 267.

50

Дневник Толстого 29 июня 1855 г. Рассказ был напечатан с сокращениями в Брюссельской газете «Le Nord» (№ 7, 7 июля 1855 г.) под названием «Une journ'e à Sebastopol» и затем перепечатан в «Journal de Francfort» 14 июля. 1855 г. № 167 (Supplément).

51

Дневник Толстого 29 июня 1855 г. Рассказ был напечатан с сокращениями в Брюссельской газете «Le Nord» (№ 7, 7 июля 1855 г.) под названием «Une journ'e à Sebastopol» и затем перепечатан в «Journal de Francfort» 14 июля. 1855 г. № 167 (Supplément).

52

Собр. соч. И. И. Панаева, т. VI, стр. 428.

53

См. т. II. примечания 278–279.

54

См. т. 59.

55

Там же.

56

Подлинник письма в Институте новой русской литературы; цитируем по подлиннику (4 июля 1855 г.). Напечатано в «Красной нови», 1928, кн. 9, стр. 219–220.

57

В издании («Красная новь», 1928, кн. 9), неправильно прочтена эта фамилия: П–киным – вм. Гнилокишкиным.

58

Письмо И. И. Панаева к Толстому 28 авг. 1855 г. («Красная новь», 1928, кн. 9. стр. 224).

59

Письмо Н. А. Некрасова к Толстому 2 сент. 1855 г. (Ежемесячные литературные приложения к журн. «Нива», 1898, № 2, стр. 343).

60

Письмо И. И. Панаева к Толстому 28 авг. 1855 г. («Красная новь», 1928, кн. 9. стр. 224).

61

Письмо И. И. Панаева к Толстому 28 авг. 1855 г. («Красная новь», 1928, кн. 9. стр. 224).

62

Письмо И. И. Панаева к Толстому 18 июля 1855 («Красная новь», 1928, кн. 9, стр. 220–221).

63

«Творчество» (Харьков), 1919, IV, май, стр. 17. Письмо без годовой даты.

64

Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого под ред. П. И. Бирюкова (М. 1913), т. II, примечания, стр. 278.

65

Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого под ред. П. И. Бирюкова (М. 1913), т. II, примечания, стр. 278.

66

«Творчество» (Харьков), 1919, IV, май, стр. 18.

67

Письмо Н. А. Некрарова к Толстому 2 сент. 1885 г. (Ежемесячные литерат. прилож. к журн. «Нива», 1898, № 2, стр. 342–343).

68

См. т. 59.

69

Записки Порф. Ник. Глебова. «Русская старина», 1905, март, стр. 528.

70

Включены только слова, необъясненные в тексте самим Толстым.